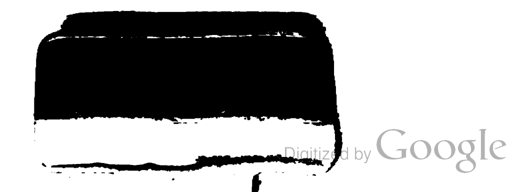
A 689,031

PROPERTY OF THE
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. ЕФРЕМОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1816—1829 ГОДОВЪ.

САНКПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. И. ГЛАЗУНОВА.
1885.

Собственность Глазунова.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-го ТОМА.

1816—1829.

1816.

—

ВОСПОМИНАНІЕ.

Прошли, прошли вы, дни очарованья,
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить;
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ, лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить;
Несчастіе—объ васъ воспоминанье,
Но болѣе несчастье—васъ забыть!

О, будь же, грусть, замѣной упованья;
Отрада намъ—о счастьи слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, увы, и позабыть?

ПѢСНЯ.

Кольцо души дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ, давъ его, сказала:
«Носи; не забывай;
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искалъ... но гдѣ сыскать!...

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе,
Приду къ ней — не глядитъ.
Съ тѣхъ поръ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ.

О вѣтеръ полуночный,
Проснися! будь мнѣ другъ!
Схвати со дна колечко,
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ.
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ.

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала,
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.

На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ.

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей...
А мнѣ — мое колечко
Съ надеждою моей.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи безсонный не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, вышни силы.

На жизнь мы брошены отъ васъ,
И вы жъ, давъ знаться намъ съ виною,
Страданью выдаете насъ,
Вину преслѣдуете мздою.

СТИХИ, ПѢТЫЕ НА ПРАЗДНЕСТВѢ

АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА ЛОРДА КАТКАРТА, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. *

Сей день есть день суда и мщенья;
Сей грозный день землѣ явилъ
Непобѣдимость провидѣнья,
И гордыхъ силу пристыдилъ.

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу пристать?

---

* 28 марта 1816 года, въ годовщину отреченія Наполеона отъ престола.

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей красу порфиръ,
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заграбить міръ.

И гдѣ онъ?... Міръ его не знаетъ.
Забытъ разбитый истуканъ;
Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ
Неумолимый океанъ.

И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла.

И честь тому, кто вѣрный чести
Свободѣ мечъ свой посвятилъ,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстилъ.

Такъ, честь ему: и миръ вселенной,
И царскія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы.

Объ немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ его мольбой:
«Чтобъ долго былъ красой онъ трона
И человѣчества красой.»

———

СОНЪ.

[изъ Уланда].

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
Вблизи большой дороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся наконецъ,
И смутно озирался:
Дорогой шелъ младой пѣвецъ,
И съ пѣньемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ —
Но струны все звенѣли.
Ахъ! не онѣ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

[изъ Уланда].

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ,
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу зàмки богачей
И ихъ сады кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь,
Моя печаль въ тиши,
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
«Богъ помочь!» отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ,
Источникъ милости твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю,
И слыша благовѣстъ, съ тобой,
Создатель, говорю.

И знаю, будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Дорогой шла дѣвица,
Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица,
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста—
И снова разцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ кельѣ,
Въ тюрьмѣ проснулся онъ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна,
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ,
И сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется,
Или снова раздается
Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ?...

Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное т а м ъ?

---

* * *

Тамъ небеса и воды ясны,
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина, всѣ дни твои прекрасны;
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ —
Все тамъ!

МЩЕНІЕ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА].

Измѣнной слуга паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры, и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока—
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

ГАРАЛЬДЪ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА].

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ,
Что зыблется въ листахъ,
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ;
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То феи.... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ;
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студёной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ.
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

ТРИ ПѢСНИ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА].

«Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую скальдъ?»
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
Тобою, могучій, забыта она;
Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
Та пѣсня: отца моего ты убилъ.

«Есть пѣсня другая: ужасна она,
И мною подъ бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой,
И пѣсня та: бейся, убійца, со мной!»

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо,
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ,
И рухнулъ Освальдъ—голова пополамъ.

«Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
Та пѣсня: убійца поверженъ въ крови!»

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
За чѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое прежде,
За чѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: живи, надеждѣ?
Скажу ль тому, что было: будь?
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

За чѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

УЗНИКЪ.

БАЛЛАДА.

«За днями дни идутъ, идутъ....
Напрасно;
Они свободы не ведутъ
Прекрасной;
Объ ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

«Смотрю въ высокое окно
Темницы:
Все небо свѣтомъ зажжено
Денницы;
На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка
Летаютъ вольно облака.

«Итакъ всѣ блага замѣнить
Могилой?
И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
Такъ мило;
Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать:
Еще мнѣ рано умирать.

«Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ
Жила я;
Лишь мигъ на праздникѣ земномъ
Была я;
Душа готовилась любить....
И все покинуть, все забыть!»

Такъ голосъ заунывный пѣлъ
Въ темницѣ....
И сердцемъ юноша летѣлъ
Къ пѣвицѣ.

Но онъ въ неволѣ, какъ она;
Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлученъ
 Стѣною;
Невидимую знаетъ онъ
 Душою;
И мысль объ ней и день и ночь
Отъ сердца не отходитъ прочь.

Все видитъ онъ: во тьмѣ она
 Тюрёмной
Сидитъ, раздумью предана,
 Взоръ томной;
Младенчески прекрасенъ видъ;
И слезы падаютъ съ ланитъ.

И ночью, забывая сонъ,
 Въ мечтаньѣ,
Ея подслушиваетъ онъ
 Дыханье;
И на устахъ его горитъ
Огонь ея младыхъ ланитъ.

Таясь, страданія однѣ
 Дѣлить съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
 Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной—

Вотъ жизнь его; другой не ждетъ
 Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
 И воли:
Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
Прекрасенъ только ею свѣтъ.

«Не ты ль [онъ мнитъ] давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

«Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

«Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣтитъ?
Когда, разрушивъ сей затворъ,
Освѣтитъ
Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Лети, лети, желанный часъ!»

Напрасно.... часъ не прилетѣлъ
Желанный;
Другой Создателемъ удѣлъ
Избранный
Достался узницѣ младой—
Небесно-тайный, не земной.

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,
Рыданье,
Звукъ цѣпи, голосà.... потомъ
Молчанье....
И ужасъ грудь его томитъ —
И тщетно ждетъ онъ.... все молчитъ.

Увы! удѣлъ его рѣшенъ....
Угрюмый,

На вѣкъ грядущаго лишенъ,
Всѣ думы
За ней онъ въ гробъ переселилъ,
И молитъ рокъ, чтобъ поспѣшилъ.

Однажды, только занялась
Денница,
Его со стукомъ расперлась
Темница.
«О радость! [мнитъ онъ] скоро къ ней!»
И что жъ?... Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ;
Дни, годы
Напрасно будутъ проходить....
Погибшаго не возвратить.

Ахъ! слово милое объ ней
Кто скажетъ?
Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?
Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ тотъ, кого своимъ звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной
Услады;
Задумчивъ, грустію нѣмой
Онъ взгляды
Сердечные встрѣчаетъ ихъ;
Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день—ни съ мѣста онъ;
Безгласный,

Душой въ мечтанье погруженъ,
Взоръ страстный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склоня.

Но тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть....

О миломъ вѣсть, и въ міръ иной
Призванье....
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится о н а.

Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ....
И мнилось,
Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ. *

[изъ гебеля].

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

* Опытъ перевода съ алеманскаго нарѣчія. «Гебель — говоритъ Гёте объ авторѣ Аллеманскихъ стихотвореній—изображая свѣ-

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.—
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и не пикнетъ,
доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,

---

живыми, яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми аллегоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: нимфы, дріады, ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель напротивъ видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ поселянъ, и всѣ его стихотворные вымыслы самымъ пріятнымъ образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благопріятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года; онъ даетъ душу растеніямъ; привлекательно изображаетъ все чистое нравственное и радуетъ сердце картинами ясно-беззаботной жизни. Но такъ же просто и разительно изображаетъ онъ и ужасное, и нерѣдко съ тою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокихъ, о смерти, о тлѣнности земнаго, о неизмѣняемости небеснаго, о жизни за гробомъ —и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселянина, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое аллеманское, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля.» В. Ж.

Сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленокъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... «Какъ бы провѣдать,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?»... Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный какъ любо!
Смотришь—Господь-Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
Пьетъ онъ.... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точитъ облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ [говоритъ онъ], теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
Что мнѣ въ потемкахъ! здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ!»
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ:
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же [онъ думаетъ] красное солнышко? Что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родное зернышко? Дома
Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.»
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется

*

Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой....»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ, гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ, и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница и просо;
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати ль! листки распустила.... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ.,..
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шолковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «я знаю, что будетъ.»
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;
Въ сумерки жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ носвѣтить ей въ потемкахъ,
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили,

Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо:
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно!
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ и Лука и Дуняша,
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать.
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛЪ.

[СКАЗКА, ИЗЪ ГЕБЕЛЯ].

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ нему подлетѣла
Съ видомъ умильнымъ Луиза. «Дѣдушка, сядь къ намъ голубчикъ;
Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда сестра Маргарита
Чуть не заснула.» Вотъ Маргарита, Луиза и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и примолкли;
Фрицъ, наколовши лучины, придвинулъ къ подсвѣчнику лавку,
Сѣлъ и сказалъ: «мнѣ смотрѣть за огнемъ!» а Энни, на печкѣ
Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ: здѣсь мнѣ слышнѣе.
Вотъ табаку накрошивши, дѣдушка вычистилъ трубку,
Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осторожно приставилъ
Трубку къ горящей лучинѣ, раза два пыхнулъ—струею

Легкій дымокъ побѣжалъ; онъ, пальцемъ огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ: послушайте, дѣти,
Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ—дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не докончу, а ты на печуркѣ
Полно валяться, лѣнивецъ; опять, какъ въ норѣ, закопался;
Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про красный карбункулъ.
Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не пашутъ, не сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивой заглохло;
Тамъ и дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія пташки;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ, и уменъ и проворенъ; но рано
Сталъ онъ трактиры любить; не псалтирь, не молитвенникъ—карты
Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда христіане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ страшно, что вѣдьма,
Сидя въ трубѣ, творила молитву, и звѣзды дрожали.
Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зеленомъ кафтанѣ,
Молча, смотрѣлъ на игру ихъ, и слушалъ съ какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывалъ бѣшеный Вальтеръ.
Ты не уйдешь отъ меня! проворчалъ, покосившись, Зеленый.
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? шепнула хозяйка, подслушавъ.
Нѣтъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ, узнаете сами;
Только что женится Вальтеръ и все промытаритъ на картахъ!
Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласилась
Мина за Вальтера выдти; да, изъ любви.... но къ нему ли?...
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери, — имъ въ угожденье.
Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина съ печалью заснула;
Вотъ ей страшный, пророческій сонъ къ полночи приснился;
Видитъ, будто куда-то одна идетъ по дорогѣ;
Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и читаетъ молитву.
«Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ; я невѣста.
Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться.»

Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ мошонки
Горсть образочковъ досталъ онъ. Сама выбирай—говоритъ ей.
Вотъ она вынула.... что жъ ей, подумайте, вынулось? Карта.
—Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо; вѣдь красный карбункулъ
Значитъ онъ.... доля недобрая. «Правда!» Мина сказала.
—Мой совѣтъ, говоритъ ей чернецъ, попытаться въ другой разъ.
Что? Семерка крестовая? «Правда!» сказала, вздохнувши,
Мина.—Господь защити и помилуй тебя! Вынь, дружочекъ,
Въ третій разъ; можетъ быть лучше удастся. Что тамъ? Червонный
Тузъ?.... Кровавое сердце. «Ахъ, правда!» Мина сказала,
Карту изъ рукъ уронивши.—Послушай, отвѣдай еще разъ.
Что? Не тузъ ли винновый? «Смотри, я не знаю.» — Онъ, точно!
Ахъ! невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;
Горе, горе! молися, дружокъ: онъ тебя закопаетъ.—
Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы приснилося Минѣ.
Что жъ помогло предвѣщанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: «какъ Богу угодно!
Семь крестовъ, да кровавое сердце; а послѣ.... чтожъ послѣ?
Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ.»
Дѣти, сначала было ей сносно: хоть Вальтеръ и часто
Пилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
Но случалось, что, тронутый горемъ ея и слезами,
Онъ утихалъ—и вотъ что однажды сказалъ онъ ей: «слушай;
Я отъ игры откажусь и карты проклятыя брошу;
Душу возьми сатана, какъ скоро хоть пальцемъ ихъ трону.
Но остать отъ вина—и во снѣ не проси; не отстану.
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри; не поможешь.»
Ахъ! друзья, не сдержалъ одного, да сдержалъ онъ другое.
Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ; а Зеленый ужъ тамъ, и тасуетъ
Карты, сидя за столомъ самъ-третей, и Вальтера кличетъ:

«Вальтеръ, со мной пополамъ; садись, сыграемъ игорку.»
— Я не играю, Вальтеръ сказалъ и пива напѣнилъ
Полную кружку. «Вздоръ! возразилъ, сдавая, Зеленый;
Мы играемъ не въ деньги, а даромъ; садись, не упрямься.»
— Что же? [думаетъ самъ въ себѣ Вальтеръ] если не въ деньги,
То и игра не въ игру.... и садится рядомъ съ Зеленымъ.
Вотъ бѣлокуренькій мальчикъ къ окну подошелъ и стучится.
«Вальтеръ [кличетъ онъ], Вальтеръ, послушай, выдь на словечко».
Вальтеръ ни съ мѣста. — Послѣ приди, говоритъ онъ. Что козырь? —
Взятку беретъ онъ за взяткой. «Ты счастливъ, замѣтилъ Зеленый.
Дай, сыграемъ на крейцеръ; бездѣлка!» Задумался Вальтеръ.
— Въ деньги иль даромъ.... игра все игра. Согласенъ, сказалъ онъ.
«Вальтеръ [кличетъ мальчикъ опять и пуще стучится],
Выдь на минуту; словечко, не болѣ.»—Отстань же, не выду;
Козырь!... тузъ бубновый!... семерка крестовая!... козырь!—
Крейцеръ, да крейцеръ, а тамъ, поглядишь, вынимай и дублоны.
Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: «со мною нѣтъ денегъ;
Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми: онъ стоитъ дороже;
Камень рѣдкій, карбункулъ; въ немъ же есть тайная сила.»
Въ третій разъ кличутъ въ окошко: «выдь, Вальтеръ, пока еще время.»
«Пусть кричитъ, Зеленый сказалъ: покричитъ и отстанетъ.
Что жъ, возьмешь ли мой перстень? Бери, въ убыткѣ не будешь.
Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень на палецъ, да смѣло
Руку въ карманъ—и вынется звонкій, серебряный талеръ.
Но берегися.... разъ на день, не болѣ; и въ будни не въ праздникъ;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтеръ? Я самъ не совѣтую въ праздникъ.
Если жъ нужда случится во мнѣ; ты крикни лишь: Бука!
[Букой слыву я въ народѣ] откликнусь тотчасъ. До свиданья.»

Что-то дѣлаетъ Мина?... Одна, запершися въ каморкѣ,
Мина сидитъ надъ разодранной Библіей въ тяжкой печали.
Мужъ пришелъ и война поднялась. «Ненасытная плакса,
Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда ты уймешься?
Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ: перстень, карбун-
кулъ.»
Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункулъ! Творецъ милосердый,
Доля недобрая!... сердце въ ней сжалось, и замертво пала....
Бѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ себя приходила?
Сколько бъ кручины жестокой тебя миновало на свѣтѣ.
Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже; день ли въ деревнѣ торговый,
Ярмарка ль въ праздникъ у церкви—Вальтеръ нашъ тамъ. Кто
заглянетъ
Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень, иль въ три часа по-
полудни —
Вальтеръ сидитъ за столомъ и тасуетъ крапленыя карты.
Брошены дѣти, что было, то сплыло; поле за полемъ
Проданы всѣ съ молотка, и жена пропадаетъ отъ горя.
Дома же только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы;
Нынче драка, а завтра къ пастору, а тамъ для отвѣта
Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбѣ съ водой попоститься.
Плохъ онъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука не дремлетъ;
Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь подливаетъ.
Такъ проходятъ семь лѣтъ. Ну, послушайте жъ: Вальтера Бука
Вывелъ опять изъ тюрьмы. «Не зайти ль по дорогѣ, сказалъ
онъ,
Выпить чарку въ трактирѣ? Съ чѣмъ ты покажешься дома?
Какъ тебя примутъ? Ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ.
Что на свиданье жена припасла, то тебя не согрѣетъ.
Правду молвить, ты мученикъ; лопнуть готовъ я съ досады,
Видя, какую ты отъ жены пьешь горькую чашу.
Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то талеръ, и даромъ.
Права пословица: счастливъ игрою, несчастливъ женою.
Будь ты одинъ—ни заботъ, ни хлопотъ; женился—каковъ ты?
Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усопшій; кожа да кости.

Выпей же чарку, дружокъ: авось на душѣ просвѣтлѣетъ.»
Мина, тѣмъ временемъ, руки къ сердцу прижавши, въ потемкахъ
Дома сидитъ одинешенька, смотритъ сквозь слезы на небо.
— Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ!... [и слезы ручьемъ полилися].
Все, какъ должно сбылось; пошли же конецъ, мой Создатель!
Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшемъ.
Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ безумный.
«Плачешь, змѣя? [загремѣлъ онъ] плачь! теперь не напрасно!
Ужинъ проворнѣе!»—Гдѣ взять? Все пусто; въ домѣ ни корки.
«Ужинъ, тебѣ ль говорятъ? Хоть тресни, иль ножъ тебѣ въ сердце!»
— Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; въ могилу снесутъ да и только;
Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ!
«Сгинь же!» онъ гаркнулъ.... и Мина въ крови ударилась объ полъ.
— «Ахъ! мое кровавое сердце! [она простонала]
Гдѣ ты, заступъ? Твоя череда! закопай меня въ землю.—
Ужасъ, какъ холодъ, облилъ убійцу.... бѣжитъ неоглядкой;
Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.
«Бука, гдѣ ты?» онъ крикнулъ... Громко откликнулось въ полѣ.
Бука стоитъ за орѣшникомъ... выступилъ...—Что ты? спросилъ онъ.
«Бука.... я Мину зарѣзалъ.... скажи присовѣтуй, что дѣлать?...»
— Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый!
Мину зарѣзалъ—великое диво! туда и дорога!
Но.... послушай, здѣсь оставаться теперь не годится;
Будетъ плохо; Реинъ близко—ступай, переѣдемъ;
Лодка у берега есть.—.... Садятся, плывутъ, переплыли,
На берегъ вышли, и по полю бѣгомъ. Въ сторонкѣ, въ трактирѣ
Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ: зайдемъ на минутку;
Тутъ есть добрые люди; помогутъ тебѣ разгуляться. —

Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ запоздалые, пьютъ, и играютъ.
Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война закипѣла.
Бей! кричатъ—«Подходи!»— Я лопнулъ! —«Козырь!» — Зарѣзалъ! —
Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходитъ да ходитъ.
Стрѣлка взошла на двѣнадцать.... Ахъ, бѣлокуренькій мальчикъ,
Стукни въ окошко!... не стукнетъ; дѣло кончается, Вальтеръ!
Какъ же ты плохо играешь!... зарѣзалъ!... глубоко, глубоко
Въ сердце къ нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только, что взятку возьмутъ, повторитъ, да на Вальтера взглянетъ.
Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ,
Все негодная сыплетъ; мѣлкомъ онъ проигрышъ пишетъ.
Вотъ.... и перваго четверть. Съ перстнемъ на пальцѣ онъ руку
Всунулъ въ карманъ: «размѣняйте мнѣ талеръ.» Плохая монета,
Вальтеръ, плохая монета; въ карманѣ битыя стекла!...
Руку отдернувъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку;
Бука сидитъ, да винцо попиваетъ, и нѣтъ ему дѣла.
— Вальтеръ [допивши, сказалъ онъ], пора! хозяинъ ужъ дремлетъ;
Нынче праздникъ, двадцать пятое августа; много
Будетъ въ трактирѣ гостей: пойдемъ, зачѣмъ намъ тѣсниться?
Полно перстнемъ вертѣть; не трудись, ничего не добудешь. —
Праздникъ!... Ахъ, Вальтеръ! какъ бы ты радъ былъ ослышаться, какъ бы
Радъ былъ ногами къ столу прирости, чтобъ не сдвинуться съ мѣста.
Поздно, поздно; ничто не поможетъ.... Блѣденъ, какъ мертвый,
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное съ Букой—
Бука впередъ, а онъ позади—побрелъ, какъ ягненокъ
Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредетъ къ кровавой колодѣ.
Бука ставитъ его на выстрѣлъ ружейный отъ мѣста.
«Видишь, Вальтеръ [сказалъ онъ], звѣзды на небѣ смеркли?

Видишь, тяжелыми тучами небо кругомъ обложилось,
Воздухъ душенъ; вѣтка не тронется; листикъ не дрогнетъ.
Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ?... Ужъ не молишься ль,
Вальтеръ?
Или считаешь свой проигрышъ? Все проигралъ невозвратно.
Какъ быть! а выборъ остался, плохой, я самъ признаюся.
Вотъ тебѣ ножъ.... я укралъ у убійцы, когда обдиралъ онъ
Мертвое тѣло.... зарѣжь себя самъ, такъ за трудъ не заплатишь.»

Такъ разсказывалъ дѣдушка внучкамъ. Чуть смѣя дыханье
Въ страхѣ отвесть, говоритъ ему бабушка: «скоро ль ты кончишь?
Дѣвки боятся; на что ихъ стращать небывальщиной—полно!»
— Я докончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ лежитъ онъ и съ перстнемъ
Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и не водятся пташки.—
Тутъ Луиза примолвила: «бабушка, кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?
Я добралася: Бука есть искушеніе злое.
Развѣ не вводитъ онъ насъ въ грѣхъ и въ напасти, когда мы
Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ, не дѣлаемъ дѣла?
Мальчикъ въ окошечкѣ.... кто онъ? Вѣрный учитель нашъ, совѣсть.
О, я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его мысли.»

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ ВЪ ПОЛНОЧЬ.

[изъ гебеля].

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Какъ все молчитъ!... Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;

Нѣтъ шороха въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телега,
Не скрыпнетъ дверь; дыханье не провѣетъ,
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ.... не знаю.
Но, чу.... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки вдали небесной брежжутъ....
Не такъ же ли, когда осенней ночью
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?...
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу.... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?... Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ

Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли: полночь!
Покойникамъ?... Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же.... какъ узнать!
Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ.... ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ...· кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
Дай Богъ!... Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ.... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ —
Окончины трясутся, и порой
Скрыпитъ, качаясь, крестъ—здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу.... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней,
И на нее огни отчизны свѣтятъ.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ.... что жъ нужды! всё мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же

Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ жъ.... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? Гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище.... Все покойно
И здѣсь и тамъ.... И что жъ деревня въ полночь?
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?

А онъ ужъ не далёко.... Какъ бы ночь
Не длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду —
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,

И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: у т р о!
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!..
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Изцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу.... Но когда жъ тому случиться?

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

ТЛѢННОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ БАЗЕЛЬ, ВЪ ВИДУ РАЗВАЛИНЪ ЗАМКА РЕТЛЕРА, ВЕЧЕРОМЪ.

[ИЗЪ ГЕБЕЛЯ].

ВНУКЪ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ зàмокъ Ретлеръ,

Приходитъ въ мысль: что̀ если то жъ случится
И съ нашей хижинкой?... Какъ страшно тамъ!
Ты скажешь: смерть сидитъ на этихъ камняхъ.
А домикъ нашъ?... Взгляни: какъ будто церковь,
Свѣтлѣетъ на холмѣ, и окна блещутъ.
Скажи жъ, какъ можетъ быть, чтобы и съ нимъ
Случилось то жъ, что съ этимъ старымъ за̀мкомъ?

ДѢДУШКА.

Какъ можетъ быть?... А̀хъ! другъ мой, это будетъ!
Всему чередъ: за молодостью вслѣдъ
Тащится старость; все идетъ къ концу,
И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:
Безумолку шумитъ вода; ты видишь:
На небесахъ сіяютъ звѣзды; можно
Подумать, что онѣ ни съ мѣста.... нѣтъ!
Все движется, приходитъ и уходитъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
Теперь ужъ все иное.... старость, старость!
И что жъ? Куда бы я ни шелъ — на пашню,
Въ деревню, въ Базель — все иду къ кладбищу!
Я не тужу.... и ты, какъ я, созрѣешь.
Тогда посмотришь, гдѣ я?... Нѣтъ меня!
Ужъ вкругъ моей могилы бродятъ козы;
А домикъ между тѣмъ дряхлѣй, дряхлѣй;
И дождь его сѣчетъ, и зной палитъ,
И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,
И въ кровлю течь, и въ щели свищетъ вѣтеръ....
А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
Смѣнили внуки; то чини, другое;
А тамъ и нечего чинить.... все сгнило!
А поглядишь, лѣтъ тысяча прошло —
Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

ВНУКЪ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

ДѢДУШКА.

Будетъ, будетъ!
Дивись, какъ хочешь, другъ; а это такъ!
Вотъ Базель нашъ.... сказать, прекрасный городъ!
Домовъ не счесть — иной огромнѣй церкви;
Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
Домовъ; всѣ улицы кипятъ народомъ;
И сколько жъ добрыхъ тамъ людей!... Но что же?
Какъ многихъ нѣтъ, которыхъ я, бывало,
Встрѣчалъ тамъ.... гдѣ они? Лежатъ давно
За церковью и спятъ глубокимъ сномъ.
Но только ль, другъ? Ударитъ часъ — и Базель
Сойдетъ въ могилу; кое-гдѣ, какъ кости,
Выглядывать здѣсь будутъ изъ земли:
Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ упадшій;
На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кустъ,
И мохъ сѣдой, и въ немъ на гнѣздахъ цапли....
Жаль Базеля! А если люди будутъ
Все такъ же глупы и тогда, какъ нынче,
То заведутся здѣсь и привидѣнья,
И черный волкъ и огненный медвѣдь,
И мало ли....

ВНУКЪ.

Не громко говори;
Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
Въ кустарникѣ, прошедшею весной
Похороненъ утопленникъ. Смотри,
Какъ пятится гнѣдко, и уши поднялъ;
Глядитъ туда, какъ будто что-то видитъ.

ДѢДУШКА.

Молчи, глупецъ. Гнѣдко пужливъ; тамъ кустъ
Чѣрнется — оставь въ покоѣ мертвыхъ:

Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умретъ.
И много, много лѣтъ спустя, быть можетъ,
Здѣсь остановится прохожій: взглянетъ
Туда, гдѣ ныньче городъ.... тамъ все чисто;
Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ;
И спутнику онъ скажетъ: «въ старину
Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
Въ то время церковью Петра была....
Жаль Базеля».

ВНУКЪ.

Какъ можетъ это статься?

ДѢДУШКА.

Не вѣрь иль вѣрь, а это не минуетъ.
Придетъ пора — сгоритъ и свѣтъ. Послушай:
Вдругъ о полуночи выходитъ сторожъ —
Кто онъ, не знаютъ — онъ не здѣшній; ярче
Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: проснитесь!
Проснитесь, скоро день!... Вдругъ небо рдѣетъ
И загорается, и громъ сначала
Едва стучитъ; потомъ сильнѣй, сильнѣй;
И вдругъ отвсюду загремѣло; страшно
Дрожитъ земля; колокола гудятъ,
И сами свѣтъ сзываютъ на молитву;
И вдругъ.... все молится; и всходитъ день —
Ужасный день: безъ утра и безъ солнца;
Все небо въ молніяхъ, земля въ блистаньи;
И мало ль, что еще!... Все наконецъ
Зажглось, горитъ, горитъ и прогораетъ
До дна, и некому тушить, и само
Потухнетъ.... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

ВНУКЪ.

Какъ страшно!
А что съ людьми, когда земля сгоритъ?

ДѢДУШКА.

Съ людьми?... Людей давно ужъ нѣтъ: они....
Но гдѣ они?... Будь добръ; смиреннымъ сердцемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность —
И все тутъ!... Посмотри: тамъ свѣтятъ звѣзды;
И что звѣзда, то ясное селенье;
Надъ ними жъ, слышно, есть прекрасный городъ;
Онъ невидимъ.... но будешь добръ, и будешь
Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ тобою;
А если Богъ посудитъ, то найдешь
Тамъ и своихъ: отца и мать и.... дѣда.
А можетъ быть — когда идти случится
По млечному пути въ тотъ тайный городъ —
Ты вспомнишь о землѣ, посмотришь внизъ,
И что жъ внизу увидишь? — Зàмокъ Ретлеръ.
Все въ уголь сожжено; а наши горы,
Какъ башни старыя, чернѣютъ; вкругъ
Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно
Осталося пустое — мертвый слѣдъ
Давнишняго потока; и все тихо,
Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:
«Смотри: тамъ въ старину земля была;
Близъ этихъ горъ и я живалъ въ ту пору,
И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахалъ;
Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;
Былъ самъ отцомъ, и радостнаго въ жизни
Мнѣ было много, и Господь мнѣ далъ
Кончину мирную.... и здѣсь мнѣ лучше.»

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

[изъ шиллера].

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;

Только что Бахусъ придетъ говорливый;
Мчится Эротъ благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись ,слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище,

Чѣмъ угощу я
Земли урожденецъ
Вѣчныхъ боговъ?
Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни.
Боги, что смертный могу поднести вамъ?
Къ вашему небу возвысьте меня.
Прекрасная радость
Живетъ у Зевеса.
Гдѣ нектаръ? Налейте,
Налейте мнѣ чашу!

Нектара чашу
Пѣвцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
Пусть онъ не зритъ ненавистнаго Стикса,
Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ.
Шумитъ, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

———

1817.

КЪ МѢСЯЦУ.

[изъ Гете].

Снова лѣсъ и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:
Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ.... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ:

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла;
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлитъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ.

[изъ гете].

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣдъ;
Ты вѣрно плакалъ, другъ?

«О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
Запало глубоко;
А слезы.... слезы въ сладость намъ;
Отъ нихъ душѣ легко.»

Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И что̀ бы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

«Какъ вамъ счастливцамъ то понять,
Что понялъ я тоской?
О чемъ.... но нѣтъ! оно мое,
Хотя и не со мной.»

Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;
Ищи—найдешь; отважнымъ, другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.

«Увы! напрасныя слова!
Найдешь — легко сказать;
Мнѣ до него, какъ до звѣзды
Небесной, далеко.»

На что жъ искать далекихъ звѣздъ?
Для неба ихъ краса;
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

«Ахъ! я любуюсь въ ясный день;
Нѣтъ силъ и глазъ отвесть;
А ночью.... ночью плакать мнѣ,
Покуда слезы есть.»

КЪ ПОРТРЕТУ

великой княгини Александры Θеодоровны.

Для насъ природа ей всѣ прелести дала,
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
Какъ геній радостей она предъ нами стала,
И все прекрасное съ собой намъ принесла
И намъ она мила какъ счастья упованье;
Къ великому въ ней духъ растетъ и возрастетъ;
Она свой трудный путь съ достоинствомъ пройдетъ:
Въ ней не обманется Россіи ожиданье.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Кто на блистательной видалъ ее чредѣ,
Тотъ все величія постигъ очарованье;
Тому, какъ тайный другъ, сопутникомъ вездѣ
Благотворящее о ней воспоминанье.

ВЪ АЛЬБОМЪ

КНЯЖНЫ М. А. ЩЕРБАТОВОЙ.

О грустномъ написать я долженъ въ твой альбомъ.
Могу ль желанію такому покориться?
При мысли о тебѣ, невольно подъ перомъ
Одно веселое родится;
При мысли о тебѣ, невольно твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;
Жилищемъ радости онъ видитъ здѣшній свѣтъ
И имя грусти забываетъ.

1818.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЖЕНЫ С. Н. ГЛИНКИ.

НА СМЕРТЬ КРЕСТНИКА.

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства, исчезъ;
Любовь Создателя его переселила
Съ невѣрныя земли въ пріютный край небесъ!
Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!
Но рокъ... имъ правитъ божество!...
Для насъ же все еще осталося родство
Въъ утратѣ, дружбою дѣлимой.

[Февраль 1818].

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ,

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ПОСЛАНІЕ.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?...
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
И прелесть устъ, открывшихся дыханью....
О, какъ дерзну я мыслію моей
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость покой,
И тишина исполненной надежды;
И, первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ ангелъ, спитъ твой сынъ передъ тобой....
О матерь! кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленье,
И ясное для сердца провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала —
То все теперь безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный?...
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,

Что наступилъ рѣшительный твой часъ —
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Всходящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной....
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ матери священное мученье
Свершалося, какъ жертва, въ оный часъ....
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоятъ въ невѣдѣньи, безгласны,
И робко ждутъ, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь иль смерть велитъ благовѣстить?...
О, что въ сей часъ сбывалось тамъ подъ кровомъ
Царей, гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ промысла намѣреніе тайно,

Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
«Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно!»
И вѣрила безтрепетно душа.
Межъ тѣмъ, восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ....
Казалось, все съ надеждой ожидало.
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной;
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней, какъ дымъ, взлетали предо мной;
Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликалъ полки Донской;
Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
Свободу въ Кремль по трупамъ поляковъ;
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы;
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
Чудесный Петръ въ столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина.
Румянцова съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
И, дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?... Во прахѣ домъ царей;
Безславіе разбитыхъ алтарей;

Святилища, лишенныя святыни;
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что жъ теперь?... Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуяся Москвою —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
О, какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ;
Уже Москва своимъ тебя зоветъ....
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
О, для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія зажглись въ ней упованья;
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебѣ днесь радости твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
И жизни вѣсть къ нему не достигала....

Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ....
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла —
Обманетъ ли сіе знаменованье?...
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы....
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:

Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять;
Житейское отъ ней еще далеко....
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь—всевидящее око;
Въ твоей любви—святая благодать.

Апрѣль 1818].

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
　　Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
　　Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ,
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ,
　　И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
　　Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
　　Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
　　Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ, перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
　　Судья надъ землею былъ снова;

И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота,
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ....
Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой —
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ,
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ....
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ!»

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
[Пѣвцу отвѣчаетъ властитель];
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбиваетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

«Куда? изумившійся графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

«И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,

Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя,
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу и честь и дыханье.—

«—Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же [молвилъ пророчески онъ]
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды.»

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:

Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои, отъ толпы золотой,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ....
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ провидѣнье.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

«Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовію иною
Не могу любить:
При разлукѣ, при свиданьѣ
Сердце въ тишинѣ —
И любви твоей страданье
Непонятно мнѣ.»

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ,
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сарацинъ бѣжитъ....

Но душа въ немъ все тоскою
        Прежнею болитъ.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
        Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
        И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы,
        Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
        Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
        Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
        Отперлись предъ нимъ:
«Узы вѣчнаго обѣта
        Приняла она;
И погибшая для свѣта,
        Богу отдана.»

Пышны праотцевъ палаты
        Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
        Конь навѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
        Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой
        Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
        Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
        Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
        Вечеръ ли темнѣлъ —

Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

И дождавшися, на ложе
Простирался онъ,
И надежда: завтра то же!
Услаждала сонъ.
Время годы уводило....
Для него жъ одно...
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно,

Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ — туманно утро было —
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

[изъ кернера].

Младой Рогеръ свой острый мечъ беретъ,
За вѣру, честь и родину сразиться.
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ,
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься.

«Не плачь: надъ нами щитъ Творца;
Еще насъ небо не забыло;
Я буду вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.»

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримымъ строемъ.
«Сей видъ не страшенъ для бойца;
И смерть ли небо мнѣ судило—
Останусь вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.»

И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-истребитель;
И вспыхнулъ бой и врагъ ужъ истребленъ;
Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя твоей судьбою стала?
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

[изъ шиллера].

Надъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится;

Толпа великановъ ее сторожитъ;
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшись пробужденья лавины ужасной;
Въ молчаньи пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ мостъ черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой—
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразитъ.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ ворота;
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ—долина, долинъ красота;
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре потока оттуда шумятъ—
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Рождаются вмѣстѣ; родясь, разстаются;
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два утеса стоятъ,
Превыше всего, что земное;
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Эѳира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно-незыблемомъ тронѣ;

Чудесной красой обвиваетъ чело,
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ГЕТЕ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
—О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои.»

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
—О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять.»

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.

—О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вётлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ: ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

ЛИСТОКЪ.

[изъ арно].

От дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ,
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтѣ все стремится,
Куда и листъ лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ.»

МЕЧТА.

Ахъ, если бъ мой милый былъ роза-цвѣтокъ,
Его унесла бы я въ свой уголокъ,
И тамъ украшалъ бы мое онъ окно,
И съ нимъ я душой бы жила заодно.

Къ нему бы въ окно вѣтерокъ прилеталъ,
И свѣжій мнѣ запахъ на грудь навѣвалъ,
И я бъ унывала, имъ сладко дыша,
И съ милымъ бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порой
Я, нѣжа, поила струей ключевой;
Ко мнѣ прилипая, живые листы
Шептали бъ: я милый, а милая ты.

Не сѣла бы пчелка на милый мой цвѣтъ;
Сказала бъ я: меду для пчелки здѣсь нѣтъ,
Для пчелки-летуньи есть шолковый лугъ;
Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ.

Сильфиды бы легкой слетѣлись толпой
Къ нему любоваться его красотой,
И мнѣ бы шепнули, цѣлуя листы:
Мы любимъ, что мило; мы любимъ, какъ ты.

Тогда бъ встрепенулся мой милый цвѣтокъ,
Съ цвѣтка сорвался бы румяный листокъ,
Къ моей бы щекѣ распаленной присталъ,
И пурпурнымъ жаромъ на ней заигралъ.

Родная бъ спросила: что, другъ мой, съ тобой?
Ты вся разгорѣлась, какъ день молодой.
«Родная, родная, сказала бы я,
Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя.»

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

[ИЗЪ ГЕВЕЛЯ].

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,

Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по утру —
Досугъ и пѣсня ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да, чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ;
Твое владычество приди;
Насъ въ искушенье не введи;
На путь спасенія наставь,
И отъ лукаваго избавь.»

За чѣмъ же звѣздочка краса
Всегда такъ рано въ небеса?...
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,

Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ,
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жъ? Увидятся ли?... Нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?... Ужъ не блеститъ;
Печально-блѣдная бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой;
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно,

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ,
И тонкій паръ стоетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;

И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой
Моя звѣзда-подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты —
О звѣздочка-душа моя,
Не испугался бъ солнца я.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ

[изъ Гебеля].

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній долгъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь: горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ;
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ тамъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

НЕВЫРАЗИМОЕ.

[отрывокъ].

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разновидное съ единствомъ согласила;
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва, едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью.....
Но льзя ли мертвое въ живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?
Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
Не часто ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья—
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена —
Спирается въ груди болѣзненное чувство?
Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
Ненареченному хотимъ названье дать,
И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката —
Сіи столь яркія черты,
Легко ихъ ловитъ мысль крылата,
И есть слова для ихъ блестящей красоты;
Но то, что слито съ сей блестящей красотою —
Сіе столь смутное, волнующее насъ,

Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
[Какъ прилетѣвшее незапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ
Святая молодость, гдѣ жило упованье]
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ —
Какой для нихъ языкъ?... Горѣ душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
И лишь молчаніе понятно говоритъ.

УТѢШЕНІЕ.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладбищѣ
Дѣва въ черной власяницѣ
Одинокая стоитъ,
И слеза любви дрожитъ
На густой ея рѣсницѣ.

«Нѣтъ его; на томъ онъ свѣтѣ;
Сердцу смерть его утѣшна:
Онъ достался небесамъ,
Будетъ чистый ангелъ тамъ —
И любовь моя безгрѣшна».

Скорбь ее къ святому лику
Богоматери подводитъ:
Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,
И на дѣву изъ очей
Милость тихая нисходитъ.

Пала дѣва предъ иконой,
И безмолвно упованья
Отъ Пречистыя ждала....
И душою перешла
Непримѣтно въ міръ свиданья.

КЪ МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ

ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безъимянной?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
За чѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И въ старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца был,
Его смирял утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлил?

И не тебѣ ль всегда она внимала
В чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидѣтель был ея?

Какую ж вѣсть принес ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастіи шепнешь и замолчишь?

О геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спѣши;
Останься, будь мнѣ жизнію земною;
Будь ангелом-хранителем души.

ЖИЗНЬ.

[ВИДѢНІЕ ВО СНѢ].

Отуманенным потоком
Жизнь унылая плыла;
Берег в сумракѣ глубоком;
На холодном небѣ мгла;
Тьмою звѣзды обложило,
Бури нѣт—один туман;
И вдали ревет уныло
Скрытый мглою океан.

Было время—был день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны,
Были зелены луга.

И за ней вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ мечтою
И живыхъ надеждъ семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный парусъ свой.
Къ ней фантазія летала
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
И съ небесъ къ ней прикликала
Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
Надъ возвышенной главой,
И хариту съ молодою
Музой, генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнье,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ!.....

Все пропало, измѣнило;
Разлетѣлися друзья;
Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И прискорбно-равнодушна
Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?

Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся;
Дро́гнулъ руль; быстрѣй челнокъ.

Смотритъ.... ангеломъ прекраснымъ
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ яснымъ
Подарилъ и въ лодку сѣлъ:
И запѣлъ онъ пѣснь надежды;
Жизнь очнулась, ожила,
И съ волненьемъ робки вѣжды
На красавца подняла.

Видитъ.... мрачность разлетѣлась;
Снова зеркальна вода;
И привѣтно загорѣлась
Въ небѣ яркая звѣзда;
И въ нее проникла радость,
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ упованьемъ отдана.

О хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

РЫБАКЪ.

[БАЛЛАДА, ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ].

Бѣжитъ волна, шумитъ волна;
Задумчивъ, надъ рѣкой,
Сидитъ рыбакъ, душа полна
Прохладной тишиной.
Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;
Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ....
И влажною всплыла главой
Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:
«Зачѣмъ ты мой народъ
Манишь, влечешь съ роднаго дна
Въ кипучій жаръ изъ водъ?
Ахъ, если бъ зналъ, какъ рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

«Не часто ль солнце образъ свой
Купаетъ въ лонѣ водъ?
Не свѣжей ли горитъ красой
Его изъ нихъ исходъ?
Не съ ними ли сводъ неба слитъ
Прохладно-голубой?
Не въ лоно ль ихъ тебя манитъ
И ликъ твой молодой?»

Бѣжитъ волна, шумитъ волна....
На берегъ валъ плеснулъ....
Въ немъ вся душа, тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ.

Она поетъ, она манитъ —
Знать часъ его насталъ!
Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ....
И слѣдъ навѣкъ пропалъ.

МИНА.

[ПОДРАЖАНІЕ ПѢСНѢ МИНЬОНЫ, ГЕТЕ].

Я знаю край; тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ и гордо лавръ стоитъ....
Тамъ счастье, другъ! туда, туда
Мечта зоветъ; тамъ сердцемъ я всегда!

Тамъ свѣтлый домъ; на мраморныхъ столбахъ
Поставленъ сводъ; чертогъ горитъ въ лучахъ;
И ликовъ рядъ недвижимыхъ стоитъ;
И, мнится, ихъ молчанье говоритъ....
Тамъ счастье, другъ! туда, туда
Мечта зоветъ; тамъ сердцемъ я всегда!

Гора тамъ есть съ заоблачной тропой;
Въ туманахъ мулъ тамъ путь находитъ свой;
Драконы тамъ мутятъ ночную мглу;
Летитъ скала и воды на скалу....
О другъ, пойдемъ! туда, туда
Мечта зоветъ... но быть ли тамъ когда?

ЖАЛОБА ПАСТУХА.

[СЪ НѢМЕЦКАГО].

На ту знакомую гòру
Сто разъ я въ день прихожу;
Стою, склоняся на посохъ,
И въ долъ съ вершины гляжу.

Вздохнувъ, медлительнымъ шагомъ
Иду во слѣдъ я овцамъ,
И часто, часто въ долину
Схожу, не чувствуя самъ.

Весь лугъ по прежнему полонъ
Младой цвѣтовъ красоты;
Я рву ихъ—самъ же не знаю,
Кому отдать мнѣ цвѣты?

Здѣсь часто въ дождикъ и въ грозу
Стою, къ землѣ пригвожденъ;
Все жду, чтобъ двѣрь отворилась....
Но то обманчивый сонъ.

Надъ милой хижинкой свѣтитъ,
Видаю, радуга мнѣ....
Къ чему? Она удалилась;
Она въ чужой сторонѣ.

Она все далѣ, все далѣ,
И скоро слухъ замолчитъ;
Бѣгите жъ, овцы, бѣгите;
Здѣсь горе душу томитъ.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ—НОВАЯ ЖИЗНЬ.

[съ нѣмецкаго].

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило!
Гдѣ безпечность? Гдѣ покой?...
Ахъ, что сдѣлалось съ тобой?

Разцвѣтающая ль младость,
Рѣчи ль, полныя душой,
Взора ль пламенная сладость,
Овладѣли такъ тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться—
Бросить томный, томный взглядъ...
Ахъ, я къ ней лечу назадъ!

Я неволенъ, очарованъ;
Я къ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной;
И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ; хочу любить...
Видно, сердце, такъ и быть!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Будь, милая, съ тобой любовь небесъ святая;
Иди безъ трепета, въ тебѣ—открытый свѣтъ!
Прекрасная душа, цвѣти, не увядая;
Для свѣтлыя души въ сей жизни мрака нѣтъ.
Все для души, сказалъ отецъ твой несравненный;
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ....
Они тебѣ на жизнь завѣтъ священный.

24 ноября, 1818.

СМЕРТЬ ІИСУСА.

[КАНТАТА КАРЛА ВИЛЬГЕЛЬМА РАМЛЕРА].

ХОРЪ.

Ты, лившій отъ печали
Потоки горькихъ слезъ,
Воззрѣвъ на святотатный
И гибнущій Сіонъ,
Гдѣ сѣни, гдѣ пещера,
Сокрывшія тебя?
Или уже губитель
Небеснаго сразилъ?

ВСѢ. *

Sein Odem ist schwach,
Seine Tage sind abgekürzet,
Seine Seele ist voll Jammer,
Sein Leben ist nahe bei der Hölle.

РЕЧИТАТИВЪ.

Святой пріютъ, гора Оливъ!
Кто подъ твоею сѣнью
Столь скорбенъ, столь покинутъ плачетъ?
Кто борется съ медлительнымъ концомъ?
Ужель Исусъ мой?—Лучшій, лучшій изъ рожденныхъ,
Дрожишь, метешься, какъ преступникъ,
Внимая смертный приговоръ!
Увы! онъ палъ, обременяемый грѣхами
Преступныя земли!
И грудь его разорвана тоскою;
Кровавый потъ бѣжитъ
Съ его лица. Речетъ: «прискорбна и печальна
Моя душа!»

* Не переведено.

АРIЯ.

Герой, ты стрѣлы смерти
Безъ трепета встрѣчалъ,
Но смертью устрашеннымъ
Ты бодрость подаешь.
О, будь всегда защита имъ!
Когда на краѣ смертной жизни
Узрю я бездны, и не будетъ
Отъ нихъ прiюта мнѣ;
Когда послышится грядущiй
Съ вѣсами, съ громомъ, и природа
Встрепещетъ передъ нимъ....
О, кто тогда меня спасетъ?

ХОРЪ.

О, кто же, кто, когда не ты,
Меня въ послѣднiй, тяжкiй часъ
Наставитъ, подкрѣпитъ, утѣшитъ?
Кто силу дастъ душѣ моей,
Когда безъ силы будетъ жизнь,
Когда въ борьбѣ съ ужасной смертью
Я буду крѣпости лишенъ?
Не ты ли, Богъ-Спаситель мой?

РЕЧИТАТИВЪ.

О мой Эммануилъ! терзаясь, онъ простертъ
Во прахѣ; видитъ ужасъ смерти; взоръ
Подъемля, вопiетъ: «Всевышнiй, страшенъ часъ сей;
Вели, да пройдетъ онъ!
Прими, прими отъ устъ моихъ ужасну чашу!
Не внемлешь ты?... Отецъ, твоя да будетъ воля!»
И ясенъ возстаетъ съ земли онъ изумленной,
Подъятый ангела рукой;
И зритъ... учениковъ сонъ тяжкiй обуялъ;
Лежатъ, но смутенъ сонъ и лица ихъ печальны;
Задумчиво небесный говоритъ,

На нихъ склоня съ любовью свѣтлый, скорбный ликъ:
«Духъ бодръ и крѣпокъ но безсильна плоть!»
Склонившись тихо, онъ беретъ Петрову руку:
«И ты, мой Петръ, заснулъ!
О, бодрствуйте, молитесь, братья!»

АРІЯ.

Умиленная молитва
О свершеньи дѣлъ прекрасныхъ
Проникаетъ небеса,
И Господь доступенъ ей.
Восхожу ль крутой дорогой
Къ добродѣтели святой—
О, на трудномъ семъ пути
Я, какъ странникъ утомленный,
Ожидая, уповая
Скоро видѣть на вершинѣ
Благодатныя мѣста,
И молюсь и гимнъ пою.

РЕЧИТАТИВЪ.

Но слышенъ топотъ; копья блещутъ при огняхъ
Полночныхъ; зрю толпу убійцъ.
Идутъ убійцы... Ахъ, его судьба свершилась...
Но онъ, неустрашимый, приступилъ
Къ своимъ врагамъ. Онъ имъ вѣщаетъ: «я готовъ!
Но вы моихъ друзей не троньте!»
Товарищи, смятенны, съ словомъ симъ бѣгутъ...
И въ узахъ онъ; влекутъ его;
И Петръ за нимъ, единственный изъ братій,
Идетъ, безъ силъ спасти, вдали;
За другомъ вслѣдъ къ Кайяфѣ онъ
Идетъ въ слезахъ. Что слышу я? Какое слово?
Ахъ, Петръ, ужели? Ты ль сказалъ:
«Не знаю, кто сей человѣкъ!»
Какъ низко ты съ величія упалъ, несчастный.

И зритъ онъ: кротко на него
Исусъ взглянулъ. Онъ понялъ взоръ,
Онъ прочь идетъ, и горько плачетъ онъ.

АРІЯ.

О вы, незлобны души,
Вашъ сонъ не долго длится;
Во слухъ вашъ загремитъ
Карающая совѣсть
И васъ предастъ слезамъ.
А вы, злодѣи, трепещите!
Змѣей изъ вашихъ розъ подыметъ
Свою расканье главу
И угрызенья острымъ жаломъ
Изрѣжетъ душу вамъ.

ВСѢ.

Скорбью сердце
Въ насъ объято унываетъ.
О горе, горе намъ,
Преступникамъ злобнымъ.

ХОРЪ.

Я душу къ Богу вознесу
Съ покорнымъ покаяньемъ.
Ты самъ и помощь и совѣтъ
Подашь мнѣ, утѣшитель;
И мощный благодати духъ,
Въ насъ обновляющій сердца,
Пребудетъ надо мною.

РЕЧИТАТИВЪ.

Ерусалимъ убійственно возопіялъ:
«Будь кровь его на насъ, на насъ и нашихъ чадахъ!»
Ликуй, Ерусалимъ, его пролита кровь;
Поставленъ въ пурпурѣ толпѣ на поруганье,
Чтобъ утѣшителя въ мученьяхъ не имѣть,

Чтобъ духомъ пасть отъ посрамленья...
Но въ немъ одна любовь; незлобенъ предстоитъ
Съ вѣнцомъ вонзившимся въ чело. И дерзновенно
Преступная рука его разитъ
Жезломъ въ главу; и кровь стремится по лицу.
«Се человѣкъ!» Напрасно жалость
Тирана гласомъ говоритъ:
«Се человѣкъ!» Іуда глухъ. Къ нему
Окровавленному на плечи возложили
Уже тотъ крестъ, на коемъ въ мукахъ онъ умретъ.
Онъ принялъ крестъ свой... но, безсильный, палъ;
И добрыя сердца своей не скрыли скорби;
Давно таимы слезы льются;
А онъ, взглянувъ на плачущихъ, сказалъ:
«Друзья, не плачьте обо мнѣ!»

АРІЯ.

Тверда гора Господня—
Стопой въ гремящихъ буряхъ,
Главой въ небесной славѣ;
Таковъ герой твой, Ханаанъ.
Пусть грозно смерть на громахъ мчится,
Пускай изъ пѣнной бездны воетъ,
Пускай земную твердь ломаетъ—
Мужъ праведный неколебимъ.

ВСѢ.

Свѣтлый намъ онъ
Свой образъ оставилъ,
Чтобъ мы имъ душу питали
Съ чистой любовью.

ХОРЪ.

На все дерзну я въ честь твою и славу!
Что мнѣ страданья? Что мнѣ стыдъ и бѣдность?
Что мнѣ гоненье? Что мнѣ ужасъ смерти?
Тронутъ ли сердце?

РЕЧИТАТИВЪ.

Стоитъ погибельный, судьбами полный крестъ...
О праведный! невинный! онъ ужъ наступилъ
Сей неизбѣжный часъ! и для тебя, о горе!
Не цѣпи, вижу я, готовятъ
Ужасны гвозди... Руки онъ имъ подаетъ,
Святыя руки, милость лившія на насъ.
Ударилъ въ нихъ жестокій млатъ, пронзилось
Святое тѣло жаднымъ остріемъ. Съ терпѣньемъ
Онъ сноситъ все. Онъ ясенъ. Се, подъятъ
Поруганный, въ крови, въ терзаньяхъ смерти,
На страшный крестъ.
Израиля сыны, воскликните къ страдальцу:
«Помилуй!» Усмирите скорбью месть.
Вотще. Ругаются надъ нимъ
Съ холоднымъ смѣхомъ, съ дерзкимъ ликованьемъ злобы.
И молитъ онъ: «Отецъ мой, ахъ, прости безумцамъ,
Они не знаютъ, что̀ творятъ!»

ДУЭТЪ.

А. Врагъ мой, утѣснитель мой,
Зри, сколь я люблю тебя:
Все простить—мое отмщенье.
В. Ты, ругающійся мнѣ,
Я молюся небесамъ,
Да пошлютъ тебѣ всѣ блага.
А.В. Въ томъ примѣръ намъ далъ Христосъ.
А. Царь, Егова, трисвятый,
Ты виновнымъ отпускаешь
Ихъ вины!
В. Царь, Егова, Богъ любви,
И порочнымъ и злодѣямъ
Ты любовь!
А.В. Счастливъ, кто тебѣ во слѣдъ.

РЕЧИТАТИВЪ.

О, кто сей праведный, висящій на крестѣ,
Межъ двухъ злодѣевъ къ древу казни пригвожденный?
Узнайте въ благостяхъ его.
Стыдъ, муку, смертный часъ забылъ онъ; въ мысляхъ видя,
Марія, твой печальный жребій, завѣщать
Спѣшитъ онъ другу сердца должность драгоцѣнну.
«О, братъ мой, здѣсь свою зришь матерь!» Вѣрный другъ
Идетъ учителя святой завѣтъ исполнить.
И зритъ его Исусъ,
И полнъ веселья онъ, и ранъ своихъ не слышитъ.
Еще его душа отраду въ часъ кончины
Томимому тоской преступнику даетъ:
Онъ, ликъ свой обративъ къ терзаемому смертью,
Распятому злодѣю, благостно прорекъ:
«Вѣщаю я, со мною, грѣшникъ,
Со мной днесь въ раѣ будешь ты!»

АРІЯ.

Пой небеснаго пророка,
Утѣшеньемъ, упованьемъ
Возвышающаго душу,
Пой въ восторгѣ, вся земля!
Ты, изъ праха улетѣвшій,
Ты, сіяющія звѣзды
Низко подъ собою зрящій,
Наслаждайся новой жизнью,
Мчись по лѣствицѣ твореній
Къ серафимамъ, выше, выше,
Духъ мой.... Богъ будь пѣснь твоя!

ВСѢ.

Радуйся, духомъ смиренный!
Что Господь намъ рекъ, то свершится;
Что намъ онъ назначилъ,
Тамъ но онъ пошлетъ.

ХОРЪ.

Создатель, сколь прекрасенъ твой
Обѣтованный добрымъ свѣтъ;
Но кто къ нему достигнетъ?
О примиритель, Богъ любви,
Твоя рука туда ведетъ....
Простри, простри мнѣ руку;
Дай, единымъ
Сладкимъ взглядомъ
Въ міръ прекрасный,
Облегчить мнѣ разставанье
Съ жизнью здѣшней.

РЕЧИТАТИВЪ.

И силой вдругъ съ послѣдней мукой смерть
Въ святую душу ворвалась; всю грудь
Ему вздымаетъ боль; всѣ жилы проникаетъ
Огонь.... и тѣло на крестѣ
Все извилось.... тоскуетъ
Онъ въ тяжкомъ трепетѣ кончины; цѣлый адъ
На немъ лежитъ, и онъ, изнеможенный
Отъ мукъ, напавшихъ на него,
Воззвалъ: «Отецъ, Отецъ, почто меня оставилъ?»
И се.... утихло! Страшный часъ
Протекъ. Онъ возопилъ: «Я жажду!» Въ поруганье
Несутъ вино, отравленное желчью.
Уже молчитъ страданье въ немъ
И, торжествуя, онъ изрекъ:
«Свершилось все! прими, Всевышній, въ руцѣ духъ мой!»
И преклонивъ главу на грудь—отшелъ....
Со всѣхъ слетѣли звѣздъ смятенны серафимы,
И вопіютъ: «его ужъ нѣтъ!»
И въ безднахъ грянуло подземныхъ:
Его ужъ нѣтъ!
Голгоѳа, трепещи; ты кровь его пріяла;

Затмися, день, и міру въ часъ сей не свѣти;
Ты разорвись, земля, убійцъ носяща;
Тьма гроба, разступись; воздвигнитесь отцы;
Земля, гдѣ скрыты вы,
Вся кровью облита.
Его ужъ нѣтъ! Повѣдай,
Въ печали, утро утру:
Его ужъ нѣтъ!
И вѣчность трепетно отвѣтствуй:
Его ужъ нѣтъ!

ХОРЪ.

Скорби, душа!
Ужъ другъ людей
Земную жизнь покинулъ;
Намъ ужъ болѣ не слыхать
Сладкихъ устъ ученья.

СОЛО.

Ободрись, все ужъ ниспровергнулъ
Мощный левъ Іуды.

ХОРЪ.

Скорби, душа!
Гдѣ другъ людей?
Погибъ среди мученій!
Нѣжну грудь разорвала
Скорбь неодолима!

СОЛО.

Ободрись, все ужъ ниспровергнулъ
Могущій левъ Іуды.

ХОРЪ.

Скорби, душа!
Се другъ людей,
Смиренный, непорочный,
Въ поруганьи, въ униженьи,
Казнь рабовъ пріемлетъ.

ПОСЛѢДНІЙ ХОРЪ.

Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
Спаситель, предъ тобой;
И наши слезы въ прахъ ліются,
Облитый кровію твоей....
О вѣчно славимъ будь!
Защитникъ, другъ и примиритель,
Ты вѣчные свои законы
Печатью смерти утвердилъ.
Прославленъ будь во вѣки;
Во вѣкъ боготворимъ!
Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
Спаситель, предъ тобой;
И наши слезы въ прахъ ліются
Облитый кровію твоей....
О вѣчно славимъ будь!

2 декабря, 1818. Спб.

1819.

НА КОНЧИНУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ. *

ЭЛЕГІЯ.

Ты улетѣлъ, небесный посѣтитель;
Ты погостилъ недолго на земли;
Мечталось намъ, что здѣсь твоя обитель;
Навѣкъ своимъ тебя мы нарекли....

* Нѣкоторые стихи сей элегіи покажутся непонятными для читателя, если не будетъ онъ знать обстоятельствъ того печальнаго происшествія, которое въ ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительно неожиданная: она ужасно напомнила намъ о невѣрности земнаго величія и счастія. Еще никакое извѣстіе о потерѣ нашей не могло до насъ достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствіе распространяло пророческіе о ней слухи, и горестная истина скоро ихъ подтвердила.—В. Ж.

*

Пришла судьба, свирѣпый истребитель,
И вдругъ слѣдовъ твоихъ ужъ не нашли:
Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ....
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Губителемъ, неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ;
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнетомы всѣ единой грозной силой;
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: было!

Но въ свой чередъ съ деревьевъ обветшалыхъ
Осенній листъ, отвянувши, падетъ;
Слагая жизнь старикъ съ раменъ усталыхъ,
Ее какъ долгъ могилѣ отдаетъ;
Къ страдальцу смерть на прахъ надеждъ увялыхъ,
Какъ званый другъ, желанная идетъ....
Природа здѣсь вѣрна стезѣ привычной:
Безъ ужаса беремъ удѣлъ обычной.

Но если вдругъ, нежданная, вбѣгаетъ
Бѣда въ семью играющихъ надеждъ;
Но если жизнь измѣною слетаетъ
Съ веселыхъ, ей лишь мигъ знакомыхъ вѣждъ,
И счастіе младое умираетъ,
Еще не снявъ и праздничныхъ одеждъ....
Тогда нашъ духъ объемлетъ трепетанье,
И силой въ грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты;
И гдѣ навѣкъ минувшее одно....

Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Кого спѣшишь ты, прелесть молодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?
Куда бѣжишь, ужаснаго не чая,
Привыкшая сей жизнью лишь играть?
Не радость—вѣсть стучится гробовая....
О, подожди сей прагъ переступать;
Пока ты здѣсь—ничто не умирало;
Переступи—и милое пропало. *

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая всѣ таинства утратъ,
И ты спѣшишь съ надеждой на свиданье.... **
Ахъ, удались отъ входа сихъ палатъ;
Отложено навѣкъ торжествованье;
Счастливцы тамъ тебя не угостятъ;
Ты посѣтишь обитель ужъ пустую....
Смерть унесла хозяйку молодую.

---

* Авторъ имѣлъ честь находиться у ея императорскаго высочества великой княгини Александры Θеодоровны за минуту передъ тѣмъ, какъ она узнала о кончинѣ королевы. Вдругъ, посреди веселаго, спокойнаго разговора, послышался стукъ въ дверяхъ, потомъ голосъ великаго князя. Ея высочество съ веселымъ лицомъ вышла къ нему, и за порогомъ дверей встрѣтило ее страшное извѣстіе.—В. Ж.

** Государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ опредѣлено было испытать весь ужасъ неожиданной потери. Ея величество, ничего не предчувствуя, ѣхала въ Штутгартъ на веселое свиданіе съ королевою; но она должна была воротиться съ послѣдней станціи, ибо той, которая ждала ее, которую она надѣялась обнять, уже не было на свѣтѣ.—В. Ж.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
Страшилищемъ скитается молва;
Ужъ прорвалась къ убѣжищу царицы;
Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
Трепещетъ все, печалью блѣдны лицы....
Но мертвая для матери жива;
Въ ея душѣ спокойствіе незнанья;
Предъ ней мечта недавняго свиданья.*

О счастіе, почто же на отлетѣ
Ты намъ въ лицо умильно такъ глядишь?
Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
Спѣша отъ насъ: я вѣчно! говоришь;
И къ милому, ужъ бывшему на свѣтѣ,
Насъ прелестью нѣжнѣйшею манишь?....
Увы, въ тотъ часъ, какъ матерь ты плѣняло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, насъ губя съ холодностью ужасной,
Еще судьба смѣяться любитъ намъ;
Ея ужъ нѣтъ, сей жизни столь прекрасной....
А мать, склонясь къ обманчивымъ листамъ,
Въ нихъ видитъ дочь надеждою напрасной,
Даруетъ жизнь безжизненнымъ чертамъ,
Въ нихъ голосу умолкшему внимаетъ,
Въ нихъ воскресить умершую мечтаетъ.

---

* Весь Петербургъ пораженъ былъ ужасною вѣстію, а сердце матери было спокойно: его еще наполняла свѣжая радость недавняго свиданія; наконецъ общая печаль и нѣсколько словъ, приготовляющихъ къ узнанію неизбѣжнаго, пробудили въ немъ тревогу; оно уже открывалось для принятія скорби — но случай, чудная игра судьбы, снова его ободрилъ: пришло письмо изъ Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ея съ жизнію, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы въ другой разъ умереть для нея и живѣе разорвать ея душу послѣ мгновенной, мучительно-обманчивой радости.—В. Ж.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣлый,
Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?
Съ ея лица привѣтное слетѣло;
Въ ея глазахъ узнанья не найдешь;
И въ руку ей рукой оцѣпенѣлой
Отвѣтнаго движенья не пожмешь.
На голосъ чадъ зовущихъ недвижима....
О! вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
Гдѣ спутникъ твой тебѣ минуту жилъ;
Твоей души свидѣтель и хранитель,
Съ кѣмъ жизни долгъ не столько бременилъ;
Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлитель,
Слабѣющихъ очарователь силъ—
Съ полупути ушелъ онъ отъ земнаго,
Отъ бытія прелестно-молодаго. *

* Король съ какимъ-то упрямствомъ отчаянія долго не хотѣлъ и не могъ вѣрить своей утратѣ; долго сидѣлъ онъ надъ бездыханнымъ тѣломъ супруги, сжавши въ рукахъ своихъ охладѣвшую руку ея и ждалъ, что она откроетъ глаза. Окруженный ея дѣтьми, онъ шелъ за ея гробомъ. Недолго она украшала тронъ свой, недолго была радостію новаго своего отечества, но милая память ея хранима любовію благодарною. Близъ Штуттарта есть высокій холмъ [Rothenberg], на которомъ нѣкогда стоялъ прародительскій замокъ фамиліи Виртембергской, — время его разрушило, но теперь, на мѣстѣ его развалинъ, воздвигнуто зданіе, столь же разительно напоминающее о непрочности всѣхъ земныхъ величій, церковь, въ которой должны храниться останки нашей Екатерины: прекрасная ротонда, съ четырьмя портиками. Памятникъ необыкновенно трогательный: съ порога этого надгробнаго храма восхитительный видъ на живую, всегда неизмѣнную природу. Въ Штуттартской русской церкви, въ которую приходила молиться Екатерина, все осталось какъ было при ней; кресла ея стоятъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Нельзя безъ грустнаго чувства смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь императоръ: на немъ изображенъ святой Александръ Невскій, видны Нева, зимній дворецъ и надъ ними радуга—свѣтлое, но минутное украшеніе здѣшняго неба.—В. Ж.

И вотъ сія минутная царица,
Какою смерть ее намъ отдала;
Отторгнута отъ скипетра десница;
Развѣнчано величіе чела;
На страшный гробъ упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
Въ минуту все, что было такъ прекрасно,
Что всѣхъ влекло и такъ влекло напрасно.

Супругъ, зовутъ! иди на разставанье!
Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,
Въ послѣднее земное провожанье
Веди сиротъ за матерью, вдовецъ;
Послѣднее отдайте ей лобзанье;
И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ конецъ,
Невнемлющей «прости» свое скажите,
И въ землю съ ней всѣ блага положите.

Прости жъ, нашъ цвѣтъ, столь пышно восходившій —
Едва зарю успѣлъ ты перецвѣсть.
Ты, жизнь, прости, красавецъ не дожившій;
Какъ радости обманчивая вѣсть,
Пропала ты лишь сердце приманивши,
Не давъ и дня надеждѣ перечесть.
Простите вы, благія начинанья,
Вы, славныхъ дѣлъ напрасны упованья....

Но мы.... смотря, какъ наше счастье тлѣнно,
Мы жизнь свою дерзнемъ ли презирать?
О нѣтъ, главу подставивши смиренно,
Чтобъ ношу бѣдъ отъ промысла принять,
Себя отдавъ рукѣ неоткровенной,
Не мни Творца, страдалецъ, вопрошать;
Слѣпцомъ иди къ концу стези ужасной....
Въ послѣдній часъ слѣпцу все будетъ ясно.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ;
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ объ-руку на тайной жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами,
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости — не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ;
Земная жизнь — страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости нри немъ помрачены!
Когда, простясь свободно съ упованьемъ,
Въ величіи покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
Тогда.... тогда съ сей свѣтлой вышины
Вся промысла ей видима дорога;
Она полна понятнаго ей Бога

О, матери печаль непостижима,
Смиряются всѣ мысли предъ тобой!
Какъ милое сокровище таима,
Какъ бытіе сліяиная съ душой,
Она съ однимъ лишь небомъ раздѣлима....
Что ей сказать дерзнетъ языкъ земной?
Что міръ съ своимъ презрѣннымъ утѣшеньемъ
Передъ ея великимъ вдохновеньемъ?

Когда грустишь, о матерь, одинока,
Скажи, тебѣ не слышится ли гласъ,
Призывное несущій издалека
Изъ той страны, куда все манитъ насъ,
Гдѣ милое скрывается до срока,
Гдѣ возвратимъ отнятое на часъ?
Не сходитъ ли къ душѣ благовѣститель,
Земныхъ утратъ и неба изъяснитель?

И въ горнее уныніемъ влекома,
Не вѣрою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческаго дома
Лишь только входъ земная сторона?
Что милая небесная знакома,
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровеннымъ,
А бытіе великимъ и священнымъ?

Внемли жъ: когда молчитъ во храмѣ пѣнье,
И вышнихъ силъ мы чувствуемъ нисходъ;
Когда въ алтарь на жертвосовершенье
Сосудъ любви сіяющій грядетъ;
И на тебя съ дѣтьми благословенье
Торжественно мольба съ небесъ зоветъ;
Въ часъ таинства, когда союзомъ тѣснымъ
Соединенъ житейскій міръ съ небеснымъ —

Уже въ сей часъ не будетъ, какъ бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Объ ней навѣкъ земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало....
Въ божественномъ святилищѣ она,
Незрима намъ, но, видя насъ оттолѣ,
Безмолвствуетъ при жертвенномъ престолѣ.

Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ за нея, мы слышимъ, говорятъ:
«Мужайтеся; душою не скорбите;
Съ надеждою и съ вѣрой приступите!»

[Январь 1819].

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ,

ВЪ ІЮНѢ 1819 ГОДА.

От вашего величества давно
Я высочайшее имѣю повелѣнье,
О Павловской лунѣ представить донесенье.
Спѣша исполнить то, что мнѣ повелѣно,
И надлежащее окончивъ обозрѣнье,
Я всеподданнѣйше теперь имѣю честь
Стихами вашему величеству донесть
О томъ, что прозой скудной
Описывать и совѣстно и трудно.

Съ послушной музою, съ усердною мечтой
По берегамъ Славянки я скитался,
И ночью за луной
Присматривать старался;
Но съ горемъ долженъ я признаться, что луна
Лишь для небесъ теперь сіяетъ красотою;
Знать исключительно желаетъ быть она
Небесною, а не земной луною;

Иль солнце, можетъ быть, въ досадѣ, что для насъ
Она плѣнительнѣй своей красой заемной,
Чѣмъ пышный блескъ его столь тягостный для глазъ,
Преобратило ночь въ прозрачную изъ темной,
Дабы чрезъ то лишить всей яркости луну.
Изгнанница луна теперь на вышину
Восходитъ нехотя, однимъ звѣздамъ блистаетъ;
И величаяся прозрачностью ночей,
Неблагодарная земля ея лучей
Совсѣмъ не замѣчаетъ;
Едва, едва при нихъ отъ сосенъ и дубовъ
Ложатся на траву сомнительныя тѣни;
Едва трепещетъ блескъ на зелени луговъ,
Едва сквозь зыбкія, рѣшотчатыя сѣни
Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
Печальный полусвѣтъ невѣрно проникаетъ,
Едва туманитъ онъ верхи густыхъ древесъ;
И словомъ, жить лунѣ мѣшаетъ
Ревнивый свѣтъ ночныхъ небесъ.
Не измѣнили ей однѣ лишь только воды;
Въ нихъ отражается по прежнему она:
То полумѣсяцемъ всходя на тихи своды,
То пламеннымъ щитомъ катясь, окружена
Разорванными облаками,
То одинокая, то съ яркими звѣздами;
По прежнему она—то въ зеркалѣ рѣки
Недвижима сіяетъ,
И въ ней нагбенный лѣсъ, прибрежны челноки
И тихо шепчущій тростникъ изображаетъ;
То вдругъ, когда порхнетъ надъ спящею волной
Пролетный вѣтерокъ, съ волною затрепещетъ,
И воды огненной подернетъ чешуей,
Иль ярко въ нихъ блеснетъ излучистой змѣей,
Иль раздробленная заблещетъ.
Короче на водахъ плѣнительна она,

А на землѣ какъ будто не луна,
И солнце гордое, затмивъ ее собою,
Тирански властвуетъ и небомъ и землею.
Но какъ ни жаль луны, а надобно отдать
И солнцу справедливость.
Не безразсудная хвастливость
И не надменное желаніе блистать
Теченьемъ пылкаго свѣтила управляютъ:
Прямымъ достоинствомъ оно
На небесахъ воцарено—
Его лучи палятъ, но вмѣстѣ и плѣняютъ;
Свидѣтелемъ тому сама Славянка намъ;
И если вашего величества желанье
Исполнить я не могъ, представивъ описанье,
Прекрасной Павловской луны, то смѣю вамъ
О солнцѣ Павловскомъ прекрасномъ
Въ изображеньи безпристрастномъ
Стихами вѣрными донесть.
Оно привѣтливо [за то ему и честь]
Къ пріятной Павловской природѣ.
Я здѣсь его видалъ и въ пламенномъ восходѣ,
И на полдневной вышинѣ,
И въ свѣтозарной тишинѣ
Великолѣпнаго съ лазури снисхожденья.
Какія пышныя творитъ оно явленья
На очарованныхъ Славянки берегахъ!
Но величавое въ младыхъ лучахъ разсвѣта
И неприступное въ полуденныхъ лучахъ,
Въ спокойномъ вечерѣ оно съ душой поэта
Краснорѣчивѣй говоритъ.
Сколь милы въ Павловскѣ вечернія картины!
Люблю, когда закатъ безоблачный горитъ;
Пылая, зыблются древесныя вершины,
И яркимъ заревомъ осыпанный дворецъ,
Глядясь съ полугоры въ водахъ покрытыхъ тѣнью,

Мрачится медленно, и куполъ какъ вѣнецъ
Надъ потемнѣвшею деревъ окрестныхъ сѣнью
Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ заката угасаетъ.
Люблю смотрѣть, когда дерновый скатъ въ огнѣ
И сѣть багряная во休 мракѣ липъ сіяетъ;
Когда на падшій храмъ, прорѣзавъ ткань листовъ,
Лучи бросаются златыми полосами,
Горятъ на бѣлизнѣ разрушенныхъ столповъ,
И пѣной огненной съ кипящими волнами
По камнямъ прядаютъ и гаснутъ на лету.
Разнообразнѣе становятся картины,
Когда идемъ рѣкой вдоль Красныя долины,
Такъ названной за красоту;
То рощей молодой веселыя осины
Столпились на брегу, и легкіе листы,
Завѣсой рѣдкою задернувъ солнце, блещутъ,
И неколеблемы трепещутъ;
То воду зеленятъ прибрежные кусты,
И пламень запада, сквозь чащу ихъ прорвавшись
Въ ихъ лиственной сѣти сверкаетъ изъ рѣки;
То ива, разметавшись,
И вѣтви дряхлыя оперши на клюки,
Потокъ завѣсила своей обширной сѣнью;
То одинокій вязъ съ холма черезъ рѣку
Огромною перетянулся тѣнью;
То парусъ свой отдавъ на волю вѣтерку,
Между зелеными брегами
Плыветъ сіяющій челнокъ,
Куда несетъ его потокъ
Одушевленными волнами,
И воздухъ флагомъ шевелитъ,
И рядомъ тѣнь его бѣжитъ,
И струйка слѣдомъ за кормою
Блестящей тянется змѣею;

Тамъ свѣтится въ кустахъ полусокрытый храмъ
И тѣнь младыхъ березъ, рѣшоткой по стѣнамъ
Раскинувшись, чернѣетъ;
А тамъ у башни мостъ, отважною дугой
Рѣку перескочивъ, на зыби водъ бѣлѣетъ.
Но мѣсто есть — туда вечернею порой
Приходишь слѣдомъ за мечтой
Влекомъ неволей сладкой;
Порхаетъ тамъ украдкой
Съ листочка на листокъ
Вечерній вѣтерокъ.
Тамъ тихо волны плещутъ,
И трепетные блещутъ
Сквозь тѣнь лучи небесъ;
Тамъ что-то есть живое,
Тамъ что-то неземное
За тайну занавѣсъ,
Невидимой рукою
Опущенныхъ, манитъ:
Надъ юной сей главою
Пророчески горитъ
Звѣзда огнемъ заката;
А жизнь сія крылата,
Молящая въ слезахъ
Невнемлющую младость,
А тихой вѣры сладость
Въ сихъ пламенныхъ очахъ,
И вечера молчанье.
И мирное сліянье
Сихъ гаснущихъ небесъ
Съ задумчивою тѣнью
Недвижимыхъ древесъ....
Какъ все воображенью
Здѣсь душу придаетъ!
Ей слышится полетъ

Недвижимыхъ прелестныхъ —
Однихъ уже небесныхъ,
Другихъ еще земныхъ;
И блага лѣтъ младыхъ,
И позднихъ лѣтъ утраты,
Товарищи крылаты
Въ бывалой красотѣ
Слетаются къ мечтѣ!

Но чувствую, что я забылся,
И что мой вашему величеству отчетъ
Изъ описанія въ поэму превратился;
Напомнить смѣю вамъ: о солнцѣ рѣчь идетъ,
И такъ, немудрено, что мысль имъ разогрѣта,
Что пламенный предметъ воспламенилъ поэта.
Меня еще картина ждетъ:
Сей павильонъ уединенный.
Мечтѣ безмолвной посвященный,
Столь милый именемъ своимъ.
Какъ онъ приманчивъ красотою,
Когда вечернею порою
Долина блещетъ передъ нимъ;
Когда багряными водами,
Равна съ отлогими брегами,
Сверкаетъ тихая рѣка,
Прибрежный бархатъ тростника
На солнцѣ ярко отливаетъ,
И приливая опѣняетъ
Его веселая волна,
И въ лонѣ водъ лазурь видна;
И по лазури тихо рѣя,
То загораясь, то блѣднѣя,
Какъ дымъ, вечерни облака
Минуту на небѣ играютъ;
Играя, съ неба улетаютъ

За дуновеньемъ вѣтерка.
Здѣсь милы вечера картины!
Въ концѣ раздавшейся долины
Сквозь пламень запада, село
Глядится въ зыбкое стекло
Рѣки, извившейся дугою;
Тамъ челнъ, качаемый волною
У брега въ чащѣ тростника,
Мелькаетъ съ тѣнью рыбака;
Тамъ на дорогѣ возъ скрыпучій,
Передвигаяся, пылитъ;
Тамъ надъ рѣкою мостъ зыбучій;
А здѣсь подъ сводами ракитъ
Каскадъ дымится и шумитъ,
Разбрызнувъ млечной пѣной воды.
Пріятно здѣсь въ вечерній часъ
Подслушивать послѣдній гласъ
Полузаснувшія природы,
Когда шептанье вѣтерка
Иль звучный рогъ издалека
Иль говоръ птицъ иль шумъ отъ стада
Перезываются порой
Съ унылымъ шумомъ водопада;
Пріятно объ-руку съ мечтой
Здѣсь на площадкѣ павильона,
Прохладой вечера дышать
И солнце взоромъ провожать
Въ его нисходѣ съ небосклона,
Когда безоблачно оно;
Предъ нимъ полнеба зажжено,
Земля въ лучахъ благоухаетъ,
И мнится, ангелъ отверзаетъ
Ему спокойствія чертогъ;
Оно, взглянувъ, какъ свѣтлый Богъ,
На тихое уединенье

Имъ покидаемыхъ небесъ,
Послѣднее благословенье
Изъ за таинственныхъ завѣсъ,
Имъ, исчезая, посылаетъ,
И долго сладостно сіяетъ
Воспоминаніемъ святымъ
Его оставленная имъ
Въ залогъ возврата багряница...
Не благотворная ль царица
Тогда является мечтѣ?
Ты видишь день ея прекрасной,
Всходящій прелестію ясной
И заходящій въ красотѣ;
Его веселіе встрѣчаетъ,
Его надежда провожаетъ,
И провожающая ждетъ,
Что онъ по прежнему взойдетъ
Для уповающихъ—усладой,
Для сирыхъ—вѣрною отрадой
Для всѣхъ—привѣтной красотой;
И всѣ съ молитвою одной:
Не измѣняйся, день прекрасный!
Будь долго радостью очесъ,
И вѣчно тихій, вѣчно ясный,
Не покидай родныхъ небесъ!

[Іюнь].

Post-scriptum: вашему величеству въ отчетѣ
Представилъ съ точностью я то, что видѣлъ самъ;
И ежели моимъ стихамъ
Не много удалось сказать о лунномъ свѣтѣ,
То не моя вина:
Въ іюнѣ мѣсяцѣ луна,
Какъ я уже донесъ, едва, едва сіяетъ;
Ея сонливый свѣтъ

Воображенія совсѣмъ не пробуждаетъ,
И глядя на нее, лишь сердится поэтъ;
Но то, что нынѣ да, бываетъ завтра нѣтъ,
И строгая велитъ признаться справедливость,
Что поубавилась уже луны сонливость,
Что донесеніе мое десяткомъ дней
И болѣ опоздало;
Пришелъ іюль; лѣнивѣй солнце стало;
А ночи сдѣлались темнѣй.
Вчера, имѣя честь въ саду быть вмѣстѣ съ вами,
Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками,
И смѣю утвердить, что сдѣлалась она
Почти по старому луна,
И что по старому кругомъ ея носились
Младыя облака воздушною толпой,
То, разлетаясь, серебрились,
То, вдругъ сліянныя, тянулися грядой,
То волновалися, то рдѣлись, то дымились.
А должно вспомнить, что она
Едва лишь только рождена,
И что лишь мигъ—тогда, какъ западъ догораетъ—
Серпомъ серебрянымъ на западѣ сіяетъ;
Когда же полною заблещетъ красотой,
То будетъ, какъ была, и музѣ вдохновеньемъ,
И ночи милымъ украшеньемъ,
И Павловскихъ небесъ достойною луной.

Еще post-scriptum: я, сбирая замѣчанья,
Для составленія отчета о лунѣ
Нашелъ, чего не ждалъ: счастливый случай мнѣ
Открылъ забытый слѣдъ стариннаго преданья.
Однажды позднею порой
Я къ павильону шелъ рѣкой.
Ужъ все въ окрестности дремало,

И день давно уже погасъ;
Я былъ одинъ.... вдругъ прозвучало....
На крѣпости пробило часъ....
Иду.... къ развалинамъ дорожка
Вдоль брега привела меня;
Взглянулъ.... и что жъ увидѣлъ?... Кошка
Въ дуплѣ растреснутаго пня
Между упадшими столпами,
Какъ привидѣніе, сидитъ
И блещетъ яркими глазами,
И ярко на меня глядитъ;
Я отъ нея — она за мною;
Назадъ я — и она назадъ;
И все по прежнему звѣздою
Сверкаетъ неподвижный взглядъ:
Но я къ дуплу — и легкой тѣнью
Она пропала предо мной;
Лишь искры брызнули струей.
Чудяся страшному видѣнью,
«Тутъ тайна есть», подумалъ я;
Не безъ труда рука моя —
Большой корнистый пень разрыла....
И что же, что же наконецъ,
Его разрывъ, она открыла?
Не тяжкій кованый ларецъ,
Не золота огромный слитокъ —
Пергаментный истлѣвшій свитокъ,
И что-то писано на немъ
Славянскимъ древнимъ языкомъ;
Но разобрать рукописанье
До сихъ поръ я еще не могъ;
Языкъ старинный, грубый слогъ....
Однако знаю, въ немъ преданье
Какое-то заключено
О князѣ древнія Герсики,

Котораго Альбертъ Великій,
Епископъ, сжегъ [какъ то давно
Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно];
Еще упоминаютъ въ немъ
О сынѣ князя молодомъ,
О розѣ, о любви чудесной
Какой-то дѣвы не земной,
И прочее.... И такъ, быть можетъ,
Когда фантазія поможетъ
Мнѣ подружиться съ стариной,
Я разгадаю списокъ мой,
Быль небылицею приправлю,
И всеподданнѣйше представлю
Вамъ, государыня, въ стихахъ.
О томъ, что было въ древни лѣты
На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
Гдѣ павильонъ Елизаветы.

20 Іюля.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ, ИХЪ СІЯТЕЛЬСТВАМЪ ГРАФИНѢ САМОЙЛОВОЙ, ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНѢ КОЗЛОВСКОЙ И КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ, ОТЪ НѢКОТОРАГО ЖАЛКАГО СТИХОТВОРЦА ПРОШЕНІЕ.

Больной, покинутый поэтъ
Напомнить о себѣ дерзаетъ;
Шесть дней, похожихъ на шесть лѣтъ
Болѣзнь упрямая мѣшаетъ
Ему за царскимъ быть столомъ.
Онъ лакомка, какъ всѣ поэты,
Но эскулаповымъ жрецомъ
Ему запрещены конфекты,
За то позволены плоды.

Увы, съ прошедшей середы
Въ-глаза не видывалъ клубники,
И только запахъ земляники
Дразнилъ его унылый носъ.
А апельсинъ и абрикосъ?
Онъ ихъ теперь и не узнаетъ!
И такъ смиренно умоляетъ
Изъ душной госпитали онъ
Варвару Павловну, княжонъ,
Графинь, здоровья имъ желая,
Вздохнуть объ участи его;
Да и прислать того-сего
Изъ царскаго земнаго рая:
Десятокъ вишень въ башмакѣ,
Клубники въ носовомъ платкѣ,
Малины въ лайковой перчаткѣ,
И просто на тарелкѣ сливъ.
Такую милость получивъ,
Укажетъ двери лихорадкѣ
И мигомъ вылечится онъ,
Пускай искусенъ нашъ Крейтонъ, *
Хвала и честь его латыни,
Его достойно хвалитъ свѣтъ,
Но для поэта факультетъ
Теперь: двѣ милыя графини,
Двѣ добродушныя княжны
Съ Варварой Павловной; властны
Онѣ одной своей подачкой
На зло аптекамъ побѣдить
Простуду съ желтою горячкой
И даже мертвыхъ воскресить.

8 іюня 1819.

---

* Лейбъ-медикъ.

ПЛАТОКЪ ГР. САМОЙЛОВОЙ.

Графиня, признаюсь, большой бѣды въ томъ нѣтъ,
Что я, вашъ Павловскій поэтъ,
На взморьѣ съ вами не катался,
А скромно въ Колпинѣ спасался
Отъ искушенія той прелести живой,
Которою непобѣдимо
Плѣнилъ бы душу мнѣ вечернею порой
И вмѣстѣ съ вами зримой
Подъ очарованной луной
Безмолвный берегъ Монплезира.
Воскреснула бъ моя покинутая лира —
Но что жъ бы сдѣлалось съ душой?
Не знаю, даже радъ, признаться, что не знаю!
Здѣсь безопасно я все то воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ:
Какъ полная луна, въ величественный часъ
Вечерняго успокоенья,
Надъ спящею морской равниною взошла
И въ тихомъ блескѣ потекла
Среди священнаго небесъ уединенья;
Съ какою прелестью по дремлющимъ брегамъ
Со тьмою свѣтъ ея мѣшался,
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на землю пробирался
И ярко въ темнотѣ свѣтился на корняхъ,
Какъ вы на камняхъ надъ водою
Сидѣли, трепетный подслушивая шумъ
Волны, дробимыя подъ вашею ногою,
И какъ толпы крылатыхъ думъ
Летали въ этотъ часъ надъ вашей головою.
Все это вижу я и видѣть не боюсь,
И даже въ шлюпку къ вамъ сажусь
Неустрашимою мечтою;
И мой безпечно взоръ летаетъ по волнамъ,

Любуясь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ,
Какъ прядаютъ лучи по зыбкимъ ихъ верхамъ,
Какъ звучно веслами гребцы ихъ расшибаютъ,
Какъ брызги легкія взлетаютъ жемчугомъ,
И, въ воздухѣ блеснувъ, въ паденьи угасаютъ.
О, мой пріютный уголокъ!
Сей прелестью въ тебѣ я мирно усладился;
Меня мой геній спасъ. Графиня, страшный рокъ
Неизбѣжимо бъ совершился:
Въ тотъ часъ, какъ измѣнилъ невѣрный вамъ платокъ,
Забывъ себя, я бросился бъ въ пучину
И утонулъ. И что жъ? Теперь бы вашъ пѣвецъ
На днѣ морскомъ пугалъ балладами Ундину,
И сонный дядя Студенецъ,
Склонивши голову на влажную подушку,
Зѣвалъ бы, слушая Старушку.
Платокъ, спасенный мной въ подводной глубинѣ,
Надводныхъ прелестей не замѣнилъ бы мнѣ.
Пускай бы всякій часъ я могъ имъ любоваться,
Но все бы о землѣ грустилъ изъ подтишка;
Платокъ вашъ очень милъ, но сами вы, признаться,
Милѣе вашего платка.
Но только ль? Можетъ быть, подводные народы
[Которые въ своей студёной глубинѣ
Не зная перемѣнъ роскошныя природы,
Въ однообразіи, во скукѣ и во снѣ
Туманные проводятъ годы],
Въ моихъ рукахъ увидя вашъ платокъ,
Со всѣхъ сторонъ столпились бы въ кружокъ
И стали бъ моему сокровищу дивиться,
И вѣрно бъ вздумали сокровище отнять.
А я? Чтобъ хитростью отъ силы защититься,
Чтобъ шуткой чудаковъ чешуйчатыхъ занять,
Я вызвалъ бы ихъ всѣхъ играть со мною въ жмурки,
Да самому себѣ глаза бъ и завязалъ!

Тогда бы для меня платокъ мой не пропалъ,
За-то бы всѣ моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Стеклось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Морской бы вышелъ ракъ, кобенясь на клешняхъ;
Явился бы и китъ съ огромными усами,
И нильскій крокодилъ въ узорныхъ чешуяхъ,
Й выдра, и мокой сверкающій зубами,
И каракатицы, и устрицы съ сельдями,
Короче—океанъ вверхъ дномъ!
И начали бъ они кругомъ меня рѣзвиться
И щекотать меня, кто зубомъ, кто хвостомъ,
А я [чтобы съ моимъ сокровищемъ платкомъ
На мигъ одинъ не разлучиться,
Чтобъ не досталось мнѣ глаза имъ завязать
Ни каракатицѣ, ни раку, ни мокою]
Для вида только бы махалъ на нихъ рукою,
И не ловилъ бы ихъ, а только бы пугалъ.
И такъ теперь легко дойти до заключенья:
Я въ жмурки бы игралъ
До свѣтопреставленья;
И развѣ только въ часъ всѣхъ мертвыхъ воскресенья,
Платокъ сорвавши съ глазъ, воскликнулъ бы: поймалъ!
Ужасный жребій сей поэта миновалъ!
Платокъ вашъ странствуетъ по царству Аквилона.
Но знайте, для него не страшенъ Аквилонъ;
И сухъ и невредимъ на влагѣ будетъ онъ.
Самимъ извѣстно вамъ, поэта Аріона
Услужливый дельфинъ донесъ до береговъ,
Хотя ярилася на жизнь пѣвца пучина;
И нынѣ внукъ того чудеснаго дельфина
Лелѣетъ на спинѣ красу земныхъ платковъ!
Пусть буря бездны колыхаетъ,
Пусть рушитъ корабли и рветъ ихъ паруса,
Вокругъ него ея свирѣпость утихаетъ
И на него изъ тучъ сіяютъ небеса

Благотворящей теплотою;
Онъ скоро пышный Бельтъ покинетъ за собою
И скоро донесутъ покорные валы
Его до тѣхъ краевъ, гдѣ треснули скалы
Передъ могучею десницей Геркулеса.
Минуетъ онъ брега стариннаго Гадеса,
И слушайте жъ теперь, къ чему назначилъ рокъ
Непостоянный вашъ платокъ.
Благочестивая красавица принцеса,
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его увидитъ, имъ плѣнится,
И ношу милую поднесть прекрасной въ даръ
Услужливый дельфинъ въ-минуту согласится.
Но здѣсь неясное предъ нами объяснится.
Натуралистъ Бомаръ
Въ ученомъ словарѣ ученыхъ увѣряетъ,
Что никогда дельфиновъ не бываетъ,
У Петергофскихъ береговъ,
И что поэтому потерянныхъ платковъ
Никакъ не можетъ тамъ ловить спина дельфина.
И въ самомъ дѣлѣ это такъ.
Но знайте, нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ— башмакъ
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина
[pour la rime]
Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ.
Но что же? Оттого дельфинъ совсѣмъ не хуже,
Что счастіе имѣлъ онъ башмакомъ служить
Ея сіятельству, и что угодно было
Такъ жѣстоко играть ей жизнью башмака.
Предназначеніе судьбы его хранило!
Башмакъ дельфиномъ сталъ для вашего платка,
Воротимся жъ къ платку. Вы слышали, принцеса
Красавица, у береговъ Гадеса
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,

Его получитъ отъ дельфина.
Красавицу съ платкомъ умчитъ въ Алжиръ корсаръ;
Продастъ ее пашѣ; паша назначитъ въ даръ
Для императорова сына.
Сынъ императоровъ не варваръ, а герой,
Душой Малекъ-Адель, учтивѣй Солимана,
Принцесса же умомъ другая Роксолана
И точь-въ-точь милая Матильда красотой.
Не трудно угадать, чѣмъ это все рѣшится:
Принцессой деевъ сынъ плѣнится;
Принцесса въ знакъ любви отдастъ ему платокъ;
Руки жъ ему отдать она не согласится,
Пока не будетъ имъ отвергнутъ Лжепророкъ,
Пока онъ не крестится,
Не сниметъ съ христіанъ невольничьихъ цѣпей,
И не предстанетъ къ ней
Геройской славой озаренный.
Алжирецъ храбрый нашъ не будетъ тратить словъ:
Онъ вмигъ на все готовъ—
Крестился, иго снялъ невольничьихъ оковъ
Съ несчастныхъ христіанъ, и крикнулъ кличъ военный;
Платокъ красавицы, ко древу пригвожденный,
Сталъ гордымъ знаменемъ, предшествующимъ въ бой;
И Африка зажглась священною войной;
Египетъ, Фецъ, Марокъ, Стамбулъ, страны Востока —
Все завоевано крестившимся вождемъ
И пала предъ его карающимъ мечемъ
Имперія Пророка.
Свершивъ со славою любви святой завѣтъ,
Низринувъ алтари безумія во пламя
И Богу покоривъ весь мусульманскій свѣтъ,
Герой спѣшитъ принесть торжественное знамя,
То есть платокъ, къ ногамъ красавицы своей.
Не трудно угадать развязку:
Перевѣнчаются, велятъ созвать гостей,

Подымутъ пляску,
И счастливой четѣ
Воскликнутъ многи лѣта!
А нашъ платокъ? Платокъ давно ужъ въ высотѣ
Взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета,
Первостепенная изъ всѣхъ другихъ кометъ;
Ея вліяніе преобразуетъ свѣтъ,
Настанутъ намъ другія
Благословенны времена.
И будетъ на землѣ навѣкъ воцарена
Премудрость, а сказать по гречески: Софія.

Павловскъ 28, 29 іюня 1819.

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ,

ПОСЛѢ ЕЯ ДЕБЮТА ВЪ РОЛИ МЕРТВЕЦА.

Графиня, не забудьте слова,
Оставьте маску мертвеца;
Какая страшная обнова
Для столь прелестнаго лица;
Какъ наряжаться въ ваши лѣта,
Съ такою милой красотой,
По образцу другаго свѣта,
По страшной модѣ гробовой?
Вчерашняя, скажу вамъ, шутка
Была разительный урокъ,
Урокъ для сердца и разсудка...
И этотъ тихій уголокъ,
Гдѣ предо мной, въ одно мгновенье,
На мѣсто прелести младой,
Явилось грозное видѣнье,
Унылый призракъ гробовой,
Его я не забуду вѣчно.

Нѣтъ, такъ шутить безчеловѣчно!
И это будь въ послѣдній разъ!
Когда, оставивъ въ свѣтѣ насъ,
Вы въ темноту ночную скрылись,
Съ веселымъ прелести лицомъ,
И вдругъ на насъ оборотились
Изъ тьмы ужаснымъ мертвецомъ,
Невольно сердце взволновалось,
И въ быстрой перемѣнѣ сей
Ему житейское сказалось
Всей ненадежностью своей:
«Какъ все желанное невѣрно,
Какъ упованье лицемѣрно,
Какъ счастья перемѣнчивъ видъ;
Душа лишь вслѣдъ за нимъ порвется,
Оно лицомъ къ ней обернется,
И передъ ней мертвецъ стоитъ.»
Графиня, ваше превращенье
Меня въ сей бросило испугъ;
Но, вдругъ сразивъ воображенье,
Оно жъ и ободрило вдругъ:
И я забылъ свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своимъ устамъ;
Когда померкнувшимъ глазамъ
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободнѣй начали дышать
И сняли привидѣнья маску.
Графиня, будьте просто вы,
Забудьте страшное искусство,
И въ сердцѣ заграждая чувство,
Не убивайте головы.

ЧИЖИКЪ.

Въ могилѣ сей покоится Мими,
Прекрасныя природы гость мгновенный:
Примѣромъ былъ онъ дружбы неизмѣнной
Межъ птицами и даже межъ людьми.

Пока былъ живъ товарищъ легкокрылый,
Мими игралъ и жить любилъ, и пѣлъ;
Но вѣрный другъ изъ міра улетѣлъ —
Мими за нимъ покинулъ свѣтъ постылый.

Покойся жъ здѣсь, плѣнительный пѣвецъ!
Намъ доказалъ нежданный твой конецъ,
Что безъ любви—могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь тамъ, гдѣ сердце наше.

НА СМЕРТЬ ЧИЖИКА.

Въ семъ гробѣ вѣрный чижикъ мой!
Природы милое творенье,
Изъ мирной области земной
Онъ улетѣлъ, какъ сновидѣнье.

Онъ для любви на свѣтѣ жилъ,
Онъ нѣжной пѣсенкой отвѣтной
За ласку нѣжную платилъ,
И подлеталъ къ рукѣ привѣтной.

Но въ свѣтѣ страшно и любить:
Ему былъ данъ дружокъ крылатый;
Чтобъ милаго не пережить,
Онъ въ гробѣ скрылся отъ утраты!

АМУРЪ И МУДРОСТЬ.

Богиня мудрости на землю ниспустилась,
Но у людей она худой пріемъ нашла.
Однажды, близъ рѣки она остановилась—
Погода бурная была;
У берега челнокъ; а въ челнокѣ малютка...
Не знаетъ, плыть иль нѣтъ?... А онъ ее манилъ!
Рѣшилась; поплыли; но то была лишь шутка:
Плутишка мудрость утопилъ.

ЦВѢТЪ ЗАВѢТА. *

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселѣ ты съ непышной красотой
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
Чужда любви и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ очарованье;
Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ милое цвѣтетъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною слетѣлося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

---

* Великая княгиня Александра Ѳеодоровна условилась съ сестрою—присылать другъ другу первые весенніе цвѣты, которые каждая изъ нихъ увидитъ.

И всѣхъ друзей душа моя узнала...
Но гдѣ жъ они? На мигъ съ путей земныхъ
На сѣверъ мой мечта васъ призывала,
Сопутниковъ младенчества родныхъ...
Васъ жадная рука не удержала,
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.
О, будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный,
Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
О сладкій часъ! о вечеръ незабвенный!
Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
И свѣжая на землю тишина,
Какъ ясное предчувствіе, сходила;
Природа вся съ душою говорила.

И къ намъ тогда, какъ геній, прилетало
За пѣснею веселой старины,
Прекрасное, что нѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее намъ снова оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
И время намъ казалось нелетящимъ.

И в ѣ р н а я была незримо съ нами...
Сіи окрестъ волшебныя мѣста,
Сей тихій блескъ заката за горами,
Сія небесъ вечернихъ чистота,
Сей миръ души, согласный съ небесами,
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, но сердцу откровеннымъ.

И насъ ея любовь благословляла;
И ободрялъ на благо тихій гласъ...
Друзья, тогда судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбранны, на днѣ ея фіяла
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
Тогда былъ данъ вамъ мною цвѣтъ завѣта.

И гдѣ же вы?... Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
Разлучена веселая семья;
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ розные края...
Но розно ль мы? Повсюду въ поднебесной,
О вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта
Для насъ цвѣтетъ нашъ милый цвѣтъ завѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной,
И промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный;
Что младости мечты совершены;
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что теперь плѣнительно, какъ прежде.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
Еще одинъ товарищъ приведенъ...
На путь земной изъ люльки безопасной
Намъ подаетъ младую руку онъ;
Его лицо невинностію ясно,
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью. *

* Это относилось къ великому князю Александру Николаевичу, которому тогда было годъ и $2^1/_2$ мѣсяца.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта:
Младенчества веселый сонъ промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести...

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна;
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Что бъ ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освящена!...
Вы жъ, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внимаемый душой,
О, вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами
О томъ, чего не выразить словами.

Павловскъ, іюля 2, 1819.

МОЙЕРУ.

Счастливецъ! ею ты любимъ,
Но будетъ ли она любима такъ тобою,
Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
Какъ пламенной моей душою?

Возьми жъ ихъ отъ меня и страстію своей
Достоинъ будь судьбы твоей прекрасной,
Мнѣ жъ сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно,
Когда нельзя отдать всего на жертву ей.

Іюль, 1819.

КЪ ЭММѢ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины.
Ахъ, звѣзды не приманить;
Счастью бывшему не быть!

Если бъ жадною рукою
Смерть отъ насъ тебя взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила.
Ты живешь въ сіяньи дня,
Ты живешь не для меня!

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

Іюль 1819.

ПРАМАТЕРЬ ВНУКѢ. *

Мое дитя, со мною отъ купели
Твой первый шагъ житейскій соверши;

* Стихи сіи написаны на первое причащеніе ея императорскаго высочества великой княжны Маріи Николаевны.—В. Ж.

Твои глаза едва еще прозрѣли;
Едва зажженъ огонь твоей души...
Но ризой ты вѣнчальной ужъ одѣта,
Обручена съ священнымъ бытіемъ:
Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта:
Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.

Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моихъ покоишься рукахъ;
И благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова въ сихъ вратахъ;
Съ надеждою, съ трепещущимъ моленьемъ
Я подхожу къ святынѣ ихъ съ тобой:
Тебя явить предъ вѣчнымъ провидѣньемъ,
Его рукѣ повѣрить жребій твой.

О часъ судьбы! о тихій мой младенецъ!
Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ міровъ,
Ты ждешь, земли недавній урожденецъ,
Чтобъ для тебя поднялся тотъ покровъ,
За коимъ все, что вѣрно въ жизни нашей.
Приступимъ.... дверь для насъ отворена;
Не трепещи предъ сею тайной чашей—
Тебѣ несетъ небесное она.

Пей жизнь, дитя, изъ чаши провидѣнья
Съ младенчески-невинною душой;
Мы предстоимъ святилищу спасенья,
И здѣсь его престолъ передъ тобой;
Къ сей пристани таинственно дорога
Проложена сквозь опытъ бытія....
О новое дитя въ семействѣ Бога,
Прекрасная отчизна здѣсь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ,

Небесному будь въ сердцѣ неизмѣнно—
Небесное тебѣ не измѣнитъ.
Что ни придетъ съ незнаемымъ грядущимъ—
Все будетъ даръ хранительной руки;
Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
Вездѣ къ нему душой недалеки.

Свершилось!... Ты ль, посолъ небесъ крылатый,
Исходишь къ ней изъ таинственныхъ вратъ?
Ты ль, промысломъ назначенный вожатый,
Земной сестрѣ небесный, вѣрный братъ?
Прими жъ ее, божественный хранитель;
Будь въ радости и въ скорби съ сей душой;
Будь жизни ей утѣшный изъяснитель,
И не покинь до родины святой.

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦІОНА.

[ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОВИДІЕВЫХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ].

Цѐиксъ тревожимый ужасомъ тайныхъ, чудесныхъ видѣній,
Былъ готовъ испытать прорицанье Кларійскаго бога—
Въ Дельфы же путь заграждали Форбасъ и дружины флегіанъ.
Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣрной супругѣ,
Ей сказать о разлукѣ... сказалъ.... ужаснулась, и хладомъ
Грудь облилася, блѣдность ланиты покрыла, слезами
Очи затмились, трикраты отвѣтъ начинала — трикраты
Скованный горемъ языкъ измѣнялъ; наконецъ возопила,
Частымъ рыданіемъ томно-печальную рѣчь прерывая:
«Милый супругъ мой, какою виной отъ себя удалила
Я твое сердце? Ужели не стало въ немъ прежней любови?
Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальціону;
Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужъ милѣй въ отдаленьи.
Странствуй ты по землѣ—тогда бы сердце не знало
Страха въ печали, была бы тоска безъ заботы... но моря,

Моря страшусь; ужасаетъ печальная мрачность пучины;
Волны—я зрѣла вчера—корабельны обломки носили;
Здѣсь не разъ на гробницахъ пустыхъ имена я читала.
Другъ, не ввѣряйся надеждѣ безстрашнаго сердца; не льстися
Дружбой родителя, бога Эола, могущаго силу
Вѣтровъ смирять и море по волѣ мутить и покоить.
Разъ овладѣвши волнами, раскованны вѣтры не знаютъ
Буйству границъ; и земля и моря имъ покорны; сгоняютъ
Тучи на небо и страшнымъ огнемъ зажигаютъ ихъ нѣдра.
Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю [а знать ихъ должна; я младенцемъ
Часто въ жилищѣ отца ихъ видала], тѣмъ болѣ страшусь ихъ.
Если жъ ни просьбы, ни слезы мои надъ тобою не властны,
Если ужъ въ море далекое должно, должно пускаться,
Другъ, возьми съ собою меня: мы раздѣлимъ судьбину;
Зная, чѣмъ стражду, менѣе буду страдать; что ни встрѣтимъ,
Все заодно; безъ разлуки невѣрнымъ волнамъ предадимся.»
Тронутый жалобной рѣчью супруги, сынъ Люциферовъ
Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ тая глубокое горе.
Но постоянный въ желаньи, онъ ввѣрить своей Гальціоны
Вмѣстѣ съ собой произволу опаснаго моря не смѣетъ.
Хочетъ ее убѣдить ободрительнымъ словомъ... напрасно!
Нѣтъ убѣжденья печальной душѣ. Наконецъ онъ сказалъ ей:
«Долго разлука и краткая длится; но я Люциферомъ
Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если допуститъ судьбина,
Прежде, чѣмъ дважды луна въ небесахъ совершиться успѣетъ.»
Симъ обѣтомъ надежду на скорый возвратъ ожививши,
Онъ повелѣлъ спустить на волны ладью и не медля,
Снасти устроить и все изготовить къ далекому бѣгу.
Видитъ ладью Гальціона и, вѣщей душой предузнавши
Будущій рокъ, содрогнулась, слезы ручьемъ полилися;
Нѣжно прижалась къ супругу лицомъ безнадежно печальнымъ;
Томно шепнула: прости! и пала безъ чувства на брегѣ.
Медлитъ унылый супругъ; но пловцы ужъ рядами взмахнули
Весла, прижавъ ихъ къ могучимъ грудямъ, и согласнымъ ударомъ

Вспѣнили влагу. Тронулось судно. Она отворила
Влажныя очи, и видитъ его у кормы... Удаляясь,
Знакомъ прощальнымъ руки онъ послѣдній привѣтъ посылаетъ;
Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
Берегъ уходитъ, и очи лица распознать ужъ не могутъ;
Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее судно;
Но когда и оно въ отдаленьи пространства пропало,
Силится взоромъ поймать на мачтѣ играющій парусъ;
Скоро и парусъ пропалъ. И безмолвно въ чертогъ опустѣлый
Тихо пошла Гальціона и пала на одръ одинокій...
Ахъ! и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все раздражало
Грустное сердце, твердя о далеко-плывущемъ супругѣ.
Судно бѣжитъ. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ неподвижныя верви;
Праздныя весла къ бокамъ ладіи прислонивъ, корабельщикъ
Волю далъ парусамъ и пустилъ ихъ свободно по мачтѣ:
Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, паруса натянулись.
Море бороздя, половину пути ужъ ладья совершила;
Берегъ повсюду равно отдаленъ, повсюду невидимъ.
Вдругъ, передъ ночью, надулися волны, море бѣлѣетъ;
Сильный порывистый вѣтеръ внезапно ударилъ отъ юга.
«Свить паруса!» возопилъ ужаснувшійся кормщикъ... напрасно!
Вѣтра могучій порывъ помѣшалъ повелѣнье исполнить;
Шумомъ ревущей волны заглушило невнятное слово.
Сами гребцы на работу бѣгутъ; одинъ убираетъ
Весла, другой чинитъ расколовшійся бокъ, тотъ исторгнуть
Силится парусъ у вѣтра; а тотъ изъ ладьи выливая
Въ трещины бьющую воду, волны волнамъ возвращаетъ.
Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и грознѣй; отовсюду
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, вздымаяся, воетъ;
Кормщикъ бодрость утратилъ, и самъ, признавая опасность,
Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего остеречься, не знаетъ.
Властвуетъ буря, ничтожны предъ нею искусство и опытъ;
Вихорь, вопли гребцовъ, скрыпѣнье снастей, непрерывный
Плескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ отовсюду... ужасно!
Воды буграми, и море то вдругъ до самаго неба

Рвется допрянуть и темныя тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песокъ изъ глубокія бездны,
Мутно желтѣетъ; то вдругъ чернѣе стигійскія влаги;
То, опадая и пѣной шипящей разбившись, бѣлѣетъ.
Мчится трахинское легкое судно игралищемъ бури;
Вдругъ возлетитъ и какъ будто съ утесистой горной стремнины
Смотритъ въ глубокій долъ, въ глубокую мглу Ахерона;
Вдругъ съ волной упадетъ и, кругомъ взгроможденному морю,
Видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.
Страшно гремитъ ладія, отшибая разящія волны:
Такъ раздаются удары въ стѣнѣ, тяжелымъ тараномъ
Глухо разимой иль брошеннымъ тяжкимъ обломкомъ утеса.
Словно какъ пламенный левъ свирѣпѣетъ, тѣснимый ловцами,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью кидается въ копья:
Такъ яримая вѣтромъ волна, бросаясь на мачты,
Судно грозится пожрать и реветъ, надъ нимъ подымаясь.
Киль разшатался; утративъ защиту смолы, раздалися
Бренные сшивы досокъ, и вторглась губящая влага;
Вдругъ облака, разступившись, дождемъ зашумѣли; казалось,
Небо упало на море и море воздви́глося къ небу.
Взмокли всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утратило небо.
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ, летая по тучамъ,
Ярко сверкали, и бездна морская въ громахъ загоралась.
Вдругъ поднялся и бѣжитъ, раскачавшись, ударить на судно
Валъ огромный. Подобно бойцу великану, который
Дерзко не разъ набѣгалъ на раскатъ осажденнаго града,
Сбитый, снова рвался, наконецъ, о́крыляемый славой,
Силой взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ изъ дружины:
Такъ, посреди стѣсненныхъ валовъ, осаждающихъ судно,
Всѣ перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
Хлещетъ, бьетъ по скрыпучимъ бокамъ ладіи утомленной,
Рвется, ворвался, и вдругъ овладѣлъ завоеваннымъ судномъ.
Волны, частью толпятся на приступъ, частью вломились;

Все трепещетъ, какъ будто во градѣ, когда ужъ въ проломы
Бросился врагъ и стѣна за стѣною, гремя, упадаетъ;
Тщетно искусство; мужество пало; мнится, что съ каждой
Новой волною новая страшная смерть нападаетъ.
Нѣтъ спасенья! тотъ плачетъ; тотъ цѣпенѣетъ; тотъ мертвымъ
Въ гробѣ завидуетъ; тотъ къ богамъ посылаетъ обѣты;
Тотъ, напрасно руки подъемля къ незримому небу,
Молитъ пощады; тотъ скорбитъ объ отцѣ, тотъ о братѣ,
Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ, что̀ покинулъ;
Цеиксъ о милой своей Гальціонѣ: одной Гальціоны
Имя твердитъ онъ, тоскуетъ по ней, но, тоскуя утѣшенъ
Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы къ домашнему брегу
Разъ оглянуться, разъ хотѣлъ бы лицомъ обратиться
Къ милому дому... но гдѣ же они? разъяренная буря
Все помутила; сугубою мглою черныя тучи
Небо все обложили, и ночь безпредѣльная всюду.
Вихорь вдругъ налетѣлъ... затрещавъ, подломилась и пала
Мачта за край и руль пополамъ. И, ставъ на добычу,
Грозенъ, жаденъ, смотритъ изъ бездны валъ-побѣдитель.
Тяжкій, словно Аѳосъ, могучей рукою съ подошвы
Сорванный, словно Пиндъ, обрушенный въ бездну морскую,
Онъ повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой,
Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцовъ, захлебнувшись
Въ вихрѣ пѣнныхъ валовъ, не всплыли и разомъ погибли;
Часть за обломки ладьи ухватились. Цеиксъ руками,
Нѣкогда скипетръ носившими, стиснулъ отбитую доску;
Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою душимый,
Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою Гальціону;
Съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не жизни;
Молитъ онъ волны: тѣло его до очей Гальціоны
Милыхъ донесть, чтобъ родная рука его схоронила;
Онъ утопаетъ, но только что волны дыханье отпустятъ,
Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ водамъ: Гальціона!
Вдругъ горой набѣжала волна, закипѣла, и лопнувъ,
Пала къ нему на главу, и его задавила паденьемъ...

Мракомъ задернувшись, въ оную ночь былъ незримъ и незнаемъ
Свѣтлый Люциферъ: невластный покинуть вершины Олимпа,
Онъ въ высотѣ облаками закрылъ печальныя очи.—
Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
Ночи свои въ нетерпѣньи считаетъ, готовитъ супругу
Платья, уборы готовитъ себѣ, чтобъ ей и ему нарядиться
Въ день возврата, ласкаясь уже невозможнымъ свиданьемъ.
Всѣхъ боговъ призывая, предъ всѣми она зажигаетъ
Жертвенный ладонъ, Юнону жъ богиню усерднѣе молитъ,
Молитъ, увы! о погибшемъ, навѣкъ невозвратномъ супругѣ;
Молитъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ къ ней возвратился, чтобъ вѣрный
Сердца не отдалъ другой... изъ столькихъ напрасныхъ желаній
Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.
Но мольбы Гальціоны о мертвомъ тревожатъ Юнону:
Жертву и храмъ оскверняетъ рука, посвященная тѣни.
«Вѣстница воли боговъ [сказала Юнона Иридѣ],
Знаешь, гдѣ Сонъ обитаетъ, безмолвный податель покоя.
Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ не медля
Въ образѣ мертваго Цеикса призракъ послалъ Гальціонѣ,
Истину ей возвѣстить.» Сказала... Ирида въ одеждѣ,
Яркостью красокъ блестящей, дугой въ небесахъ отразившись,
Быстро порхнула къ обители бога, въ скалахъ сокровенной.
Есть въ сторонѣ киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Мрачной пещерой; издавна тамъ Сонъ обитаетъ лѣнивый.
Тамъ никогда, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пору заката
Фебъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ земли подымаясь,
Влажною стелется мглой и сумракъ сомнительный свѣтитъ.
Тамъ пикогда будитель пернатыхъ съ пурпуровымъ гребнемъ
Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни песъ-сторожитель молчанья
Лаемъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ гусь осторожный;
Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой вѣтки древесной
Шорохъ не слышенъ и слòва языкъ человѣчій не молвитъ;

Тамъ живетъ безгласный Покой. Изъ-подъ камня сочася,
Медленной струйкой Летійскій ручей, по хрящу пробираясь,
Слабымъ, чуть слышнымъ журчаніемъ сладко наводитъ дремоту:
Входъ пещеры обсаженъ цвѣтами роскошнаго мака
Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая,
Влажная Ночь благодатно кропитъ имъ усталую землю.
Въ цѣломъ жилищѣ нѣтъ ни одной скрыпучія двери,
Тяжко на петляхъ ходящей, нѣтъ на порогѣ и стража.
Одръ изъ гебена стоитъ по срединѣ чертога, задернутъ
Темной завѣсой; наполнены пухомъ упругимъ подушки.
Богъ, разметавшись на ложѣ, тамъ нѣжитъ разслабленны члены.
Ложе осыпавъ, Сны безтѣлесные, легкія Грезы
Тихо лежатъ въ безпорядкѣ, несчетны, какъ нивные класы,
Листья дубравъ иль песокъ, на брегѣ набросанный моремъ.
Входитъ въ пещеру младая богиня, раздвинувъ рукою
Входъ заслонявшіе Сны. Сіянье небесной одежды
Быстро темный чертогъ облеснуло. Встревоженный блескомъ,
Богъ медлительно поднялъ очи и снова закрылъ ихъ;
Силится встать, но слабость голову сонную клонитъ;
Нехотя онъ приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
Всталъ.—Зачѣмъ ты? спросилъ онъ богиню.—Ирида сказала:
«Сонъ, живущихъ покой! о Сонъ, божество благодати!
Миръ души, усладитель заботъ, усталаго сердца
Нѣжный по тяжкихъ трудахъ и печаляхъ дневныхъ оживитель,
Сонъ! повели, чтобъ Мечта, подражатель обманчивый правдѣ,
Въ городъ Ираклов Трахины подъ видомъ царя полетѣла,
Тамъ сновидѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ.
Такъ повелѣла Юнона.» Окончивъ, Ирида младая
Бога покинуть спѣшитъ: невольно ее покоряла
Сонная сила, и тихо кралось въ нее усыпленье...
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла.
Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожденныхъ Видѣній
Выбралъ искусника, всѣхъ принимателя видовъ Морфея:
Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ онъ является лицахъ,

Все выражаетъ: и поступь и тѣлодвиженья и голосъ,
Даже всѣ виды одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ брать лишь одинъ человѣческій образъ.
Есть другой—тотъ является птицей, звѣремъ, шипящимъ
Змѣемъ, слыветъ на Олимпѣ Икелосъ, а въ людяхъ Фоветоръ.
Третій мечтательный Фантазосъ, дивнымъ своимъ дарованьемъ
Въ камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
Съ легкостью быстрой влетаетъ. Они царямъ и владыкамъ
Чудятся ночью; другіе жъ народъ и гражданъ посѣщаютъ.
Богъ, миновавъ ихъ, изъ легкаго сонмища вызвалъ Морфея
Волю Ириды свершить; потомъ, обезсиленъ дремотой,
Голову томно склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился.
Тихо Морфей на воздушныхъ, безъ шороха вѣющихъ крыльяхъ
Мракомъ летитъ; онъ, скоро полетъ соверша, очутился
Въ градѣ гемонскомъ, и крылья сложилъ, и Цеиксовъ образъ
Принялъ: блѣденъ, подобно бездушному, нагъ, безобразенъ,
Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею лилася
Влага съ его бороды; съ волосъ бѣжали потоки.
Къ ложу тихо склонившись лицомъ, облитымъ слезами,
Онъ сказалъ: «я Цеиксъ; узнала ль меня, Гальціона?
Смерть ужель измѣнила меня? Всмотрися—узнаешь;
Или хоть призракъ супруга вмѣсто супруга обнимешь.
Тщетны были моленья твои, Гальціона: погибъ я.
Въ морѣ Эгейскомъ, южный, порывистый вѣтеръ настигнулъ
Нашу ладью, и долго бросалъ по волнамъ, и разрушилъ.
Мнѣ въ уста, напрасно твое призывавшія имя,
Влага морская влилась. Не гонецъ предъ тобой, Гальціона,
Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣрному нынѣ ты внемлешь;
Самъ я, въ морѣ погибшій, тебѣ повѣствую погибель.
Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ; одѣнься въ одежду печали.
О, да не буду я въ тартарѣ темномъ бродить неоплаканъ!»
Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ подобенъ
Голосу Цеикса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простиралъ онъ, какъ Цеиксъ.

Тяжко во снѣ Гальціона рыдала; сквозь сонъ протянула
Руки; ловитъ его, но лишь воздухъ пустой обнимаетъ.
«Стой! она возопила—помедли, я за тобою.»
Собственный голосъ и призракъ ее пробудили; вскочила
Въ страхѣ; ищетъ, очами кругомъ озираясь, тутъ ли
Видѣнный другъ?... На крикъ ея прибѣжавшій невольникъ
Подалъ свѣтильникъ—напрасно! нигдѣ его не находитъ.
Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ одежду,
Перси терзаетъ и рветъ на главѣ неразвитые кудри.
Что съ тобой, Гальціона? спросила кормилица въ страхѣ.
«Нѣтъ Гальціоны, она возопила, нѣтъ Гальціоны!
Съ Цеиксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь утѣшенье:
Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.
Руки простерла его удержать, напрасно—то было
Тѣнь, но тѣнь знакомая, подлинный Цеиксовъ образъ.
Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ лицѣ выражалось
Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней.
Блѣденъ, нагъ, утомленъ, съ волосами, струящими влагу,
Мнѣ привидѣлся Цеиксъ, и тамъ стоялъ онъ, печальный!
Вотъ то мѣсто.... [и мутно глаза привидѣнья искали].
Другъ! не того ли страшилося вѣщее сердце, когда я
Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ не вѣрить?
Къ смерти навстрѣчу спѣшилъ ты.... почто жъ Гальціону
Здѣсь ты покинулъ? Вмѣстѣ намъ все бы спасеніемъ было.
Ахъ! тогда ни минуты бы жизни розно съ тобою
Я не утратила: смерть постигла бы насъ неразлучныхъ.
Нынѣ жъ, въ отсутствіи, гибну твоею погибелью; море
Все мое лучшее, всю мою жизнь въ тебѣ погубило.
Буду безжалостнѣй самаго моря, если останусь
Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отрекаться, о милый,
Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ въ могилѣ,
Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетаетъ;
Розно прахомъ, будемъ хотя именами не розно.»
Тутъ умолкла: печаль оковала языкъ и рыданье

Духъ занимало, и стоны рвалися изъ ноющей груди.—
Было утро; она повлеклася на тихое взморье
Къ мѣсту тому, откуда вслѣдъ за плывущимъ смотрѣла.
Тамъ стояла долго. «Отсюда ладья побѣжала;
Здѣсь мы послѣднимъ лобзаньемъ простилисъ.» — Такъ повторяя
Прошлое думою, взоръ помраченный она устремляла
Въ даль морскую. Въ дали, на волнахъ колыхаясь, мелькаетъ
Что-то какъ трупъ—но что? для печальнаго взора не ясно.
Ближе и ближе, виднѣй и виднѣй; уже Гальціона
Можетъ вдали распознать плывущее мертвое тѣло.
Кто бы ни былъ погибшій, но бурей погибъ онъ; и горько
Плача объ немъ, какъ бы о чужомъ, она возопила:
«Горе, бѣдный, тебѣ! и горе женѣ овдовѣвшей!»
Тѣло плыветъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.
Вотъ ужъ у брега; вотъ и черты различаетъ ужъ око.
Смотритъ.... Кто жъ? Цеиксъ. «Онъ!» возопила, терзая
Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
Къ тѣлу простерла. «Такъ ли, мой милый, такъ ли, несчастный,
Ты возвратился ко мнѣ?».... Въ томъ мѣстѣ плотина изъ камня
Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго моря,
Въ бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Гальціона
Бросилась.... Что же? о чудо! она взвилась, и надъ моремъ,
Воздухъ свистящій внезапно-разцвѣтшимъ крыломъ разбивая,
Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною птицей.
Жалобно въ грустномъ полетѣ, какъ будто кого прикликая,
Звонкимъ щелкая носомъ, она протяжно стенала;
Прямо на трупъ охладѣлый и блѣдный она опустилась;
Нѣжно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ будто
Силилась душу его пробудить безотвѣтнымъ лобзаньемъ.
Былъ ли чувствителенъ Цеиксъ, волны ль ему, колыхаясь,
Подняли голову—что бы то ни было—онъ приподнялся.
Скоро, надъ ихъ одиночествомъ сжалясь, безсмертные боги

Въ птицъ обратили обоихъ; одна имъ судьба; и понынѣ
Вѣрны бывалой любви; и понынѣ ихъ бракъ не разорванъ.
Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и ясныхъ
Мирно, безъ слета сидитъ на пловучемъ гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эолъ, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ и воды спокойны.

1820.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ,

1820, июня 18, въ Павловскѣ. *

Хотя и много я стихами
Писалъ про свѣтлую луну,
Но я лишь тѣнь ея одну
Моими блѣдными чертами
Невѣрно могъ изобразить.
Здѣсь, государыня, предъ вами
Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
Все то, что вѣтреный мой геній,
Летучій невидимка, мнѣ
Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
Шепталъ случайно о лунѣ.

---

* Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государынѣ императрицѣ угодно было дать замѣтить поэту красоту этой ночи, и онъ, исчисливъ разныя прежде имъ сдѣланныя описанія луны, признается въ стихахъ своихъ, что ни которая изъ этихъ описанныхъ лунъ не была столь прекрасна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія рощи и воды.—В. Ж.

Когда съ усопшимъ на конѣ
Скакала робкая Людмила,
Тогда въ стихахъ моихъ луна
Невѣрнымъ ей лучемъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучъ;
И изрѣдка бродящій лучъ
Ужаснымъ блескомъ отражался
На хладной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.
Когда жъ въ саняхъ съ Свѣтланой мчался
Другой извѣстный намъ мертвецъ,
Тогда кругомъ луны вѣнецъ
Сквозь завѣсъ снѣжнаго тумана
Сіялъ на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала взора и привѣта....
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Пришелецъ изъ другаго свѣта. —
Я помню: рыцарь Адельстанъ,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плылъ, озаряемый луною;
И очарованный челнокъ
По влагѣ волнъ, подъ небомъ яснымъ
Влекомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ
И парусъ пурпурный лелѣялъ;

И въ небѣ плавая одна,
Сквозь сумракъ тонкаго вѣтрила
Сіяньемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока игривый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,
И цѣпь волшебную златила.—
Но есть еще челнокъ у насъ:
Подъ бурею, въ полночный часъ
Пловецъ невѣдомый съ Варвикомъ
По грозновоющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды, протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихорь тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда «рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ тучи въ высотѣ,»
И, ставъ надъ бездною кипящей,
Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ....
И на скалу помчался челнъ
Среди сіяющей пучины;
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ — неизбѣжный мститель,
И руку самъ невольно далъ
Своей погибели—губитель;
Младенца нѣтъ; Варвикъ исчезъ....
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ успокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой,

Какъ радость, мѣсяцъ молодой. —
Когда жъ невидимая сила
Безъ кормщика и безъ вѣтрила,
Вадима въ третьемъ челнокѣ
Стремила по Днѣпру-рѣкѣ,
Надъ нимъ безоблачно сіяло
Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, надводный темный лѣсъ,
Высокій берегъ — все дремало;
И ярко полная луна
Отъ горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очамъ Вадимовымъ являлась....
Ему луна сквозь темный боръ
Лампадой та́инственной свѣтитъ;
И все, что изумленный взоръ
Младаго путника ни встрѣтитъ,
Съ его душою говоритъ
О чемъ то горестно-ужасномъ,
О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ....
Съ невольной робостью онъ зритъ
Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
Надъ повалившимся крестомъ
Какой-то легкій вѣетъ пламень,
И сумраченъ сидитъ на немъ
Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
Туманныя уставивъ очи
Неотвратимо на луну;
Онъ слышитъ: что-то тишину
Смутило; древній крестъ шатнулся,
И сонный воронъ встрепенулся;
И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
Пошолъ ко храму, помолился....
Но храмъ предъ нимъ не отворился,
И въ отдаленьи онъ пропалъ,

Слiясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ.
И далѣ трепетный Вадимъ;
И вдругъ является предъ нимъ
На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
Пустынный зȁмокъ; блескъ луны
На стѣны сыплется зубчаты;
Въ кудрявый мохъ облечены
Ихъ неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;
И вотъ уже надъ головой
Луна, достигнувъ полуночи;
И видятъ путниковы очи
Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣной,
Другая къ ней идетъ на стѣну,
Другъ другу руку подаютъ,
Прощаются и врозь идутъ,
Свершивъ задумчивую смѣну....
Но то, какъ дѣвы спасены,
Ужъ не касается луны. —
Еще была воспѣта мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала предъ Москвою
Святая русская война —
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братiй.
Я помню ночь: какъ бранный щитъ,
Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
Нашъ станъ молчаньемъ былъ покрытъ,
И ратникъ въ лиственномъ бивакѣ
Вооруженный мирно спалъ;
Лишь стражу стража окликалъ;
Костры дымились, пламенѣя,
И кое-гдѣ передъ огнемъ,

На яркомъ пламени чернѣя,
Стоялъ казакъ съ своимъ конемъ,
Окутанъ буркою косматой;
Тамъ острыхъ копій рядъ крылатой
Въ сіяньи мѣсяца сверкалъ;
Вблизи улановъ рядъ лежалъ:
Надъ ними ихъ дремали кони;
Тамъ грозныя сверкали брони;
Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали, и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой;
И въ отдаленьи полосами,
Сліянны съ дымомъ облаковъ,
Биваки дымные враговъ
На краѣ горизонта рдѣли;
Да кое-гдѣ вблизи, вдали,
Тѣла, забытыя въ пыли,
Въ ужасномъ образѣ чернѣли
На ярвихъ мѣсяца лучахъ....
И между тѣмъ на небесахъ,
Надъ грознымъ полемъ истребленья,
Ночныя мирныя видѣнья
Свершались мирно, какъ всегда;
Младая вечера звѣзда
Привычной прелестью плѣняла;
Неизмѣняема сіяла
Луна землѣ съ небесъ родныхъ,
Не зная ужасовъ земныхъ;
И было тихо все въ природѣ,
Какъ тамъ, на отдаленномъ сводѣ;
Спокойно лѣсъ благоухалъ,
И воды къ берегамъ ласкались,
И берега въ нихъ отражались,

И вѣтерокъ равно порхалъ
Надъ благовонными цвѣтами,
Надъ лономъ трепетныхъ зыбей,
Надъ бронями, надъ знаменами
И надъ безмолвными рядами
Объятыхъ сномъ богатырей....
Творенье Божіе не знало
О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.
А рокъ межъ тѣмъ не засыпалъ;
Надъ ратью, молча, онъ стоялъ;
Держала жребіи десница;
И взоръ неизбѣжимый лица
Имъ обреченныхъ замѣчалъ. —
Еще я много описалъ
Картинъ луны: то надъ гробами
Кладбища сельскаго она
Катится по небу одна,
Сіяніемъ невѣрнымъ бродитъ
По дерну свѣжему холмовъ,
И тѣни шаткія деревъ
На зелень блѣдную наводитъ,
Мелькаетъ быстро по крестамъ,
Въ оконницахъ часовни блещетъ,
И, внутрь ея закравшись, тамъ
На золотѣ иконъ трепещетъ;
То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
Когда встаютъ съ холмовъ туманы,
Задумчиво на дубъ Минваны
Глядитъ; и вѣя передъ ней,
Четой сліянною двѣ тѣни
Спускаются къ любимой сѣни,
И шорохъ слышится въ листахъ,

И пробуждается въ струнахъ,
Перстамъ невидимымъ послушныхъ,
Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
То вдругъ на взморьѣ — гдѣ волна
Плеская прыщетъ на каменья,
И гдѣ въ тиши уединенья,
Воспоминанью предана,
Привыкла вслушиваться дума
Въ гармоніи ночнаго шума —
Она, «въ величественный часъ
Всемірнаго успокоенья,»
Творитъ волшебныя для глазъ
На влагѣ дремлющей видѣнья;
Иль, тихо зыблясь, въ ней горитъ,
Иль, раздробившись, закипитъ
Съ волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдругъ огромныя морщины
По влагѣ яркой проведетъ,
Иль огненной змѣей мелькнетъ,
Или подъ шлюпкою летящей
Забрызжетъ пѣною блестящей....

Довольно; все пересчитать
Мнѣ трудно съ музою лѣнивой;
Къ тому жъ ей долгъ велитъ правдивой
Вамъ, государыня, сказать,
Что сколько разъ она со мною,
Скитаясь въ сумракѣ ночей,
Ни замѣчала за луною,
Но все до сей поры мы съ ней
Луны такой не подглядѣли,
Какою на небѣ ночномъ,
Въ концѣ прошедшія недѣли,
Надъ чистымъ Павловскимъ прудомъ
На колоннадѣ любовались;

Давно, давно не наслаждались
Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ;
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачко не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ;
Все нѣжилось, все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепріимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока
Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучемъ
Все предавалось усыпленью —
Лишь изрѣдка пустымъ путемъ,
Своей сопутствуемый тѣнью,
Шелъ запоздалый пѣшеходъ,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зерцало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда
Другое небо видно было
Съ такой же ясною луной,
Съ такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій
Крыломъ неслышнымъ вѣтерокъ
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами разсыпалась;

И смутною во глубинѣ
Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ....
Понятное знаменованье
Души въ ея земномъ изгнаньѣ:
Она небеснаго полна,
А все земнымъ возмущена.
Но какъ назвать очарованье,
Которымъ душу всю луна
Объемлетъ такъ непостижимо?
Ты скажешь: ангелъ невидимо
Въ ея лучахъ слетаетъ къ намъ....
Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
Но вѣстника мы понимаемъ;
Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ
Невыражаемымъ, но внятнымъ;
Летимъ неволею за нимъ
Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
Къ тѣмъ упованіямъ святымъ,
Которыми когда-то жили
Когда съ привѣтною мечтой,
Еще не встрѣтившись съ судьбой,
У ясной младости гостили.
Какъ часто вдругъ возвращено
Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
Все улетѣвшее давно!
И видимъ мы воображеньемъ
Тотъ свѣжій лугъ, гдѣ мы цвѣли;
Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
Былое кажется небывшимъ
И насъ манящимъ издали;
И то, что нашимъ было прежде,
Съ чѣмъ мы простились навсегда,
Намъ мнится нашимъ, какъ тогда,
И ввѣреннымъ еще надеждѣ....

Кто жъ изъяснитъ намъ, что̀ она,
Сія волшебная луна,
Другъ нашей ночи неизмѣнный?
Не островъ ли она блаженный,
И не гостинница ль земли,
Гдѣ, навсегда простясь съ землею,
Душа слетается съ душою,
Чтобъ повидаться издали
Съ покинутой, но все любимой
Ихъ прежней жизни стороной?
Какъ съ прага хижины родимой
Надъ брошенной своей клюкой
Съ утѣхой странникъ отдохнувшій,
Глядитъ на путь, уже минувшій,
И думаетъ: «тамъ я страдалъ,
Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся,
Тамъ утомленный отдыхалъ
И съ новой силою сбирался.»
Такъ наши, можетъ быть, друзья
[Въ обѣтованное селенье
Переведенная семья]
Воспоминаній утѣшенье
Вкушаютъ, глядя изъ луны
Въ предѣлы здѣшней стороны.
Здѣсь и для нихъ была когда-то
Прелестна жизнь какъ и для насъ;
И ихъ манилъ надежды гласъ,
И ихъ испытывала тратой
Тогда имъ тайная рука
Разгаданнаго провидѣнья.
Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
Чѣмъ жизнь прискорбна, чѣмъ сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смѣлость, трепетъ страха,

Высокихъ замысловъ мечта,
Великость, слава, красота....
Все стало бѣдной горстью праха;
И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ,
Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то
Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Смятеннымъ пламенемъ согрѣто;
Да можетъ быть въ краю иномъ
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и нынѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіемъ;
И нынѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой;
И, знавшись съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подъ часъ утѣхой неземной
На сердце наше налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой.

ВЪ КОМИТЕТЪ,

УЧРЕЖДЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОНЪ ПАВЛОВСКОЙ ВѢКШИ ИЛИ БѢЛКИ ОТЪ ДЕПУТАТА ЖУКОВСКАГО. *

Прошу меня не осуждать,
Что я промедлилъ судъ свой дать

* Слуга Ѳ. П. Аделунга, лѣтомъ 1820 года, въ Павловскѣ, поймавъ зашибенную камнемъ бѣлку, посадилъ въ карманъ, гдѣ она и задохлась. Въ составленіи надгробныхъ надписей ей приняли участіе Ѳ. П. Аделунгъ, дѣти его и академики Кеппенъ и Кругъ, а Жуковскій былъ избранъ судьею.

О надписяхъ покойной бѣлкѣ,
Здѣсь дѣло шло не о бездѣлкѣ.
Я прежде долженъ былъ узнать
О томъ какой была породы
Покойница съ большимъ хвостомъ,
Какъ жизнь вела, и какъ потомъ
Лишившися своей свободы
[Быть можетъ за грѣхи свои],
Съ домашней вѣточки скочила
Въ карманъ безжалостный Ильи,
Какъ сдѣлался карманъ могила,
И прочее. Вотъ мой отвѣтъ:
Звѣрокъ покойный былъ поэтъ.
За то, что онъ явиться въ свѣтъ
Дерзнулъ съ своею музой мелкой,
Обиженный имъ Аполлонъ
Велѣлъ, чтобы по смерти онъ
Еще бродилъ по свѣту бѣлкой,
Стихомарателямъ въ урокъ.
Но Фебъ и въ гнѣвѣ своенравенъ:
Поэтъ былъ, какъ поэтъ, безславенъ,
За то сталъ славенъ, какъ звѣрокъ.
Илья искалъ въ лѣсу забавы,
И бѣлку спряталъ онъ въ карманъ;
Но все на свѣтѣ семъ обманъ:
Карманъ Ильи сталъ храмомъ славы
Для осужденнаго пѣвца.
Пока пѣвецъ сей ждалъ вѣнца
Себѣ въ горячкѣ вдохновенья,
Онъ былъ добычею забвенья!
Но только что онъ бѣлкой сталъ
И равнодушно промѣнялъ
На рощу, волю и орѣхи—
Всѣ стихотворныя утѣхи,
Судьбѣ разгнѣванной на зло

Его безсмертіе нашло.
А ты, задохшійся въ карманѣ
Неумолимаго Ильи,
Поэтъ, пускай стихи твои
Навѣкъ сокроются въ туманѣ
Забвенья для грядущихъ лѣтъ,
Но для тебя забвенья нѣтъ!
Судьбы напрасно вѣроломство:
Ты бѣлкой перейдешь въ потомство!...
Теперь, какъ избранный судья,
Осмѣлюсь вамъ представить я
На безпристрастное рѣшенье
Мое о надписяхъ сужденье.
Ихъ шесть готово нумеровъ—
Всѣ хороши! но грудой словъ
Похвальныхъ, согласитесь сами,
Не должно бременить могилъ:
Илья ужъ бѣлку задушилъ,
На что жъ душить ее стихами!
Притомъ—скажу на всякій страхъ,
Не все въ прекрасныхъ сихъ стихахъ
Для всѣхъ покажется прекрасно:
Вотъ, напримѣръ, въ однихъ есть Dreck.
Признайтесь въ нашъ учтивый вѣкъ
Къ могилѣ подойти опасно
Съ такой душистой похвалой;
Въ семъ словѣ, правда, смыслъ простой,
Оно и кратко, и понятно;
Мы знаемъ: бѣлка, человѣкъ
И все земное счастье Dreck!
Но Dreck для вкуса непріятно!—
Въ другихъ есть Hadzy—Padzy; нѣтъ!
Стиховъ такихъ не приметъ свѣтъ;
Они и черствы и не гладки;
Къ тому жъ на камняхъ гробовыхъ

Мы ищемъ надписей простыхъ:
На нихъ не нужны намъ загадки.
Чтобъ Hadzy—Padzy объяснить,
Въ вѣкахъ грядущихъ, можетъ быть,
Ученость завела бы споры,
И доброй бѣлки мирный прахъ
Надолго бъ поселилъ въ умахъ
Недоумѣнья и раздоры.
На что жъ могилой бѣлки намъ
Временъ грядущихъ докторамъ
Давать несчастный поводъ драться
За смыслъ неизъяснимыхъ словъ
И въ толкованьяхъ завираться.
Короче, выборъ мой готовъ:
Для блага докторовъ почтенныхъ
Изъ надписей, мнѣ порученныхъ,
Одну назначилъ я—и вотъ
Ея смиренный переводъ:
«Веселое дитя природы
Безпечно въ рощѣ я жила,
И въ ней довольства и свободы
Изображеніемъ была.
Но бросилъ неизбѣжный камень
Судьбою посланный Илья,
И мигомъ, какъ летучій пламень,
Потухла быстро жизнь моя.
И мнѣ пріютъ могила стала,
И тяжкій камень надо мной;
Но счастье здѣсь и я знавала:
Жила и Божій свѣтъ былъ мой!»

ПИСЬМО КЪ НАРЫШКИНУ.

Нарышкинъ, человѣкъ случайный,
Дѣйствительный совѣтникъ тайный,

Гофмаршалъ русскаго царя
И заслуженный царедворецъ,
Васъ проситъ русскій стихотворецъ,
Жуковскій [просто говоря],
Чтобъ въ Петергофѣ вы призрѣли
Его земное существо,
И въ тепломъ уголкѣ согрѣли
Съ нимъ то младое божество,
Которое за нимъ летаетъ,
Ему покоя не даетъ
И въ свѣтѣ музою слыветъ.
Онъ вамъ богиню повѣряетъ,
Сказавъ за тайну, что она
Причудлива и прихотлива,
Въ просторѣ жить пріучена,
Зябка и временемъ лѣнива.
Богиня — женщина, и ей
Дана причудничать свобода.
А Петергофская природа
Извѣстна сыростью своей;
Легко ей дать пѣвцу потачку
И въ немъ восторгъ воспламенить,
Легко пѣвца и простудить,
И за небесную горячку
Земной горячкой заплатить.
И такъ прошу васъ о квартирѣ
Такой, чтобъ могъ я въ ней, порой,
Непростужонною рукой,
Не по студёной бѣгать лирѣ.
Нельзя ль, чтобъ былъ и камелекъ?
На сѣверѣ, гдѣ часто вьюга
Смѣняетъ теплый вѣтерокъ,
Поэтому важная услуга
Въ каминѣ яркій огонекъ.
Другую тайну вамъ открою:

Я не одинъ сбираюсь къ вамъ:
Вся сволочь Пинда, вся за мною
Воздушной тянется толпою.
Привыкнувъ къ теплымъ небесамъ,
И на землѣ тепло намъ нужно.
Къ тому же, сверхъ моихъ боговъ,
На всякій случай въ Петергофъ
Беру семью крылатыхъ сновъ —
Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
Да для моихъ стихотвореній
Запасъ домашнихъ привидѣній
И своекоштныхъ мертвецовъ;
Короче: ѣду цѣлымъ домомъ!
Хотя меня съ такимъ содомомъ
Вамъ и трудненько помѣстить,
Но, знаю, вы найдете средство.
Позвольте, напримѣръ, спросить:
Нельзя ль мнѣ море дать въ сосѣдство?
Нельзя ль найти мнѣ уголокъ
[И не забывъ про камелекъ]
Въ волшебномъ вашемъ Монплезирѣ?
Признаться, вспомнишь лишь о немъ,
Душа наполнится огнемъ,
И руки сами рвутся къ лирѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда безъ смысла къ М о н п л е з и р у
Я риѳмою поставилъ л и р у,
Тогда сіялъ прекрасный день
На небѣ голубомъ и знойномъ,
И мысль мою плѣнила тѣнь
На взморьѣ свѣтломъ и спокойномъ.

Но всѣмъ извѣстно ужъ давно,
Что смыслъ и риѳма не одно;
И этому примѣромъ снова
Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
Разсудокъ мокрый доказалъ,
Что Монплезиръ пріютъ прекрасный,
Но только въ день сухой и ясный,
Что отъ дворца онъ далеко,
Что хоть поэту и легко
За вымыслами, за мечтами,
За привидѣньями, чертями
Воображенье посылать,
Но что на прочія посылки —
Чтобъ утромъ кофе для пѣвца
Принесть изъ царскаго дворца,
Чтобъ попросить нóжа иль вилки,
Чтобъ просто сбѣгать за водой —
Необходимъ посолъ иной;
Что на сіи препорученья
Небесный геній слишкомъ дикъ,
И что послѣдній истопникъ
Проворнѣе воображенья.
И такъ, сказавъ мое прости
Плѣнительному Монплезиру,
И давъ ему для риѳмы лиру,
Спѣшу скорѣе перейти
Поближе къ царскому жилищу.
И здѣсь, какъ тамъ, найдетъ поэтъ
Уму мечтательную пищу,
За то здѣсь ужинъ и обѣдъ
Вѣрнѣй—вѣдь не одной мечтою,
А дѣломъ брать я ихъ привыкъ;
Къ тому же здѣсь хотя за мною
Не уморится истопникъ.

ПИСЬМО КЪ АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ ХОМУТОВОЙ.

Благодарю васъ всей душою!
Вчера мнѣ милою рукою
Графини Бобринской былъ данъ
Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами,
И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ. *
Люблю я страшное подъ-часъ!
Но этотъ томъ теперь сто разъ
Милѣй мнѣ милыми стихами,
Которые шепнулъ шутя
Вамъ богъ парнасскій мимоходомъ,
Лишь для того, чтобъ, ихъ прочтя,
Я сталъ счастливымъ сумасбродомъ
И веселился какъ дитя.
Я очень радъ, что я вашъ крестникъ:
Благодарю моимъ духамъ —
Безъ нихъ пришло ли бъ въ мысли вамъ
Мнѣ титулъ: гробовой прелестникъ
Прелестными стихами дать.
Онъ мой теперь навѣкъ, по праву;
Его ни за какую славу
Не соглашуся промѣнять.
Еще жъ прибавлю я: вы правы —
Искатели парнасской славы
Мнѣ всѣ завидовать должны;
Они, вѣнцомъ ея плѣняясь,
Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
Карабкаться осуждены.

---

* Это былъ тюкъ съ книгами при запискѣ въ стихахъ, гдѣ Жуковскій названъ «гробовымъ прелестникомъ».

Моя жъ судьба совсѣмъ иная:
Сама Харита молодая
Своимъ магическимъ перомъ
Мнѣ написала мой дипломъ
На сей вѣнецъ, поэту лестный;
Съ улыбкой славѣ подала;
Съ улыбкой слава приняла
И полетѣла въ путь небесный;
Къ нему я бабочкой прильнулъ
И вслѣдъ за славою порхнулъ...
Хоть я вѣнца и недостоинъ,
Но мной онъ полученъ отъ васъ;
Пускай бранитъ меня Парнасъ —
Я буду въ совѣсти спокоенъ!

P. S. Я честь имѣю вамъ послать
Тафту для траурнаго платья.
Не думайте, что наша братья,
Пѣвцы, не знаютъ исполнять,
Въ жару небесныхъ вдохновеній,
Простыхъ земныхъ препорученій.
Повѣрьте совѣсти моей,
Здѣсь виноватъ не сынъ вашъ крестный,
Не Фебъ, отецъ его небесный,
Но по просту земной лакей.
Третьёводни довольно-ясно
Я Санхѣ моему сказалъ,
Чтобъ онъ съ тафтой къ вамъ побѣжалъ...
Но проповѣдывалъ напрасно
Въ пустынѣ я глухимъ ушамъ:
Служитель мой былъ не покоренъ,
Какъ Фебъ, который такъ упоренъ
Пріискивать къ моимъ стихамъ
И смыслъ и риѳму. Въ увѣреньѣ,
Что онъ приказъ исполнилъ мой

Я прихожу вчера домой —
И что жъ? Тафта, какъ привидѣнье
Ужасное, предстала мнѣ
Въ бумагѣ на моемъ окнѣ.
Я съ неожиданной досады
Перекувырвнулся разъ пять
И ужъ хотѣлъ-было кусать
Слугу-лѣнивца для отрады...
Но я его не укусилъ.
За чѣмъ же медлилъ онъ? Забылъ?
Нѣтъ не забылъ; совсѣмъ другое:
Все утро дождикъ ливмя лилъ,
И мой посланникъ разсудилъ,
Что существо его земное
Небесной смочится водой,
Что лучше для него въ покоѣ
Погоды подождать сухой,
И что страшнѣе простудиться,
Дождемъ гуляя проливнымъ,
Чѣмъ быть здоровымъ и сухимъ
И съ сыномъ Феба побраниться

23 іюня [1820].

КЪ КНЯГИНѢ

А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ. *

Княгиня, для чего отъ насъ
Вы такъ безжалостно спѣшите?
На годы скрыться вы хотите,
Намъ показавшися на часъ.
Я знаю что̀, какою властью

---

* Кн. Аграфена Юрьевна [† 15 Февр. 1829], дочь Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, супруга Кн Ал. Петр. Оболенскаго; она жила съ 1815 по 1823 г. въ Москвѣ, откуда пріѣзжала въ Іюлѣ 1820 г. въ Петербургъ къ отцу.

*

Къ Москвѣ старинной васъ манитъ;
Я знаю дивный сей магнитъ:
По почтѣ скачете вы къ счастью.
Нельзя ль мнѣ на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И какъ его открыть возможно?
Нельзя ль маршрута показать
И мнѣ на случай подписать
Своей рукою подорожной?
О благодатной сторонѣ,
Гдѣ это счастіе таится,
Извѣстно по преданью мнѣ;
Порою же объ немъ и снится;
Но милый сонъ, какъ ни зову,
Придти не хочетъ на яву,
Хотя придти бы и не трудно.
Въ немъ все и просто и не чудно,
И сверхъестественнаго нѣтъ;
Объ этомъ счастьи вздорный свѣтъ
Имѣетъ ложныя познанья;
Его жилищу описанья
Въ печатныхъ книгахъ не найдемъ;
Любимцы же его объ немъ
Разсказывать весьма лѣнивы:
Счастливцы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе — крикунъ.
Но мой домашній говорунъ—
Досужное воображенье—
Мнѣ сочинило на угадъ.
Хотя сей богъ на первый взлядъ
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, въ тиши,
Пріятностью, лицомъ, осанкой
Сдружитъ васъ нѣхотя съ собой;

Онъ жить привыкъ въ ладу съ природой;
Любовь съ довѣрчивой свободой
И вѣрный спутникъ ихъ покой
Гостятъ безвыходно у бога,
И отгоняютъ отъ порога
Его имъ ввѣренныхъ дверей
Душегубительную ревность.
Стыдливость, предъ которой древность,
Не воздвигая алтарей,
Въ молчаніи благоговѣла —
Прелестный сторожъ красоты,
Безъ блеска ризъ, безъ наготы,
Сего счастливаго предѣла
Очарованіе хранитъ,
И, угощая въ немъ Харитъ,
Узнать препятствуетъ Гимену
Подругу скуки—перемѣну.
Умѣренность, довольства другъ,
Порядокъ, ихъ животворитель,
Занятіе, души хранитель,
Пріятный братъ его досугъ,
Съ нимъ неразлучное веселье
И легкокрылое бездѣлье,
Товарищъ рѣзвости младой,
Живутъ тамъ дружною семьей.
И въ семъ пріютѣ все земное
Пріемлетъ существо иное:
Надежда радостнѣе тамъ,
Живѣе вѣра въ провидѣнье,
Печаль находитъ утоленье
Въ сердечномъ словѣ пополамъ!
Тамъ даже смерть, пришлецъ жестокій,
Склонясь на одръ неодинокій,
Теряетъ хладный ужасъ свой;
Жизнь уводя одной рукою,

Спѣшитъ разоблачить другою
Лицо грядущаго для насъ,
И платитъ намъ за быстрый часъ
Мучительнаго разставанья—
Надеждой вѣчнаго свиданья....

Но виноватъ!... Безъ нужды вамъ
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
На зло и музѣ и стихамъ,
Вѣрнѣй вы опытомъ узнали;
Назвать бы имя божества,
И вы бы въ мигъ, безъ колдовства,
Все остальное угадали.
Сей богъ—докончу въ двухъ словахъ—
Есть богъ семейственнаго счастья;
Его могу я безъ пристрастья
Хвалить и въ прозѣ и стихахъ:
Я отъ него благодѣяній
До сей поры не получалъ,
А что я знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій.
Извѣстно: должно быть двоимъ,
Чтобъ смѣть явится передъ нимъ—
Для одинокихъ нѣтъ пріема.
Княгиня, васъ прошу теперь
[Къ нему дорога вамъ знакома]:
Нельзя ль, чтобъ отворилась дверь
Въ его пристанище святое
И для меня, чтобъ въ добрый часъ
Вдругъ я преобразился въ насъ,
Чтобъ я одинъ вдругъ сталъ—насъ двое!
Прошу мнѣ спутника найти
Такого, чтобъ къ жилищу бога
Была пріятна съ нимъ дорога,

Чтобъ не пришлось съ полупути
Назадъ бѣжать, не озираясь;
Хоть вамъ довѣрчиво ввѣряясь,
И не боюсь я не дойти;
Но все на всякій страхъ желаю
[Чтобъ легче было выбирать]
Попутчика вамъ описать,
Какимъ его воображаю.
Скажу вамъ: онъ, иль нѣтъ, она—
Ужъ не ребенокъ быть должна:
Ребенку надобенъ учитель;
А я мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечной;
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей прекрасно;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ идти, а рядомъ.
Что вамъ сказать о красотѣ?
Я не желаю идеала,
Одной знакомаго мечтѣ;
Хочу, чтобы она плѣняла
Не тѣмъ, что можетъ взоръ плѣнять,
Чему легко названье дать,
На что есть въ лексиконѣ слово
И что умчитъ стремленье лѣтъ....

Но тѣмъ, чему названья нѣтъ,
Что вѣчно молодо и ново,
И что прекраснѣй красоты.
Какія бъ ни были черты,
Желаю только, чтобъ сіяло
Сквозь ихъ живое покрывало
Мнѣ сердце, чистое какъ день.
Нѣтъ совершенства, и напрасно
Его желать намъ; здѣсь прекрасно
Лишь то, въ чемъ слиты свѣтъ и тѣнь.
Боюсь разборчивости строгой;
Чтобы идти земной дорогой,
Большой не надобенъ запасъ...
Любовь къ добру—и въ добрый часъ!
Еще бъ я много здѣсь прибавилъ;
Но васъ въ Москву зовущій рокъ,
Къ несчастью слишкомъ малый срокъ
Моей болтливости оставилъ.
И такъ желаю чтобъ она
Со мной въ дурномъ была сходна,
А въ добромъ разнилась со мною;
Страдая вмѣстѣ зломъ однимъ,
Скорѣе зло мы истребимъ;
Добро жъ, согласною душою
Дѣля, въ одно соединимъ;
Разсудокъ ясный и надежной
Я предпочту неосторожной,
Хотя и милой остротѣ;
Хочу, чтобъ свѣтъ она судила
Въ спокойной сердца простотѣ,
И мыслью вѣрною свѣтила,
Не ослѣпляя, въ тишинѣ
Какъ другъ-путеводитель мнѣ!
Не пылкаго воображенья,
Живаго я желаю ей;

Одно—товарищъ заблужденья,
Другое—геній нашихъ дней,
На всѣхъ путяхъ цвѣты находитъ
И краски свѣжія наводитъ
На жизнь поблекшую отъ лѣтъ...
. . . .
. . . .

Княгиня, васъ ужъ съ нами нѣтъ;
Мелькнули вы, какъ привидѣнье,
И бѣдный, сирота-поэтъ,
Я остаюсь теперь въ сомнѣньѣ:
Вы сами ль показались мнѣ,
Иль только ваша тѣнь во снѣ
Являлась мнѣ съ воспоминаньемъ
О дняхъ веселыя Москвы,
Съ любезностью, съ очарованьемъ,
Какимъ тогда плѣняли вы,
И съ милостивымъ обѣщаньемъ
Необходимой мнѣ жены?
Какъ жаль, что насъ такіе сны
Лишь мимоходомъ навѣщаютъ,
Лишь только дразнятъ счастьемъ насъ,
И прочь летятъ въ тотъ самый часъ,
Когда остаться обѣщаютъ,
Какъ жаль, что съ вами суждено
Моей судьбою своенравной
Мнѣ быть знакомымъ такъ давно
А быть короткимъ, такъ недавно;
Умомъ бы яснымъ и живымъ.
Вы сонный умъ мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
Съ слѣпымъ ребячествомъ моимъ,
Не испугавъ воображенья.
Какъ жаль, что ваши наставленья

Не могутъ мнѣ компасомъ быть.
Я признаюсь, опасно плыть
Мнѣ по морю большаго свѣта
Съ обманчивой звѣздой поэта:
Любуясь милой сей звѣздой,
И слѣдуя мечтой послушной
За прелестью ея воздушной,
Я руль позабываю мой,
Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лугахъ
Зрю призракъ береговъ цвѣтущихъ
На неприступныхъ берегахъ....
Но васъ здѣсь нѣтъ, и васъ напрасно
Въ путеводители мнѣ звать,
Кое-какъ буду путь опасной,
Судьбѣ отдавшись, продолжать:
Беречь свой челнъ отъ потопленья
Среди невѣрной глубины,
И терпѣливо доставленья
Ждать мнѣ обѣщаной жены.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

И такъ еще намъ суждено
Дорогой жизни повстрѣчаться,
И съ милымъ прошлымъ за одно
Въ воспоминаньи повидаться,
Неволею, внимая вамъ,
Къ давно утраченнымъ годамъ
Я улеталъ воображеньемъ;
Душа была пробуждена,
И ей нежданнымъ привидѣньемъ
Минувшей жизни старина
Въ красѣ минувшей показалась.
И вамъ и мнѣ—въ тѣ времена,

Когда лишь только разгоралась
Денница младости для насъ—
Одна прекрасная на часъ
Веселой гостьей намъ являлась;
Ея живая красота,
Плѣнительная, какъ мечта
Души, согрѣтой упованьемъ,
Въ моей душѣ съ воспоминаньемъ
Всего любимаго слита;
Какъ сонъ воздушный мнѣ предстала
На утрѣ дней моихъ она,
И вмѣстѣ съ утромъ дней пропала
Воздушной прелестію сна.
Но отъ всего, что послѣ было
Что невозвратно истребило
Стремленье невозвратныхъ лѣтъ,
Ее какъ лучшій жизни цвѣтъ,
Воспоминанье отдѣлило....
Идя назначеннымъ путемъ,
Съ утѣхой тайной видитъ странникъ,
Какъ звѣздочка, зари посланникъ,
Играетъ въ небѣ голубомъ,
Пророчествуя день желанный;
Каковъ бы ни былъ день потомъ,
Холодный бурный иль туманный—
Но онъ о звѣздочкѣ своей
Съ любовью вспомнитъ и въ ненастье.
Нашлось иль нѣтъ земное счастье—
Но милое минувшихъ дней
[На ясномъ утрѣ упованья
Насъ веселившая звѣзда]
Милѣйшимъ будетъ завсегда
Сокровищемъ воспоминанья.

ПОСЛАНІЕ

КЪ ВАСИЛІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ.

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала;
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины...

Дорòгой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаетъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой—
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою мечтой;
Живымъ утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней,
И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей...
Таковъ былъ я одно мгновенье!

Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный въ жизни лугъ.
Любовь мелькнула предо мною;
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней;
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ...
Но удались, мой посѣтитель,
Не у меня тебѣ гостить;
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!

Товарищъ, мной ты не забытъ!
Любовь—друзей не раздружитъ.
Симъ не созрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ;
Давно веселости ужъ нѣтъ;
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Угрюмый спутникъ—молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой.
Ты мòлча радостныхъ дичишься,
И, къ жизни охладѣвъ, дружишься

Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ.
Мой другъ, съ участіемъ глубокимъ,
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья;
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ н е й;
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ;
Перерывающійся гласъ;
Къ тому, что окружаетъ насъ,
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье,
И неприсутствія тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сіи примѣты знаю я...
Мой жребій далъ на то мнѣ право!
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть ему отравой?
Нѣтъ, милый, ободрись; она
Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена;
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ;
Не прелестью ума одной.
Онъ чувства прелестью приманчивъ;
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито

Съ сей оживленной красотой;
Въ ней что-то искреннее дышетъ,
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
Всему въ немъ лучшему родной,
Въ нее участіе ліющій,
И безъ усилія дающій
Ей убѣжденье и покой.
О, вѣрь же, другъ, душѣ прекрасной;
Ужель природою напрасно
Ей столько милаго дано?
Люби; любовь и жизнь—одно.
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши;
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души.

23 іюля.

ТРИ ПУТНИКА.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Въ свой край возвратяся изъ дальной земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

«Прими, пріюти насъ на темную ночь;
Но гдѣ же красавица? гдѣ твоя дочь?»

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя.—

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ;
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.

И первый поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой.

«Ахъ, если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною бъ отнынѣ любима была!»

Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ, и взоръ опустилъ:

«Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!»

Но третій опять покрывало поднялъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:

«Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить!»

1821.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА, ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

КАРЛЪ СЕДЬМОЙ, король французскій.
КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА, или ИЗАБО, его мать.
АГНЕСА СОРЕЛЬ.
ФИЛИППЪ ДОБРЫЙ, герцогъ бургундскій.
ГРАФЪ ДЮНУА.
ЛЯ ГИРЪ.
ДЮ ШАТЕЛЬ.
АРХІЕПИСКОПЪ РЕЙМСКІЙ.
ШАТИЛЬОНЪ, бургундскій рыцарь.
РАУЛЬ, лотарингскій рыцарь.
ТАЛЬБОТЪ, главный вождь англичанъ.
ЛІОНЕЛЬ, ФАСТОЛЬФЪ — англійскіе вожди.
МОНГОМЕРИ, валліецъ.
Французскіе, бургундскіе, англійскіе рыцари.
Чиновники орлеанскіе.
Англійскій герольдъ.
ТИБО Д'АРКЪ, земледѣлецъ.
АЛИНА, ЛУИЗА, ІОАННА — его дочери.
ЭТЬЕНЪ, АРМАНЪ, РАЙМОНДЪ — ихъ женихи.
БЕРТРАНДЪ, поселянинъ.
Черный рыцарь.
Угольщикъ.
Его жена.
Пажи. — Солдаты. — Народъ. — Придворные. — Епископы. — Маршалы. — Чиновники. — Дамы, дѣти и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокій, вѣтвистый дубъ.

ТИВО Д'АРКЪ, ЭТЬЕНЪ, АРМАНЪ, РАЙМОНДЪ, АЛИНА, ЛУИЗА, ЙОАННА.

ТИВО.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцовъ своихъ владѣемъ;
А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Истоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта,
Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовитъ гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
И такъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ.
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же заодно... такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—

Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ!

АРМАНЪ, подавая ей руку.

Твой навсегда.

ЛУИЗА.

А ты, сестра?

ТИБО.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ и стадо—Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ.

АЛИНА.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

ТИБО.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьтс,
Что надобно.

Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ.

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ; ихъ судьба счастлива;
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

ТИБО, указывая на Раймонда.

Вотъ юноша прекрасный, честный; съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,

Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іоанны есть прекрасный
Небесный плодъ; прекрасное свободно;
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величіи надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленьи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

ТИБО.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,

Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ—въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку —
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ;
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжитъ, чтобъ горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на этомъ мѣстѣ?
Зачѣмъ сюда гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Однажды мнѣ случилось запоздать,
Меня вела дорога мимо дуба,
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что?... не знаю! тихо
Изсохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило... сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

РАЙМОНДЪ, указывая на образъ въ часовнѣ.

Невѣрю я; не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

ТИБО.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ

Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на головѣ;
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я—ея отецъ—и обѣ сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король предъ нею на колѣнахъ!...
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность;
Убожества она стыдится; Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами....
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею врагъ въ свои насъ ловитъ сѣти.

РАЙМОНДЪ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нравахъ
Твоей смиренныя Іоанны? Старшимъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служитъ;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше.... правда!
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
На все, къ чему она коснется, сходитъ
Непостижимое благословенье.

ТИБО.

Непостижимое.... такъ, правда! ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи.
Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно....
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?

Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долгъ.... Оставь сей дубъ;
Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
И тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искуситель
Передъ самимъ Создателемъ явился.

БЕТРАНДЪ входитъ съ шлемомъ въ рукахъ.

РАЙМОНДЪ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

БЕРТРАНДЪ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

ТИБО.

Подлинно; откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣдъ и смерти
Принесъ ты къ намъ къ жилище тишины?

ІОАННА, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ что вокругъ нея происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе.

БЕРТРАНДЪ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзныя издѣлья въ Вокулёрѣ;
На площади толпилась тьма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь толпу

Съ усиліемъ я продирался.... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
Въ рукахъ у ней былъ этомъ шлемъ; она,
Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема;
Вотъ шлемъ, не дорогъ онъ, возьми.—На что?
Я отвѣчалъ ей, къ латникамъ пойди;
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ. —
Но я никакъ не могъ отговориться;
Возьми, возьми! она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ. —
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло....
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

ІОАННА, ухватясь за него поспѣшно.

Отдай мнѣ шлемъ.

БЕРТРАНДЪ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

ІОАННА, вырывая шлемъ.

Отдай, онъ мой, и мнѣ принадлежитъ.

ТИБО.

Іоанна, что съ тобой?

РАЙМОНДЪ.

Оставь ее;
Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.

Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бъ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

ТИБО.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

БЕРТРАНДЪ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войски
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началася.

ТИБО.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной....

БЕРТРАНДЪ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинутъ къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;

Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ невнятнымъ шумомъ;
И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шолкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ
Блистающихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

ТИБО.

О горестный, погибельный раздоръ;
На Францію оружіе французовъ!

БЕРТРАНДЪ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

ТИВО.

Срази ее проклятіемъ Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

БЕРТРАНДЪ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбури;
Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣриной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечемъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье;
Сразить мечемъ, кто встрѣтится съ мечемъ.

Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбури,
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ, и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчисленны подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзится и вспыхнетъ.

ІОАННА слушаетъ съ великимъ безпрестанно усиливающимся вниманіемъ и наконецъ надѣваетъ на голову шлемъ.

ТИБО.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ля Гиромъ?
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ —
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ,
И что король? Ужель онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

БЕРТРАНДЪ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнитъ; ниспосланный имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу;
Все скрылося; всѣ вызовы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ замкахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:

Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатью знаменами идетъ.

ІОАННА, поспѣшно.

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

ІОАННА.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулёра
Стоитъ онъ лагеремъ.

ТИВО.

Молчи, Іоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая —
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшилися граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

ІОАННА, вдохновенно.

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ онъ въ силѣ!...
Могущій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!...
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;

Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ....
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится—
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

БЕРТРАНДЪ.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

ІОАННА.

Есть чудеса!... Взовьется голубица,
И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего Бургунда
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ,
Съ ругателемъ святыни Салисбури;
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ, какъ агнцы, передъ нею....
Господь съ ней будетъ! Богъ всесильный брани
Пошлетъ свое дрожащее созданье;
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ.... зане онъ всемогущій!

ТИБО.

Какой въ ней духъ пророчитъ?

РАЙМОДЪ.

Этотъ шлемъ
Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лицо ея преобразилось.

ІОАННА.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ

Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?...
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
Былъ первый крестъ, спасенья знакъ, воздвигнутъ;
Здѣсь прахъ лежитъ святаго Людовика;
Ерусалимъ отсюда завоеванъ....

БЕРТРАНДЪ.

Вы слышите?... Откуда вдругъ открылся
Такой ей свѣтъ?... О, дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

ІОАННА.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій; защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ и ангелъ утѣшенья
На вражеской землѣ?... Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И власть и милость; стать предъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ страха....
Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
Предъ кѣмъ отцовъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ, земли не взлюбитъ нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

ТИБО.

Да защититъ Всевышній короля
И Францію! Намъ мирнымъ поселянамъ
Мечъ незнакомъ; намъ браннаго коня
Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
Надъ древними гробами Сенъ-Дени....
Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не троиетъ;
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай кони притопчутъ наши нивы —
Съ младой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ.

ІОАННА. Долго стоитъ въ задумчивости.

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;

Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя —
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя,
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать....
Но въ битвахъ я главу твою прославлю;
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —
Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь принять корону.»

Мнѣ обѣщалъ небесный извѣщенье;
Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ Имъ.

Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

[ЛАГЕРЬ КОРОЛЯ КАРЛА ВЪ ШИНОНѢ].

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЮНУА, ДЮ ШАТЕЛЬ.

ДЮНУА.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
Намъ короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну.... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинныя жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи
Съ покорностью врагу.... а мы, мы здѣсь
Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
Священные спасенія часы.
Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ—
Спѣшу свою Нормандію покинуть,
Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ полѣ....
Но что жъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ;
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Заботится разгадывать загадки,
И лишь пиры даетъ своей Агнесѣ.
Какъ будто все спокойно!.... Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ.... и я, и я разстанусь;
Пора судьбѣ на власть его предать.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И КОРОЛЬ КАРЛЪ.

КОРОЛЬ.

Друзья, скажу вамъ новость:
Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой; онъ...
Онъ просится въ отставку.... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

ДЮНУА.

Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше время;
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.

КОРОЛЬ.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить....
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ раздорѣ.

ДЮНУА.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ;
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...
Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться—стыдъ.

КОРОЛЬ.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ;
Смущать его не стану.... Дю Шатель,
Король Ренѐ прислалъ ко мнѣ пословъ...
Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой....
Къ Дюнуа.
Къ чему твой смѣхъ?

ДЮНУА.

Ты цѣпи золотыя
Куешь словами.

ДЮШАТЕЛЬ.

Государь, твоя
Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ....

КОРОЛЬ.

Найди; пѣвецъ высокій
Безъ почести отселѣ не пойдетъ;
Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ цвѣтетъ;
Онъ жизни вѣтвь безсмертно-молодую
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ:
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ;
Пусть объ руку идетъ съ монархомъ онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.

ДЮШАТЕЛЬ.

О государь, до сихъ поръ я щадилъ
Твой слухъ; для насъ была еще надежда;
Но все сказать велитъ необходимость:
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрачено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудною рукою содержать.

КОРОЛЬ.

Но развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

ДЮШАТЕЛЬ.

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

ДЮНУА.

А срокъ придетъ.... ни денегъ, ни залоговъ!

КОРОЛЬ.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

ДЮНУА.

Пока щадитъ ихъ Богъ и мечъ Тальбота;
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ —
Тогда паси овецъ съ своимъ Ренѐ.

КОРОЛЬ.

На счетъ Ренѐ ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.

ДЮНУА.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ упало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасетъ своихъ овецъ.

КОРОЛЬ.

То ясная забава, шутка, праздникъ,
Который онъ душѣ своей готовитъ:
Средь ужасовъ существенности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ то время старины,
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.
Въ сихъ временахъ живетъ незлобный старецъ;
И въ той красѣ, какой они плѣняютъ
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древнихъ пѣсняхъ—
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ—
Онъ мыслитъ ихъ переселить на землю.
Онъ учредилъ верховный с у д ъ л ю б в и,
Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,

*

Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ—
И онъ меня избралъ царемъ любви.

ДЮНУА.

Не столько я еще забытъ природой,
Чтобъ отвергать владычество любви,
И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,
Моимъ отцомъ былъ Орлеанскій принцъ —
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклонныхъ,
За то не зналъ и крѣпкихъ вражьихъ замковъ.
Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ старыхъ книгахъ
Случилось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, а герои
За круглый столъ садились въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Беретъ ея награду.... Мѣсто боя
Передъ тобой—сразись за тронъ наслѣдный;
Опасность ждетъ—стань съ рыцарскимъ мечемъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь —
Тогда твой часъ, тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

КОРОЛЬ вошедшему пажу.

Что скажешь?

ПАЖЪ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана.

КОРОЛЬ.

Впусти.

Пажъ уходитъ.

Они пришли просить защиты....
Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ОРЛЕАНСКІЕ ЧИНОВНИКИ.

КОРОЛЬ.

Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все также ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

ЧИНОВНИКЪ.

Ахъ! государь, мы въ крайности; погибель
Часъ отъ часу неизбѣжимѣй; сбиты
Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Немногіе приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй — голодъ.
Въ такой бѣдѣ высокій Рошепьеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подоспѣетъ войска,
Могущаго осаду отразить.

Дюнуа показываетъ досаду.

КОРОЛЬ.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

ЧИНОВНИКЪ.

Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

ДЮНУА.

Возможно ль?.... Какъ Сантраль могъ согласиться
На гнусный этотъ договоръ?

ЧИНОВНИКЪ.

О, нѣтъ!
Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить,
Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

ДЮНУА.

Его ужъ нѣтъ?

ЧИНОВНИКЪ.

Сражаясь на стѣнѣ,
За короля онъ съ честію погибъ.

КОРОЛЬ.

Сантраль погибъ! Ахъ, въ немъ одномъ погибло
Мнѣ войско храбрыхъ.

Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, который показываетъ изумленіе и негодованіе.

Что еще случилось?

ДЮНУА.

Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

КОРОЛЬ къ Дю Шателю.

Ты слышишь?

ДЮ ШАТЕЛЬ, пожимая плечами.

Что могу я?

КОРОЛЬ.

Обѣщай;
Продать, что̀ есть; въ залогъ полъ-королевства.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

КОРОЛЬ.

Они мое надежнѣйшее войско;
Ужель теперь, теперь меня покинутъ?

ЧИНОВНИКЪ, на колѣняхъ.

О государь, спаси твой Орлеанъ!

КОРОЛЬ, въ отчаяніи.

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?
Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?
Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;
Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью
Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АГНЕСА съ ларчикомъ въ рукахъ.

КОРОЛЬ бѣжитъ къ ней на встрѣчу.

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;
Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;
Отчаянье въ мою тѣснится душу;
Но ты моя.... не все еще погибло.

АГНЕСА.

О, государь!

Смотря на предстоящихъ въ смятеніи.

Что слышу?.... Дюнуа,
Ужели?

ДЮНУА.

Правда.

АГНЕСА.

Какъ! такая крайность?
Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

ДЮШАТЕЛЬ.

Все правда.

АГНЕСА, отдавая ларчикъ.

Вотъ вамъ деньги; здѣсь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
Въ монету; замки всѣ мои въ залогъ;
Въ залогъ мои прованскія помѣстья;
Все въ золото, чтобъ войско успокоить!
Скорѣй! бѣги, не медли, Дю Шатель.

КОРОЛЬ.

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
Я бѣденъ? Нѣтъ.... Взгляните на нее;

Она со мной породою равна;
Кровь Валуа не благороднѣй крови
Ея отцовъ; престола украшеньемъ
Была бъ она.... но ей престолъ не лестенъ.
Моею быть — одно ея желанье.
Дарами ль я ее осыпалъ?.... Нѣтъ!
Весенній первый цвѣтъ иль рѣдкій плодъ —
Вотъ всѣ мои дары.... Все въ жертву мнѣ,
И ничего на жертву отъ меня.
И что жъ теперь?.... Послѣднее ввѣряетъ
Она моей обманчивой судьбѣ.

ДЮПУА.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступитъ;
Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ;
Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ
Съ тобою погубить.

АГНЕСА.

Не вѣрь ему;
Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью....
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ
Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдемъ, всѣ лишнія убранства жизни
Отбросимъ прочь.... О другъ! дай мнѣ примѣромъ
Высокаго пожерткованья быть;
Преобрати свой дворъ въ военный станъ,
И золото въ желѣзо; брось отважно
Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
Пойдемъ! бѣды и бѣдность пополамъ;
Пора намъ сѣсть на браннаго коня;
Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу грудь;
Пусть кровлею намъ будутъ облака;

Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.
Безропотно снесетъ суровый ратникъ
Свою бѣду, когда король примѣромъ
И твердости и самоотверженья.

КОРОЛЬ, усмѣхаясь.

И такъ, должно обѣщанное сбыться:
Давно, давно монахиня въ Клермонѣ
Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
И мой престолъ наслѣдный завоюетъ.
Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,
Ее искалъ я въ материнскомъ сердцѣ....
Но здѣсь она, спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

АГНЕСА.

Ты побѣдишь мечемъ своихъ друзей.

КОРОЛЬ.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу англичанъ
Мой родственникъ Бургундскій герцогъ; скоро
Узнаю все; къ Филиппу я Ля Гира
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
Всечасно жду отвѣта.

ДЮНУА, смотря въ окно.

Рыцарь здѣсь;
Сей часъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

КОРОЛЬ.

Желанный гость!... Друзья, теперь рѣшится:
Къ побѣдѣ ль намъ идти, иль уступить?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ЛА ГИРЪ.

КОРОЛЬ.

Скажи, Ля Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй, двумя словами!

ЛА ГИРЪ.

Твой мечъ — вотъ вся теперь для насъ надежда.

КОРОЛЬ.

И такъ непримиримъ надменный герцогъ;
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

ЛА ГИРЪ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выданъ
Былъ Дю Шатель: онъ мыслитъ и по нынѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.

КОРОЛЬ.

Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы....

ЛА ГИРЪ.

Тогда и миръ отвергнутъ.

КОРОЛЬ.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту
У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?...

ЛА ГИРЪ.

Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужъ мое.
Когда же Карлъ столъ жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:

У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.

КОРОЛЬ.

Но что жъ? Ужель въ парламентѣ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды?

ЛАГИРЪ.

Нѣмѣетъ онъ предъ дерзкимъ буйствомъ партій;
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены навѣки отъ престола.

ДЮНУА.

Безумное властительство толпы!

КОРОЛЬ.

Но видѣлся ль ты съ матерью моею?

ЛАГИРЪ.

Съ твоею матерью?...

КОРОЛЬ.

Что королева?

ЛАГИРЪ.

Скажу ли все?... Былъ день коронованья,
Когда вошелъ я въ Сенъ-Дени; граждане,
Какъ на тріумфъ, разубраны всѣ были;
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ—
И въ нихъ вступалъ съ надменностью британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

АГНЕСА.

Рукоплескалъ.... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце!

ЛАГИРЪ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ

Святаго Людвига, какъ близъ него
Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой,
Произносилъ предъ нимъ обѣтъ подданства.

КОРОЛЬ.

Невѣрный братъ! предатель нашей чести!

ЛА ГИРЪ.

Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Всходя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
«Недобрый знакъ!» послышалось въ народѣ,
И поднялся отвсюду громкій хохотъ.
Но что же?... Вдругъ твоя родная мать....
О вѣчный стыдъ!... приблизилась... скажу ли?

КОРОЛЬ.

Скажи.

ЛА ГИРЪ.

И на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.

КОРОЛЬ.

О, сердце матери!

ЛА ГИРЪ.

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но что жъ она?... Взглянувши на толпу,
Сказала вслухъ: французы я для васъ
Больную вѣтвь здоровою смѣнила;
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына,
Исчадіе безумнаго отца.

ДЮНУА.

Чудовище!

КОРОЛЬ.

Вы слышали, друзья?
Чего жъ вамъ ждать? Спѣшите возвратиться

Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
Что самъ король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
Не у меня спасенья имъ искать.
Пускай идутъ съ покорностью къ Бургундцу;
Онъ милостивъ; его прозванье: Добрый.

ДЮНУА.

Возможно ли?... Покинуть Орлеанъ?

ЧИНОВНИКЪ.

О, государь, не отнимай отъ насъ
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцевъ Орлеана;
Въ твоемъ вѣнцѣ онъ самый лучшій перлъ;
Онъ вѣрностью къ законнымъ королямъ
Всегда былъ знаменитъ.

ДЮНУА.

Но развѣ мы
Разбиты?.... Мы ль покинемъ поле чести,
За Орлеанъ меча не обнаживъ?
Какъ? Не проливъ ни капли крови, ты
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Изъ сердца Франціи твой лучшій городъ?

КОРОЛЬ.

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
Вездѣ мои разбиты войска; я
Парламентомъ отвергнутъ; мой Парижъ
И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
И кровные преслѣдуютъ меня;
И все мой врагъ—сама родная мать!....
Мы перейдемъ не медля за Луару;
Не устоять противъ руки небесъ;
Она теперь на насъ за иноземца.

АГНЕСА.

Что слышу?... Мы ль, въ самихъ себѣ отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?

Достойно ли тебя такое слово?
Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
Минутно твой геройскій духъ смутило.
Войди въ себя; будь снова твердый мужъ;
Съ величіемъ бѣдѣ противостань,
И побѣдишь....

КОРОЛЬ, въ горестной задумчивости.

Усилія напрасны;
Ужасная свершается судьба
Надъ родомъ Валуа; его самъ Богъ
Отринулъ; мать злодѣйствами погибель
Накликала на мой несчастный домъ;
Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
Сразила смерть.... то Божій приговоръ:
Погибнетъ все шестаго Карла племя.

АГНЕСА.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
О, вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ
Былъ пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданный возведенъ;
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть истинный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
Отечеству раздоромъ нанесенныхъ;
Пожаръ войны гражданской ты потушишь;
Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

КОРОЛЬ.

Не я.... Крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
Счастливить могъ бы я народъ спокойный—
Но съ дикостью бунтующей не слажу;
Не мнѣ мечемъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, запершіяся въ злобѣ.

АГНЕСА.

Народъ твой слѣпъ; онъ призракомъ обманутъ,
Сей тяжкій сонъ не можетъ продолжиться;
День не далекъ: пробудится любовь
Къ законнымъ королямъ—въ груди французовъ
Она всегда жива и неизмѣнна—
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ...
Не отходи жъ отъ поприща побѣдъ,
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ—скорѣй всѣ переправы
Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
Ведущіе за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару.

КОРОЛЬ.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отвергнутъ.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу!
Всѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣпой уподобясь,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

ДЮНУА.

О Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?... Послѣдній
Твой подданый отважно отдаетъ
И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
И ненависть свою; все жертва партій
Во времена войны междоусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя—кидаются къ мечу;

И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанесть,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
За идола иль Бога своего.
И такъ отбрось изнѣженную жалость—
Она душѣ монарха неприлична;
Пускай война сама свой огнь потушитъ;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тронъ себя щадить не долженъ—
Таковъ законъ и вѣчный жребій свѣта;
Инаго мы, французы, на признаемъ;
И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

КОРОЛЬ къ чиновникамъ.

Подите! вамъ защитой небеса;
А я для васъ ничто.

ДЮНУА.

Да отвратится жъ
На вѣки Богъ, побѣды отъ тебя,
Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ
Себя оставилъ—мы должны разстаться.
Не Англія съ бунтующимъ Бургундцемъ—
Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.
Природный даръ французскихъ королей
Геройство—ты жъ не мужемъ быть рожденъ.

Къ чиновникамъ.

Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!
Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.

Хочетъ идти.

АГНЕСА.

О государь! останови его;
Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ вѣренъ,
Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любитъ;
Онъ за тебя лилъ кровь... прольетъ и нынѣ....
Признайся, Дюнуа, ты далеко
Былъ заведенъ досадой благородной....
А ты прости его суровой дружбѣ...
Ахъ, дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашимъ миротворцемъ.

Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ отвѣта.

КОРОЛЬ къ Дю Шателю.

Мы перейдемъ Луару; на суда
Вели скорѣй все нагружать....

ДЮНУА поспѣшно Агнесѣ.

Прости!

Уходитъ съ чиновниками.

АГНЕСА.

Стой, Дюнуа!... Теперь мы беззащитны!...
Бѣги за нимъ, Ля Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОРОЛЬ, АГНЕСА, ДЮ ШАТЕЛЬ.

КОРОЛЬ.

Ужели тронъ единственное благо?
Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело?
О нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ;
Покорствовать, жить милостью вассаловъ,
Отъ грубой ихъ надменности зависѣть—
Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый.
Не легче ли судьбѣ своей поддаться?

Къ Дю Шателю.

Исполни мой приказъ.

ДЮШАТЕЛЬ, на колѣнахъ.

О государь!

КОРОЛЬ.

Ни слова! рѣшено, поди.

ДЮШАТЕЛЬ.

Нѣтъ! нѣтъ!
Склонись на миръ съ Филиппомъ, государь;
Другаго нѣтъ спасенья для тебя.

КОРОЛЬ.

Какой совѣтъ!... Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

ДЮШАТЕЛЬ.

Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженье... нынѣ
Я за тебя жъ несу ее на плаху.
Инаго средства нѣтъ; предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

КОРОЛЬ, съ горестью.

Какъ! до того ль дошло?... Мои друзья,
Которымъ вся моя душа открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

ДЮШАТЕЛЬ.

О нѣтъ!...

КОРОЛЬ.

Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять—
Я не спасусь погибелію друга...
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

ДЮШАТЕЛЬ.

Иду.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОРОЛЬ, АГНЕСА.

КОРОЛЬ.

Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой. *

АГНЕСА.

Какой должна я страшный встрѣтить день!
Король идти въ изгнанье осужденъ;
Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,
И съ милою разстаться колыбелью...
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ЛА ГИРЪ.

АГНЕСА.

Ля Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа?

Смотритъ на него пристально.

Но что?
Сверкаетъ взоръ твой.... говори, Ля Гиръ,
Иль новая бѣда?

ЛА ГИРЪ.

Бѣды прошли:
Намъ небеса опять благопріятны.

АГНЕСА.

Возможно ль! Какъ?

ЛА ГИРЪ королю.

Скорѣе орлеанскихъ
Чиновниковъ вели позвать.

---

* Здѣсь пропускъ. Въ переводѣ Мея онъ читается такъ:
Въ благословенный край съ тобой мы ѣдемъ:
Тамъ небо вѣкъ съ безоблачной улыбкой,
И вѣтерочекъ вѣетъ тамъ легко,
И нравы кротки, и звучитъ повсюду,
Во славу жизни и любови, пѣсня.

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ?

ЛА ГИРЪ.

Судьба войны на нашей сторонѣ:
Дано сраженіе; мы побѣдили. *

КОРОЛЬ.

Ля Гиръ, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный.

ЛА ГИРЪ.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

АГНЕСА.

О сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приноситъ:
Согласіе и миръ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, АРХІЕПИСКОПЪ, ДЮНУА, РАУЛЬ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Графъ, государь,
Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.

Король и Дюнуа обнимаются.

КОРОЛЬ.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ страшусь;
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

АРХІЕПИСКОПЪ Раулю.

Говори.

---

* Пропущено: АГНЕСА.

Побѣда!... о, какъ слово иногда
Звучитъ божественно и музыкально!

РАУЛЬ.

Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонскихъ
Высотъ и въ долъ, Іонной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ, ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица; яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилося,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
Будь онъ морскихъ песковъ неисчислимѣй—
За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!»
И вмигъ она изъ рукъ знаменоносца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ

Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ—какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло;
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши всѣ остались невредимы.

КОРОЛЬ.

Неслыхано! чудесно!

АГНЕСА.

Кто она? *

РАУЛЬ.

Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.

Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою.

Вы слышите.... шумитъ народъ... Она!

КОРОЛЬ къ Дю Шателю.

Введи ее сюда.

Архіепископу.

Но что мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?

---

* Полнѣе по переводу Мея:

Какъ? Дѣвица
Свершила это чудо? Кто она?

Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественно ль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

КОРОЛЬ.

Идетъ.

Къ Дюнуа.

Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано всезнанье —
Она сама откроетъ короля.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЕ, ІОАННА за нею ЧИНОВНИКИ ОРЛЕАНСКІЕ и множество РЫЦАРЕЙ, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

ДЮНУА, съ важностію.

Ты ль, дивная....

ІОАННА прерываетъ его величественно.

Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа!
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены.

КОРОЛЬ.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.

Я видѣла тебя.... но только тамъ,
Гдѣ ты ни кѣмъ не зримъ былъ, кромѣ Бога.

Приближается и говоритъ таинственно.

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло

Глубокимъ сномъ— не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выдти.... я твою молитву
Тебѣ скажу.

КОРОЛЬ.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну —
Тогда твое признаю назначенье.

IОАННА.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній —
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незагляженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война —
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

КОРОЛЬ, отступая съ трепетомъ.

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?...
Всѣ въ изумленіи.

IОАННА.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои
Вѣнчанные владѣли въ сей землѣ —
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ.

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

КОРОЛЬ.

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Откройся жъ, намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

ІОАННА.

Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Туля;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ....
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы —
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ — меня стремило сердце —
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ — всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ —

Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечь и знамя, но одѣта
Она была какъ я, пастушкой, и сказала:
«Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми мое святое знамя, мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа моего,
И проведи помазанника въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ.»
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
«Дерзай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ.» *
Тогда моихъ очей она коснулась....
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ....
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: «встань,
Господь тебя къ иному призываетъ.»
Но въ третью ночь она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ.»
И съ словомъ симъ она съ себя одежду

* Пропускъ въ переводѣ:
«Какъ ты, была я цѣломудренною дѣвой.
Родился у меня божественный младенецъ—
И стала съ этихъ поръ я дѣвою святою.

Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками.

АРХІЕПИСКОПЪ, по долгомъ молчаніи.

Должно молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
Единый Богъ подобное творитъ. *

КОРОЛЬ.

Достоинъ ли я милости такой?
Всевидящій, необольстимый, ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

ІОАННА.

Покорности всегда Господь доступенъ;
Смирился ты—тебя онъ возвеличилъ.

КОРОЛЬ.

И такъ съ врагомъ могу еще бороться?

ІОАННА.

Я Францію во власть твою предамъ.

КОРОЛЬ.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

ІОАННА.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

КОРОЛЬ.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

ІОАННА.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гремятъ копьями и щитами.

---

* Пропускъ въ переводѣ:

ДЮНУА.

Нѣтъ, не словамъ—ея глазамъ я вѣрю,
И чистотѣ дѣвической ея.

ДЮНУА.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ; слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ
Намъ вождь—ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ—этотъ мечъ.

ЛА ГИРЪ.

Будь міръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

КОРОЛЬ.

Такъ, я тебѣ свое ввѣряю войско;
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы;
Покинутый строптивымъ полководцемъ—
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

ІОАННА.

Постой, дофинъ;
Орудіе могущества земнаго
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

КОРОЛЬ.

Гдѣ?

ІОАННА.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружій—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лилеи золотыя

Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

КОРОЛЬ.

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

ІОАННА.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ святую Дѣву
Съ Спасителемъ-младенцемъ на рукахъ,
И подъ ея стопами шаръ земной;
Въ ея рукѣ такое было знамя.

КОРОЛЬ.

Исполню все.

ІОАННА къ архіепископу.

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

Становится на колѣна.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

ПАЖЪ.

Герольдъ отъ графа Салисбури.

ІОАННА.

Введи! Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ГЕРОЛЬДЪ.

КОРОЛЬ.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

ГЕРОЛЬДЪ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

ДЮНУА.

Презрительный ругатель, какъ дерзаешь
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь на его землѣ не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

ГЕРОЛЬДЪ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

КОРОЛЬ къ Дюнуа.

Спокойся, другъ... доканчивай, герольдъ!

ГЕРОЛЬДЪ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

КОРОЛЬ.

Въ какой?

ІОАННА.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

КОРОЛЬ.

Говори.
Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

ІОАННА.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

ГЕРОЛЬДЪ.

Графъ Салисбури, вождь британцевъ.

ІОАННА.

Лжешь,
Герольдъ; одни живые говорятъ;
И такъ твой вождь здѣсь говорить не можетъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Но вождь мой живъ—и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

ІОАННА.

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Лятурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти:
Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

ГЕРОЛЬДЪ.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

ІОАННА.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель—выбирайте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ.
Любовію народа окруженный...
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;

Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достигнешь ты—ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.
Уходитъ; всѣ за нею.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

ТАЛЬБОТЪ, ЛІОНЕЛЬ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ФАСТОЛЬФЪ, ШАТИЛЬОНЪ, СОЛДАТЫ.

ТАЛЬБОТЪ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По высотамъ разставить стражу. Правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бъ они имѣли крылья—намъ
Нельзя теперь бояться нападенья:
Но все нужна предосторожность; врагъ
Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.
Фастольфъ уходитъ съ солдатами.

ЛІОНЕЛЬ.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтобъ французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ...
О, Орлеанъ, могила нашей славы,
Честь Англіи погибла предъ тобой!
Постыдное презрительное бѣгство!
Повѣрятъ ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатье, Креки и Азинкурѣ?

ГЕРЦОГЪ.

Утѣшимся; не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, силой нашего безумства.... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

ГЕРЦОГЪ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились съ воплемъ:
«Пропали! адъ за Францію воюетъ!»
И не тогда ль смятенье стало общимъ?

ЛІОНЕЛЬ.

Вы первые бѣжали, это правда.

ГЕРЦОГЪ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

ГЕРЦОГЪ.

Какъ?... Я ль одинъ виною пораженья?

ЛІОНЕЛЬ.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ....

ГЕРЦОГЪ.

Такъ! но потому,
Что вы безъ насъ его бъ и не видали.
Кто вамъ открылъ во Францію дорогу?
Кто руку вамъ защитную простеръ
При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?

Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?
Кто покорилъ ему сердца французовъ?...
Не будь моя могущая рука
Вожатый вашъ—вы дыма бъ не видали,
Встающаго вдали съ французской кровли.

ЛІОНЕЛЬ.

Такъ! будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда —
Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

ГЕРЦОГЪ.

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На вѣрнаго союзника пролить.
Но кто жъ у васъ похитилъ Орлеанъ?
Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться —
Кто помѣшалъ?... Корысть и зависть ваша.

ТАЛЬБОТЪ.

Не для тебя его мы оса́ждали.

ГЕРЦОГЪ.

Уйди я съ войскомъ.... чтобъ тогда вы были?

ЛІОНЕЛЬ.

Все то жъ, что въ день побѣды азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

ГЕРЦОГЪ.

Но цѣну дорогую
За мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

ГЕРЦОГЪ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
За тѣмъ ли я отечества отрекся,
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства пришельцевъ?

За чѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно —
Вѣрнѣй служить родному королю.

ТАЛЬБОТЪ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ.... но вѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

ГЕРЦОГЪ.

Великій Боже,
Что слышать мнѣ досталось?... Шатильонъ,
Собрать полки! сей часъ отступимъ!...

Шатильонъ уходитъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Съ Богомъ!
Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечъ одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся; кровь француза
Съ британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА.

КОРОЛЕВА.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ!
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель.
Въ согласіи теперь спасенье наше....
Останови полки свои, Филиппъ;
А ты, Тальботъ достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу...
Тебя зову на помощь, Ліонель,
Скажи вождямъ мирительное слово.

*

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, я молчу! мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?
Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ король на тронѣ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега —
Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

ТАЛЬБОТЪ.

Союзника надежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

ГЕРЦОГЪ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

КОРОЛЕВА.

Какъ, герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь рукѣ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Безуміе повѣрить, чтобъ дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ твой стыдъ простить отъ сердца могъ,
Надъ бездной онъ, и пасть въ нее готовъ....
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

ГЕРЦОГЪ.

О мирѣ я съ дофиномъ и не мыслилъ;
Но какъ молчать?... Могу ль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

КОРОЛЕВА.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбенъ вождь: побѣдой онъ обманутъ;
Въ несчастіи мы всѣ несправедливы;
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

ТАЛЬБОТЪ.

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;
Я убѣжденъ совѣтомъ королевы.
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

ГЕРЦОГЪ.

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велитъ мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.

Даютъ другъ другу руку.*

ЛІОНЕЛЬ, смотря на нихъ, про себя.

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой!

КОРОЛЕВА.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразитъ ли неуспѣхъ? Пускай дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ

---

* Пропускъ въ переводѣ:

КОРОЛЕВА.

И хорошо; скорѣй запечатлѣйте
Союзъ вашъ крѣпкимъ, братскимъ поцѣлуемъ —
И на-вѣтеръ всѣ гнѣвныя слова.

Герцогъ и Тальботъ обнимаются.

Въ сообщники зоветъ.... напрасно губитъ
Онъ душу; адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ —
За васъ его разгнѣванная мать.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно женщинъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ въ станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядитъ неблагосклонно ратникъ.

КОРОЛЕВА, смотря на каждаго съ изумленіемъ.

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталъ ругаться надо мной!

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, королева, рать теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

КОРОЛЕВА.

Возможно ль? Васъ едва я примирила —
И вы меня согласны ужъ отречься. *
Но знать хочу, въ союзѣ мы иль нѣтъ?
Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

ТАЛЬБОТЪ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

ГЕРЦОГЪ.

Я за отца убійцамъ отомщаю;
Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

---

* Пропущенъ перерывъ этой рѣчи:

ТАЛЬБОТЪ.

Намъ, королева, нечего бояться
И чорта, если васъ не будетъ близко.

ТАЛЬБОТЪ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и божеству
Противны.

КОРОЛЕВА.

Проклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

ГЕРЦОГЪ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній!
Онъ мать свою на ссылку осудилъ!
Мнѣ, мнѣ, его простить? Скорѣй погибну —
Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный... *

ТАЛЬБОТЪ.

Вы честь свою готовы посрамить.

КОРОЛЕВА.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ—и будь онъ сынъ —
Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питавшую его,

---

* Измѣнено въ переводѣ:

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній.

ЛІОНЕЛЬ.

Да!... сынъ какой для матери судья!

КОРОЛЕВА.

Онъ мать свою на ссылку осудилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Согласно, впрочемъ, съ общимъ приговоромъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ, мнѣ его простить.... и т. д.

Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:
Сама своей рукою истреблю
Я бытіе, дарованное мною.
Но вы за что ведете съ нимъ войну?
На тронъ его какое ваше право?
Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ
Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
О нѣтъ! корысть и зависть вашъ законъ.
Но мнѣ онъ сынъ—властна я ненавидѣть.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

КОРОЛЕВА.

Ругатели презрѣнные, не вамъ
Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть.
На Францію разбойнически руку
Простерли вы, британцы, но по праву
Здѣсь шагу нѣтъ земли подвластной вамъ;
Вы хищники. А ты, бургундскій герцогъ,
Ты, обезславленный прозваньемъ: Добрый,
Не ты ль врагамъ свою отчизну продалъ?
Не ты ль отцовъ наслѣдіе пришельцу,
Грабителю отдалъ на разграбленье?
А все твердитъ языкъ вашъ: справедливость.
О лицемѣры, васъ я презираю.
На мнѣ личины нѣтъ; съ лицомъ открытымъ
Иду на судъ; пусть судитъ свѣтъ....* Простите!

Уходитъ.

* Пропускъ въ переводѣ:

ГЕРЦОГЪ.

И правда!... похвалиться вы властны,
Что мнѣнья свѣта встрѣтили безстрашно.

КОРОЛЕВА.

Во мнѣ есть страсти, кровь во мнѣ кипитъ,

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛЬБОТЪ, ГЕРЦОГЪ, ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛЬБОТЪ.

Вотъ женщина!...

ЛІОНЕЛЬ.

Что дѣлать, полководцы?
Все ль отступать, или быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья?

Какъ и въ другой. Я вашей королевы
Вѣнецъ надѣла для того, чтобъ жить,
А не сіять безжизненной звѣздою:
Ужели мнѣ отъ радостей житейскихъ
Велите отказаться, потому
Что волей рока годы молодые
Я принесла безумному на жертву?
Свобода мнѣ дороже самой жизни!...
А что меня стѣсняетъ?... Впрочемъ, полно
Мнѣ съ вами спорить о моихъ правахъ.
У васъ съ пеленъ въ крови застой и порча:
Вамъ не понять всей силы наслажденья...
Вотъ бѣшенство — оно для васъ понятно!...
И этотъ бѣдный герцогъ всю-то жизнь
Промаялся между добромъ и худомъ:
Не можетъ онъ сердечно ненавидѣть,
Да и любить не можетъ... Я—въ Мелунъ!

Указывая на Ліонеля.

Подайте мнѣ вотъ этого, чтобъ было
Мнѣ съ кѣмъ спастися отъ мертвящей скуки;
А тамъ уже какъ знаете.... Пожалуй,
И слушать я не стану про бургундцевъ
И англичанъ.

Киваетъ головою своему пажу и хочетъ выйти.

ЛІОНЕЛЬ.

Позвольте! мы въ Мелунъ
Доставимъ цвѣтъ французской молодежи,
Весь цвѣтъ, что будетъ сорванъ въ ратномъ полѣ.

КОРОЛЕВА, *останавливаясь.*

Вы годны лишь владѣть мечемъ; одинъ
Французъ умѣетъ нѣжно говорить. —

ГЕРЦОГЪ.

Мы слабы; всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуетъ ужасъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ —
Незапное могущество мгновенья;
Но робкаго воображенья призракъ
Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лицо врагу.

ГЕРЦОГЪ.

Подумайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна;
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, рѣшено; и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, передъ которой
Все наше войско въ страхѣ цѣпенѣетъ.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда она со мною выйдетъ въ бой —
Тогда однимъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ [и, вѣрьте, не посмѣетъ],
Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ поединокъ.
Не обнаживъ меча, ее живую
Въ виду всего ихъ войска принесу
Въ британскій станъ.

ГЕРЦОГЪ.

Не слишкомъ на себя
Надѣйся, Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Сведи насъ Богъ —
Ее ласкать моя рука не станетъ.
Теперь пойдемъ; истраченныя силы
Возобновимъ минутою покоя;
Но только день займется—на сраженье.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Темная ночь. Вдали показывается ІОАННА въ шлемѣ, въ панцырѣ; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею ДЮНУА, ЛЯ ГИРЪ, множество РЫЦАРЕЙ и СОЛДАТЪ. Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.

ІОАННА, окружающимъ ее рыцарямъ.

[Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину театра].

Мы стражу обошли — и вотъ ихъ лагерь;
Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора
Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи;
Пусть въ ужасѣ погибельную близость
Узнаетъ нашу врагъ.... Ударьте разомъ,
Воскликнувъ: Богъ и дѣва!

СОЛДАТЫ, гремя оружіемъ.

Богъ и дѣва!

СТРАЖИ, за сценою.

Къ оружію?

ІОАННА.

Огня! зажечь шатры!
Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!
Извлечь мечи! рубить и истреблять!

Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать.

Д ю н у а, удерживая ее.

Іоанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала —
Довольна будь, отъ боя удались;
И намъ оставь кровавую расправу.

Л а г и р ъ.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды;
Неси предъ нимъ святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ богъ сраженій;
Обманчивъ онъ и слѣпъ и безпощаденъ.

І о а н н а.

Кто путь мнѣ заградитъ? Кто остановитъ
Мной властвующій духъ?... Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ д о л ж н а Іоанна быть;
Не въ э т о т ъ ч а с ъ, н е з д ѣ с ь она падетъ;
Ей короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она в с е г о не совершила —
Ея главы не тронетъ вражья сила.

Уходитъ.

Л а г и р ъ.

Другъ Дюнуа, пойдемъ, за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Англійскіе солдаты бѣгутъ черезъ сцену, потомъ Тальботъ.

Одинъ солдатъ.

Дѣва! Дѣва!

Д р у г о й.

Кто?

П е р в ы й.

Дѣва въ лагерѣ!

ДРУГОЙ.

Не можетъ быть!
Какъ въ лагерь ей зайти?

ТРЕТІЙ.

На облакахъ
Примчалась, съ ней всѣ бѣсы заодно!

Множество бѣжитъ черезъ сцену:

Спасайтеся!... бѣгите!... все пропало!

ТАЛЬБОТЪ, за ними.

Куда вы?... Стой!... Не видятъ и не слышатъ.
Разрушена покорность; страхъ бунтуетъ;
Какъ будто адъ всѣ ужасы свои
Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство
Постигло всѣхъ; и робкій и безстрашный
Бѣгутъ; отпора нѣтъ; весь лагерь
Внезапная погибель обхватила.
Ужель во мнѣ одномъ осталась память,
А все вокругъ меня въ чаду безумства?
И такъ опять бѣжать отъ малодушныхъ,
Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами!...
Но кто жъ сія владычица судьбы
Ужасная рѣшительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный духъ, и силу малодушнымъ?...
Обманщица ль подъ маскою геройства
Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приведетъ
И женщина ль—о вѣчный стыдъ!—исторгнетъ
Изъ рукъ моихъ награду славы?

СОЛДАТЪ бѣжитъ черезъ сцену.

Дѣва!
Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

ТАЛЬБОТЪ, гонится за нимъ съ мечемъ и убиваетъ его.

Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!
Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сцена открывается. На высотахъ видѣнъ пылающій англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Черезъ нѣсколько времени является монгомери.

МОНГОМЕРИ.

Куда бѣжать?... Кругомъ враги, вездѣ погибель!
Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечемъ
Дорогу заслонивъ, на встрѣчу смерти гонитъ;
А здѣсь ужасная.... повсюду, какъ пожаръ
Губительный, она свирѣпствуетъ.... И нѣтъ
Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
За чѣмъ переплывалъ я море?... Бѣдный! бѣдный!
Обманутый любимою мечтой, я здѣсь
Искалъ въ бою прекрасной славы.... что жъ нашелъ?
Моей судьбы неодолимая рука
Меня въ сей бой на гибель привела.... Почто
Не на брегу моей Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ матерь я покинулъ
Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?

Іоанна является вдали на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара.

О страхъ!... Что вижу я?... Ужасная идетъ;
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она, какъ мрачное страшилище изъ ада....
Куда спасусь?... За мною огненныя очи
Ужъ погнались; уже бросаетъ на меня
Издалека неизбѣжимыхъ взоровъ сѣть;
Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣсту, силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ—хоть вся душа
Противится—смотрѣть на смертоносный образъ.

Іоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается.

Подходитъ... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко мнѣ
Приблизилась?... Моля о жизни, обниму
Ея колѣна; можетъ быть, ее смягчу;
Въ ней сердце женщины; слезамъ она доступна.

Хочетъ идти къ ней на встрѣчу; Іоанна быстрыми шагами къ нему подступаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МОНГОМЕРИ, ІОАННА.

ІОАННА.

Стой! ты погибъ! британка жизнь тебѣ дала.

МОНГОМЕРИ падаетъ предъ нею на колѣна.

Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;
Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ;
Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой отецъ
Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ
Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много нивъ
Обильныхъ у него; и злато и сребро
Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,
Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

ІОАННА.

Обманутый, погибшій, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую достался; изъ нея
Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ;
Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,
Когда бъ ты трепеталъ подъ тяжкой лапой тигра,
Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ —
Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.
Но встрѣча съ дѣвою смертельна... Я вступила
Съ могуществомъ нездѣшнимъ, строгимъ, недоступнымъ,
Навѣкъ въ связующій-ужасно договоръ:

Все умерщвлять мечемъ, что мнѣ сраженій Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

МОНГОМЕРИ.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой ясно-тихъ!
И, зримая вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый, кроткій ликъ....
Ахъ! женской прелестью и нѣжностью твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею.

ІОАННА.

Не уповай на нѣжный полъ мой; не зови
Меня ты женщиной... Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, незнающимъ земнаго сочетанья,
Не пріобщаюсь я породѣ человѣка.
Престань молить.... подъ этой броней сердца нѣтъ.

МОНГОМЕРИ.

Душевластительнымъ, святымъ любви закономъ,
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись! на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О, если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви—не разрывай жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердецъ.

ІОАННА.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,
Нечтимыхъ мной и мной отверженныхъ; вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять—твой часъ насталъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждутъ сына.... о своихъ ты вспомни, вѣрно
И день и ночь они тоскуютъ по тебѣ.

ІОАННА.

Несчастный! ты родителей напомнилъ мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣстъ,
Безбрачно овдовѣвшихъ!... Пусть теперь узнаютъ
И матери британскія, какъ тяжко тратить
Надежду жизни, милыхъ чадъ! пусть ваши вдовы
Поймутъ, что значитъ скорбь по милыхъ невозвратныхъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы! погибну ли на чужѣ, не оплаканъ?

ІОАННА.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю—истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?...
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободно-дышущимъ французамъ дать неволю,
И Францію великую, какъ челнъ покорный,
Пустить во слѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ...
О вы, безумцы! нашъ державный гербъ прибитъ
Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлимо-вѣчной.... Часъ
Возмездія ударилъ: ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный путь святаго моря,
Сей грани, божествомъ уставленной межъ нами,
Которую безумно вы переступили.

МОНГОМЕРИ опускаетъ ея руку.

И такъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть?...

ІОАННА.

Умри, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною?... Смотри,
Кто я. Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,

Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ....
Но вдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна.... д о л ж н а—не выборъ сердца, голосъ
Небесъ меня влечетъ—на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
Носить повсюду смерть, потомъ.... быть жертвой смерти
И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею;
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но наконецъ
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши жъ свою и ты.... берись за бодрый мечъ,
И бой начнемъ за милую добычу жизни.

МОНГОМЕРИ встаетъ.

И такъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы, сразимся; мнѣ, быть можетъ,
За Англію назначено тебѣ отмстить.
Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;
А ты, призвавъ на помощь весь твой страшный адъ,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

Схватываетъ мечъ и щитъ и нападаетъ на нее. Вдали раздается военная музыка. Черезъ нѣсколько минутъ Монгомери падаетъ.

ІОАННА.

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ.... прости, несчастный!

Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленіи.

О благодатная! что ты творишь со мною?
Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, готовясь
Сразить живущее созданіе, трепещетъ,
Какъ будто храмъ божественный ниспровергая;
Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшенъ....
Но только повелитъ мой долгъ—готова сила;
И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,
Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІОАННА, РЫЦАРЬ съ опущеннымъ забраломъ.

РЫЦАРЬ.

Ты здѣсь, отступница?... Твой часъ ударилъ;
Тебя давно ищу на полѣ ратномъ;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

ІОАННА.

Кто ты?... Тебя послалъ не добрый ангелъ
На встрѣчу мнѣ... по виду, не простой
Ты ратникъ; мнится мнѣ, ты не британецъ;
Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

РЫЦАРЬ.

Проклятая! не княжеской рукѣ
Тебя бы поразить; подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть—не съ честью пасть
Подъ герцогскимъ Бургундіи мечемъ.

ІОАННА.

И такъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

РЫЦАРЬ, поднимая забрало.

Я.... Трепещи, конецъ твой наступилъ;
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
Лишь робкихъ ты доселѣ одолѣвала—
Мужъ твердый ждетъ тебя....

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, ДЮНУА, ЛЯ ГИРЪ.

ДЮНУА.

Постой, Филиппъ;
Не съ дѣвами, но съ рыцарями бейся.

ЛА ГИРЪ.*

Мы защищать пророчицу клялися;
Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ мечъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
Ни васъ рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.
Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ля Гиръ;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ
Отступницы коварной промѣняли....
Я жду васъ, бьемся... Тотъ въ защитѣ Бога
Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.

Обнажаютъ мечи.

ІОАННА становится между ними.

Стой!

ГЕРЦОГЪ.

Прочь! **

ІОАННА.

Ля Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!
Не должно здѣсь французской литься крови,
И не мечемъ рѣшить сей споръ; иное
На небесахъ назначено; я говорю,
Остановитесь; мнѣ внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

ДЮНУА.

За чѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

---

* Въ переводѣ вмѣсто Ля Гира слѣдующіе два стиха приписаны Дюнуа.

** Въ подлинникѣ вмѣсто этого:

Ты за любовника дрожишь!
Въ твоихъ глазахъ онъ долженъ... Прочь!...

ІОАННА.

Ни слова; Дюнуа... Ля Гиръ, умолкни.
Я съ герцогомъ бургундскимъ говорю.
Всѣ молчатъ.
Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
Сей Дюнуа—сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый—твой землякъ и сослуживецъ;
И я сама—твоей отчизны дочь;
Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣна
Передъ тобой почтительно желаемъ
И для тебя нашъ мечъ безъ острія.
Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьимъ шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго монарха.

ГЕРЦОГЪ.

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
Но не меня тебѣ поймать; мой слухъ
Обороненъ отъ сѣти словъ коварныхъ;
Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянутъ....
Что медлишь, Дюнуа?... Сразимся; биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

ДЮНУА.

Сперва слова, потомъ удары; стыдно
Бояться словъ; не та же ль это робость,
Свидѣтельство неправды?

ІОАННА.

Насъ не крайность
Влечетъ къ твоимъ стопамъ, и не пощады
Съ покорностью мы просимъ... оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ пеплѣ,

И поле все покрыли ваши трупы;
Ты всюду громъ трубы французской внемлешь...
Всевышній произнесъ: побѣда наша!
Но лаврами прекраснаго вѣнца
Съ тобою мы готовы подѣлиться...
О, возвратись! врагъ милый, перейди
Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда.
Небесъ посланница, сама я руку
Тебѣ даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь въ святое наше братство;
Господь за насъ! всѣ ангелы его—
Ты ихъ не зришь—за Францію воюютъ;
Лилеями увѣнчаны они;
И бѣлизнѣ сей чистой орифламмы
Подобится святое наше дѣло;
Его символъ: божественная Дѣва.

ГЕРЦОГЪ.

Прельстительны слова коварной лжи,
Ея жъ языкъ—простой языкъ младенца;
И адскій духъ, вселившійся въ нее,
Невинности небесной подражаетъ.
Нѣтъ! страшно ей внимать... Къ мечу! мой слухъ,
Я чувствую, слабѣй моей руки.

ІОАННА.

Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
Союзникъ мой... но развѣ миротворство,
Прощеніе обидъ, есть дѣло ада?
Согласіе ль изъ тьмы его исходитъ?
Что жъ человѣчески-прекраснѣй, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама съ собой природа въ спорѣ, небо
Съ неправой стороны и адъ за правду?
Когда же то, что я сказала, свято—
Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?

Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
Чтобы душѣ неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я предъ лицомъ монарховъ не бывала,
Языкъ мой чуждъ искусству словъ... но что же?
Теперь тебя должна я убѣдить —
И умъ мой свѣтелъ, зрю дѣла земныя;
Судьба державъ, народовъ и царей
Ясна душѣ младенческой моей;
Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

ГЕРЦОГЪ смотритъ на нее съ изумленіемъ.

Что я? и что со мной?... Какая сила
Мой смутный духъ незапно усмирила?...
Обманчивъ ли сей трогательный видъ?
Нѣтъ! чувствую, не адскій обольститель
Меня влечетъ; мнѣ сердце говоритъ:
Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

ІОАННА.

Онъ тронутъ... такъ, онъ тронутъ; не напрасно
Молила я... лицо его безгнѣвно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорѣй... покинуть мечъ... и сердце къ сердцу!
Онъ плачетъ!... онъ смиряется!... онъ нашъ!

И мечъ и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ къ герцогу и обнимаетъ его въ сильномъ движеніи; Ля Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объятія герцога.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дворецъ короля Карла въ Шалонѣ на Марнѣ.

ДЮНУА, ЛЯ ГИРЪ.

ДЮНУА.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дѣло,

Бѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Ужель теперь любовь разлучитъ насъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

ЛА ГИРЪ.

Принцъ, выслушай.

ДЮНУА.

Ля Гиръ, ты любишь дѣву;
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить
У короля Іоанниной руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ля Гиръ, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной....

ЛА ГИРЪ.

Спокойся, Дюнуа.

ДЮНУА.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ;
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь,
Хочу прижать ко груди равносильной.

ЛА ГИРЪ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступи.

Но вспомни, кто она? Дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? И съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

ДЮНУА.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы саномъ.
И принцу ли безславно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли;
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Намъ въ ангельскомъ величествѣ она.

ЛАГИРЪ.

Пускай рѣшитъ король.

ДЮНУА.

Нѣтъ! ей одной
Рѣшить. Она свободу намъ спасла —
Пускай сама останется свободна.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, КОРОЛЬ, ДЮ ШАТЕЛЬ, ШАТИЛЬОНЪ, АГНЕСА.

ЛАГИРЪ.

Вотъ и король.

КОРОЛЬ, къ Шатильону.

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

ШАТИЛЬОНЪ.

Такъ государь; въ Шалонѣ всенародно
Желаетъ пасть Филиппъ, бургундскій герцогъ,

Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать, тебя, какъ короля,
Законнаго владыку своего;
За мною вслѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

АГНЕСА.

Онъ близко, день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

ШАТИЛЬОНЪ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣна герцогъ,
Но мыслитъ онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

КОРОЛЬ.

Моя душа летитъ къ нему на встрѣчу.

ШАТИЛЬОНЪ.

Желаетъ онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вашей встрѣчѣ.

КОРОЛЬ.

Минувшее навѣки позабыто;
Лишь ясные дни въ будущемъ я вижу.

ШАТИЛЬОНЪ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

КОРОЛЬ.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

ШАТИЛЬОНЪ.

Не исключать и королевы, если
На миръ съ тобой она согласна будетъ.

КОРОЛЬ.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конецъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

ШАТИЛЬОНЪ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

КОРОЛЬ.

Мнѣ слово свято.

ШАТИЛЬОНЪ.

Пусть архіепископъ
Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердитъ. *

Посмотрѣвъ на Дю Шателя.

Здѣсь есть одинъ... присутствіемъ своимъ
Онъ возмутитъ свиданья сладость.

Дю Шатель удаляется молча.

КОРОЛЬ.

Другъ,
Поди! пускай смиритъ Филиппа время;
Дотоль его присутствія чуждайся.

Смотритъ за нимъ во слѣдъ, потомъ бѣжитъ къ нему и обнимаетъ его.

О вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести.

ШАТИЛЬОНЪ, подавая свитокъ.

Здѣсь прочія означены статьи.

КОРОЛЬ.

Все напередъ безспорно утверждаю.
Что дорого за друга? — Дюнуа,
Возьми съ собой сто рыцарей избранныхъ
И къ герцогу съ привѣтствіемъ спѣши.
Должны надѣть зеленые вѣнки
Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ; городъ

Пропускъ въ переводѣ:

КОРОЛЬ.

Не будь мнѣ части въ царствіи небесномъ,
Коль ложно я ударилъ по рукамъ!
Чего же герцогъ требуетъ еще?

ШАТИЛЬОНЪ, посмотрѣвъ на Дю Шателя.

Здѣсь есть одинъ... и пр.

Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласитъ,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?... Трубятъ!

Звукъ трубы.

ПАЖЪ, вбѣгая поспѣшно.

Бургундскій герцогъ въ городъ
Вступаетъ.

ДЮНУА.

Рыцари къ нему на встрѣчу!

Уходитъ съ Ля Гиромъ и Шатильономъ.

КОРОЛЬ.

Агнеса, плачешь?... Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для этой радостной минуты;
Сколь много жертвъ досталось смерти прежде,
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли.
Но стихнула свирѣпость бури; день
Смѣнилъ ночную тьму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

АРХІЕПИСКОПЪ, смотря въ окно.

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры...

КОРОЛЬ.

О добрый мой народъ! огонь во мщеньи!
Огонь въ любви!... Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что этотъ самый герцогъ
Его отцовъ и чадъ убійцей былъ!
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись! восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ДЮНУА, ЛЯ ГИРЪ, ШАТИЛЬОНЪ, два РЫЦАРЯ изъ свиты герцога и прежніе. Герцогъ останавливается въ дверяхъ; король дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему подойти, но герцогъ его предупреждаетъ; онъ хочетъ преклонить колѣна; но король принимаетъ его въ объятія.

КОРОЛЬ.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ на встрѣчу
Хотѣли мы; твои кони крылаты.

ГЕРЦОГЪ.

Они къ стопамъ монарха моего
Несли меня...

Увидя Агнесу.

Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?... Позвольте мнѣ обычай нашъ
Аррасскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословитъ.

Цѣлуетъ ее въ лобъ.

КОРОЛЬ.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

ГЕРЦОГЪ.

Васъ, государь, молва не обманула:
Моя земля отечество красавицъ. *

---

* Сокращено въ переводѣ:

ГЕРЦОГЪ.

Мы, государь, издревле торговцы!
Все что цвѣтетъ, красуется подъ солнцемъ,
Все на-показъ на нашемъ рынкѣ въ Брюгге;
А красота—товаръ у насъ отборный.

АГНЕСА.

Цѣннѣе есть: хоть женская бы вѣрность;
Да жаль, нельзя ея купить на рынкѣ.—

КОРОЛЬ.

Но про тебя молва гласитъ иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ,
И вѣрности не вѣришь.

ГЕРЦОГЪ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;
Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.

Увидя архіепископа, подаетъ ему руку.

Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите. Кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ праведной стези не покидай.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусилъ вполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

ГЕРЦОГЪ, Агнесѣ.

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ
Оружіе противъ меня... ужели
Вамъ такъ была нужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войнѣ вы жертвовали ими —
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.

Беретъ у одного изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ, и подаетъ его Агнесѣ; она смотритъ въ недоумѣніи на короля.

КОРОЛЬ.

Возьми; то мнѣ залогъ вдвойнѣ священный
Прекрасныя любви и примиренья. *

---

* Пропущено въ переводѣ:

ГЕРЦОГЪ, вплетая ей въ волосы алмазную розу.

Жаль, что теперь въ рукахъ моихъ цвѣточекъ,

Агнеса плачетъ; король тронутъ; всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ.

ГЕРЦОГЪ, посмотря на всѣхъ, бросается въ объятія къ королю.

О государь!

Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ля Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ.

И васъ я могъ отречься?
И вамъ я недругъ былъ?

КОРОЛЬ.

Молчи! ни слова!

ГЕРЦОГЪ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Пришельцу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

КОРОЛЬ.

Спокойся; все забыто; этотъ мигъ
Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

ГЕРЦОГЪ.

Заглажу все; повѣрьте, все заглажу;
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Францiя во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить.

КОРОЛЬ.

Въ союзѣ мы—какой же врагъ опасенъ?

А не вѣнецъ французской королевы:
Какъ возложилъ бы я его любовно
На эту несравненную головку....
Значительно пожимаетъ руку Агнесы.
И ежели понадобится другъ,
Вы на меня разсчитывайте смѣло.—

ГЕРЦОГЪ.

О вѣрьте, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали....

Указывая на Агнесу.

Но для чего жъ ее вамъ не прислать?
Ея слезамъ кто бъ могъ не покориться?
Теперь всему конецъ; самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ сердцу;
Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь,
При васъ свое я странничество кончилъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Въ союзѣ вы—и Франція, какъ фениксъ,
Подымется изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженныя селенья, города
Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.
Но падшіе раздора жертвой—ихъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты были
И будутъ; разцвѣтетъ другое племя,
Но прежнее все жертвой бѣдъ увяло....
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ: для васъ, монархи,
Урокъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно уже—
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку—не покорится
Напрасному призванью человѣка;
И не всегда къ намъ во-время, какъ нынѣ,
Спасеніе небесное нисходитъ.

ГЕРЦОГЪ.

О государь! при васъ небесный ангелъ.
Но гдѣ жъ она? Что медлитъ?...

КОРОЛЬ.

Гдѣ Іоанна?
Почто въ торжественно-счастливый мигъ
Не видимъ мы создательницы счастья?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Ея душѣ противенъ, государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремитъ
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества—она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, ІОАННА, въ панцырѣ, но безъ шлема; на головѣ ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

КОРОЛЬ.

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

ІОАННА.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометой бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.

Осматриваясь.

Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи,
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;

Лишь одного несчастнаго я зрѣла....
Тоскуетъ онъ при общемъ торжествѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

ІОАННА.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи....
И онъ у ногъ твоихъ. О, доверши
Прекрасный подвигъ твой; нѣтъ примиренья,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я понимаю.

ІОАННА.

Такъ! и ты простишь;
Не правда ль, другъ?... Войди же, Дю Шатель;
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощенъ.

ГЕРЦОГЪ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна?... Знаешь ли чего ты просишь?

ІОАННА.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветъ въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ, добро нисходитъ свыше.

ГЕРЦОГЪ.

Не властенъ я упорствомъ предъ нею;
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ....
Приближься, Дю Шатель.... Не оскорбись,
О тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитеся, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо.... Но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ солнца;
Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
Игралище всесильнаго мгновенья.

КОРОЛЬ Іоаннѣ.

О, какъ тебя благодарить, Іоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отняты земли,
И все тобой.... Что дамъ тебѣ въ награду?

ІОАННА.

Будь въ счастьи человѣкъ, какъ былъ въ несчастьи;
На высотѣ величія земнаго
Не позабудь, что значитъ другъ въ бѣдѣ:
То испыталъ ты въ горькомъ униженьи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извелъ спасительницу Богъ....
Вся Франція твою признаетъ власть;
Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
Потомки отъ тебя своею славой
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу

И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
Онъ сохранитъ въ душѣ народа;
Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

ГЕРЦОГЪ.

Пророчица, наставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ:
Продлится ли величіе его?

ІОАННА.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
Близъ трона ты, и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть; подъ облака
Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни остановитъ....
Но не страшись, не рушится твой домъ;
Онъ дѣвою для славы сохранится;
И скиптроносные монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри, отъ ней родятся;
Могущіе, они съ двухъ славныхъ троновъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей непереплытыхъ.

КОРОЛЬ.

О, если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ—
Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

ІОАННА, помолчавъ.

Владыки міра,

Страшитеся раздора, не будите
Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ;
Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ; отъ нея
Ужасное родится поколѣнье;
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ....
Но я молчу.... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастіе, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрыть.

АГНЕСА.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій....
Скажи и мнѣ пророческое слово.

ІОАННА.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину....
Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

ДЮНУА.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
Откройся намъ, небесная. О, вѣрно
Тебя ждетъ лучшее земное счастье,
Въ награду за твое смиренье.

ІОАНА, задумчиво и смиренно показавъ на небо.

Счастье
На небесахъ у вѣчнаго Отца.

КОРОЛЬ.

Повѣрь его монарху твоему;
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки.... да свершится
Теперь же долгъ мой; на колѣна!

Іоанна становится на колѣна; король вынимаетъ мечъ и прикасается имъ къ ней.

Симъ
Прикосновеніемъ меча, Іоанна,

Король тебѣ даруетъ благородство;
Возстань; твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой, мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

ДЮНУА.

Моя она; ее и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ—честь не возвышаетъ
Моей любви, ни доблести ея;
Передъ лицомъ монарха моего,
Въ присутствіи святаго мужа церкви,
Готовъ ее наречь моей супругой,
Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволитъ.

КОРОЛЬ.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
Творишь ты.... Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель непобѣжденномъ,
Любовь произвела.

ЛА ГИРЪ.

Краса Іоанны
Есть кроткое души ея смиренье;
Она всего великаго достойна—
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удѣлъ, любовь простаго сердца
Съ моей рукой я предлагаю ей....

КОРОЛЬ.

И ты, Ля Гиръ? Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,

Іоанна.... ты враговъ со мной сдружила,
Мой тронъ возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвѣчай.

АГНЕСА.

Ея душа внезапностью смутилась,
И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.
О, дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой часъ; какъ нѣжная сестра
Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,
Чтобъ женское съ заботливостью женской
Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
Рѣшить на единѣ.

КОРОЛЬ.

Пойдемъ.

ІОАННА.

Постойте!
Нѣтъ, государь, мои пылаютъ щеки
Не пламенемъ смятеннаго стыда;
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицомъ мужей....
О рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую паству?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
Лишь чистою свершится дѣвой онъ,
Я на землѣ воительница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины; храня законъ
Природы, божеству она угодна;
И, совершивъ указанное небомъ,
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча;
Не дѣвственной рукѣ имъ управлять.

ІОАННА.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могущій духъ;
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ,
И покорюсь тогда его велѣнью;
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить: еще монархъ мой не увѣнчанъ;
Еще елей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не король.

КОРОЛЬ.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

ІОАННА.

И медлить намъ не должно; врагъ повсюду;
Дорогу намъ онъ мыслитъ заградить;
Но сквозь него промчу къ побѣдѣ васъ.

ДЮНУА.

Когда же все, Іоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,
Склонишь ли ты вниманіе тогда....

ІОАННА.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
Изъ грозныя борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

КОРОЛЬ, взявъ ее за руку.

Теперь тебѣ лишь голосъ духа внятенъ;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ.
Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется радость;
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства....
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты,
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ донынѣ только неба,
Съ любовію искать земнаго друга;
Всѣхъ нынѣ ты для счастія спасла —
И одному тогда ты будешь счастьемъ.

ІОАННА.

Посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ.

Иль, утомясь божественнымъ явленьемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,
И благовѣстницу верховной воли
Низвесть во прахъ ничтожности земной?
О маловѣрные! сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
А я для васъ лишь женщина.... безумцы!
Но женщинѣ ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда Господне мщенье
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной;
О нѣтъ! тогда мнѣ лучше бъ не родиться;
Ни слова болѣе; не раздражайте
Моей душой владѣющаго духа;
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ и оскверненье.

КОРОЛЬ.

Умолкните; се не преклонить.

ІОАННА.

Вели, вели гремѣть трубѣ военной;
Спокойствіе меня тѣснитъ и мучитъ;
Стремительно зоветъ моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности хладной;
И строгій гласъ твердитъ мнѣ: довершай.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, РЫЦАРЬ вбѣгаетъ поспѣшно.

КОРОЛЬ.

Что сдѣлалось?

РЫЦАРЬ.

Близъ Марны непріятель;
Онъ строится въ сраженье.

ІОАННА вдохновенно.

Бой и брань!
Теперь душа отъ узъ своихъ свободна....
Друзья, къ мечамъ; а я устрою войско.

Уходитъ поспѣшно.

КОРОЛЬ Ля Гиру.

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса
Они хотятъ сорвать съ меня корону.

ДЮНУА.

Ихъ мчитъ не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

КОРОЛЬ герцогу.

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

ГЕРЦОГЪ.

Будешь
Доволенъ мной.

КОРОЛЬ.

Я самъ дорòгой чести
Хочу идти предъ войсками моими,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: прости!

АГНЕСА подаетъ ему руку.

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесахъ живетъ моя надежда;
На то ль даны столь явные залоги
Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть?...
Ты побѣдишь; то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

Всѣ уходятъ. Сцена перемѣняется; видно открытое поле; на немъ разсыпаны группы деревьевъ; за сценою слышны военные инструменты, выстрѣлы, стукъ оружія; сражающіеся пробѣгаютъ черезъ сцену; наконецъ все тихо; сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАЛЬБОТЪ выходитъ раненый, опираясь на ФАСТОЛЬФА, за нимъ СОЛДАТЫ, скоро потомъ ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛЬБОТЪ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите;
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Несчастный день! враждебная судьба!

Къ Ліонелю.

За чѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Да сохранитъ насъ небо! встань, Тальботъ;
Не время намъ о ранахъ помышлять;
Вели ожить природѣ; одолѣй
Бунтующую смерть.

ТАЛЬБОТЪ.

Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франціи британская держава;
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣе не встать. Потерянъ Реймсъ—
Парижъ спасайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ для насъ Парижа:
Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

ТАЛЬБОТЪ, срывая съ себя повязку,

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки!
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ ждать нельзя; Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно; насъ тѣснятъ ужасно;
Ряды разстроены; за дѣвой вслѣдъ
Они бѣгутъ—и все, какъ буря, ломятъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь,
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно;
Будь проклятъ тотъ, кто въ замыслахъ великихъ
Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ....

ТАЛЬБОТЪ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ—намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты....
Иль наша жизнь вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, прости! дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда останусь цѣлъ.... теперь иду....
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ.
Простимся до другаго свѣта! кратокъ
Разлуки мигъ за долгую любовь!

Уходитъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Минута кончитъ все; отдамъ землѣ
И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ
Весь гибнетъ человѣкъ—и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣнье ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОРОЛЬ, ГЕРЦОГЪ, ДЮНУА, ДЮ ШАТЕЛЬ И СОЛДАТЫ входятъ.

ГЕРЦОГЪ.

Сраженье рѣшено.

ДЮНУА.

Побѣда наша.

КОРОЛЬ, замѣтивъ Тальбота.

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ
Въ бореніи съ послѣднею минутой?
По бронѣ онъ не ратникъ рядовой.
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!

Къ Тальботу приближаются солдаты.

ФАСТОЛЬФЪ.

Не приближайтесь! прочь! почтенье къ смерти
Того, кто былъ вамъ страшенъ такъ живой!

ГЕРЦОГЪ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови.

Приближается къ нему; Тальботъ, взглянувъ на него быстро, умираетъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутитъ послѣдній взоръ героя.

ДЮНУА.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство, для тебя,
Котораго желаньямъ исполинскимъ
Всей Франціи обширной было мало!

Преклоняетъ мечъ предъ королемъ.

Теперь привѣтствую васъ королемъ;
Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семъ тѣлѣ.

КОРОЛЬ, посмотрѣвъ молча на мертваго.

Не мы его сразили—нѣкто высшій!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ.
Къ воинамъ.
Возьмите!
Трупъ Тальботовъ выносятъ.
Миръ его великой тѣни;
Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его!
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.

ФАСТОЛЬФЪ, подавая мечъ королю.

Я плѣнникъ вашъ.

КОРОЛЬ, возвращая ему мечъ.

Нѣтъ, рыцарь; и война
Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца....
Но Дю Шатель.... моя Агнеса въ страхѣ;
Спѣши ее обрадованъ побѣдой;
Скажи, что я и живъ и невредимъ,
Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью.
Дю Шатель уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ЛА ГИРЪ.

ДЮНУА.

Ты здѣсь, Ля Гиръ? но гдѣ Іоанна?

ЛАГИРЪ.

Какъ?
Она не съ вами?... Я ее покинулъ
Въ сраженьи близъ тебя.

ДЮНУА.

Я побѣжалъ
На помощь къ королю; я былъ въ надеждѣ,
Что ты останешься при ней....

ГЕРЦОГЪ.

Недавно
Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ
Ея распущенное знамя....

ДЮНУА.

Боже!
Страшусь я! гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется,
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

КОРОЛЬ.

Спѣшите.

ДЮНУА.

Я бѣгу.

ЛАГИРЪ.

И я.

ГЕРЦОГЪ.

Мы всѣ.

Всѣ уходятъ поспѣшно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ.

РЫЦАРЬ въ черномъ панцырѣ съ опущеннымъ забраломъ.

ІОАННА преслѣдуетъ его; онъ останавливается.

ІОАННА.

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты

Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечемъ; но самъ теперь погибнешь.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.

ІОАННА.

Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Которой цвѣтъ ты носишь; истребить
Тебя съ лица земли неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если бъ
Передо мной Тальботъ не палъ въ сраженьи,
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго духа?

ІОАННА.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты — стой! не далѣ! Будь довольна
Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкаетъ насъ, но вѣрность ненавидитъ,
И никому не служитъ до конца.

ІОАННА.

Почто ты мнѣ велишь съ моей дороги
Сойти, забывъ начатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Могучая, ты все ниспровергаешь;
Покоренъ бой тебѣ — но удержись
Отъ боя; мнѣ повѣрь, пока не поздно.

ІОАННА.

Не выпущу меча я изъ руки,
Доколь враги не втоптаны во прахъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь блещетъ куполъ
Соборныя величественной церкви —
Въ нее вступить ты можешь съ торжествомъ,
Въ ней увѣнчать монарха, свой обѣтъ
Исполнить, но.... Іоанна, не входи
Въ ту церковь; мнѣ повѣрь—и возвратись.

ІОАННА.

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивымъ пророчествомъ....

Черный рыцарь хочетъ уйти; она заступаетъ ему дорогу.

Постой!
Отвѣтствуй мнѣ иль гибни....

Хочетъ ударить въ него мечемъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Прикасается къ ней рукой и она остается неподвижна.

Умерщвляй
Одно лишь смертное.

Громъ и молнія; рыцарь исчезаетъ.

ІОАННА.

Долго молчитъ въ изумленіи, потомъ опомнившись говоритъ.

То былъ не здѣшній
И не живой.... то было привидѣнье,
Враждебный духъ, изникнувшій изъ ада,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.

Но мнѣ съ мечемъ владыки моего
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду; зоветъ побѣда;
Пусть на меня весь адъ вооружится;
Живъ Богъ — моя надежда не смутится.

ЯВЛЕНІЕ X.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ.

ЛІОНЕЛЬ.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ: я Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.

Нападаетъ на нее; черезъ минуту она вышибаетъ изъ руки его мечъ.

О счастіе!

Борется съ нею; Іоанна во время борьбы срываетъ съ него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою; поднявши мечъ, чтобы его поразить, она говоритъ.

ІОАННА.

Умри! святая Дѣва
Моей рукой тебя приноситъ въ жертву.

Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліонеля; пораженная видомъ его, она стоитъ неподвижна, и рука ея опускается.

ЛІОНЕЛЬ.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я въ твоихъ рукахъ.

Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ.

Бѣжать
Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнію? Скорѣй погибнуть!

ІОАННА, отвративъ глаза.

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ....

ЛІОНЕЛЬ.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

ІОАННА.

Убей меня
И удались.

ЛІОНЕЛЬ.

Что слышу?

ІОАННА, закрывъ лицо руками.

Горе мнѣ!

ЛІОНЕЛЬ, приблизясь къ ней.

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощаженъ; за что же мнѣ
Пощада одному?

ІОАННА.

Собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить; но опять взглянувъ на него, опускаетъ руку.

Святая Дѣва!

ЛІОНЕЛЬ.

Почто зовешь святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ она; ты небесами
Отвержена.

ІОАННА въ сильнѣйшемъ отчаяніи.

О горе! горе! что
Я сдѣлала? нарушенъ мой обѣтъ.

Ломаетъ въ горести руки.

ЛІОНЕЛЬ.

Смотритъ на нее съ участіемъ, и подходитъ ближе.

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
Ты трогаешь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты? откуда?

ІОАННА.

Прочь! бѣги!

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты
Жаль младости твоей; твой милый образъ
Тѣснится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной; оставь союзъ твой страшный;
Оставь погибельный свой мечъ.

ІОАННА.

Увы!
Носить его я недостойна.

ЛІОНЕЛЬ.

Брось
Его; иди со мной.

ІОАННА въ ужасѣ.

Съ тобой? О, небо!

ЛІОНЕЛЬ.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно
И я тебя спасу.... но поспѣши.
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ.... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

Беретъ ее за руку, вдали показываются Дюнуа и Ля Гиръ.

ІОАННА.

О Боже! Дюнуа... они ужъ близко;
Бѣги!... тебя найдутъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Я твой защитникъ.

ІОАННА.

О нѣтъ! бѣги! умру, когда погибнешь.

ЛІОНЕЛЬ.

Иль дорогъ я тебѣ?

ІОАННА.

О Пресвятая!

ЛІОНЕЛЬ.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

ІОАННА.

Нѣтъ, никогда.

ЛІОНЕЛЬ.

Сей мечъ въ залогъ, что я
Тебя найду.

Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ.

ІОАННА.

Ты смѣешь, безразсудный?

ЛІОНЕЛЬ.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся.

Уходитъ поспѣшно.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, ІОАННА.

ЛА ГИРЪ.

Она! она!

ДЮНУА.

Іоанна,
Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

ЛА ГИРЪ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжитъ?

ДЮНУА.

Оставь
Его; Іоанна, битва рѣшена;
Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Бѣжитъ толпой на встрѣчу королю.

ЛА ГИРЪ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ!...

ДЮНУА.

Ты ранена?

Іоанна падаетъ къ нимъ на руки.

Снять панцырь! рана
Въ плечѣ и легкая.

ЛА ГИРЪ.

Но льется кровь!

ІОАННА.

Пускай она съ моею льется жизнью.

Лишается памяти.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

ІОАННА.

Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ:

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,

И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и парфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ—любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію.

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,

Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

Помолчавъ, съ большею живостію:

Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?.. Какъ?.. Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младой валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье!..

Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту!
Несчастная, сей взоръ—твоя погибель!
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

Задумывается, вслушивается въ музыку, потомъ говоритъ:

Ахъ! почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала ты....
Недостойна я вѣнца!

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ....
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ! изъ чистыхъ небожителей
Избирай твоихъ свершителей!
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ....
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей....
Бурный путь мнѣ указала ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но.... лишь гибель мнѣ послала ты....
Я ль сама то избрала?

ЯВЛЕНІЕ II.

АГНЕСА, ІОАННА.

АГНЕСА.

Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но, одумавшись, падаетъ передъ нею на колѣна.

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ тобою....

ІОАННА, стараясь ее поднять.

Встань,
Агнеса, ты свой санъ позабываешь.

АГНЕСА.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ—сердце
Предъ божествомъ излить себя стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ ангелъ ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья;
Стоитъ король въ торжественной одеждѣ;
Сбираются кругомъ монарха перы,
Чтобы нести регаліи во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
Повсюду кликъ и звонъ колоколовъ....
Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?

Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально.

Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видѣла величіе небесъ
И счастію земному неприступна.

Іоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ.

О, если бъ ты узнала сладость чувства!
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцырь,
И грудь открой чувствительности женской....

Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

ІОАННА.

Чего ты требуешь?

АГНЕСА.

Обезоружь
Себя, покинь твой мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

ІОАННА.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой....
Навстрѣчу смерти.... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

АГНЕСА.

Іоанна,
Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О, вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный.... но любить героя
Еще прекраснѣе....

Іоанна отвращается въ сильномъ волненіи.

Ты ненавидишь
Его?... Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть.... лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты сердцемъ
Спокойна.... Ахъ, когда бъ оно смягчилось!

ІОАННА.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу.

АГНЕСА.

Чего жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено: отчизна спасена;

Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честитъ и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество сихъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

ІОАННА.

О, если бъ скрыться
Могла во тьмѣ подземной я отъ васъ!

АГНЕСА.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
И нынѣ кто жъ взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потупить должно?...
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ, низкой предъ тобою,
Не смѣющей и мыслію постигнуть
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновленный
Престола блескъ, не шумный пиръ народа
Мнѣ радости причина, нѣтъ, одинъ
Живетъ въ моей душѣ—иному чувству
Въ ней мѣста нѣтъ—онъ, сей боготворимый;
Его народъ привѣтствуетъ; его
Бѣгутъ встрѣчать; предъ нимъ цвѣты бросаютъ —
И онъ, для всѣхъ единственный—онъ мой.

ІОАННА.

Счастливица, завидую тебѣ;
Ты любишь тамъ, гдѣ любятъ все; ты смѣешь
Свободно, вслухъ изречь свое блаженство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Ихъ общій пиръ есть пиръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,

Ликующій съ тобой въ однихъ стѣнахъ —
Прекрасное твое онъ чувство дѣлитъ;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ;
Любовью все твоей озарено.

АГНЕСА, падая въ объятія.

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ!
Іоанна, ты.... любви ты не чужда;
Что чувствую—ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается....

ІОАННА, вырываясь изъ ея объятій.

Прочь, прочь! бѣги меня; не заражайся!
Губительнымъ сообществомъ моимъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

АГНЕСА.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
Но кто жъ тебя постигнулъ? Кто проникъ
Во глубину твоей великой тайны?
Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу
Что чистотѣ души твоей понятно?

ІОАННА.

Нѣтъ, нѣтъ, ты—чистая, святая—ты;
Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ III.

ІОАННА, АГНЕСА, ДЮНУА и ЛА ГИРЪ со знаменемъ Іоанны.

ДЮНУА.

Мы за тобой, Іоанна; все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ монарху, ты должна
Предъ нимъ нести святую орифламму.

Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Предъ лицомъ всей Франціи признать,
Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

ЛА ГИРЪ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна. *

Хочетъ подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ.

ІОАННА.

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

ДЮНУА.

Кому жъ, Іоанна? Чья рука посмѣетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи; имъ должна ты
И торжество побѣдное украсить.

ІОАННА.

Прочь, прочь!

ЛА ГИРЪ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ!
Узнай его, оно твое; ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы небесной.

Развертываетъ знамя.

ІОАННА, въ ужасѣ смотря на знамя.

Она, она!... въ такомъ являлась блескѣ
Она передо мной.... Смотрите, гнѣвомъ
Омрачено ея чело, и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный.

АГНЕСА.

Ты внѣ себя; опомнись, ты видѣньемъ
Обманчивымъ испугана; тотъ образъ....

---

* Въ переводѣ Жуковскаго два послѣдніе стиха были поставлены ниже слѣдующихъ шести, послѣ словъ Дюнуа.

Онъ слабыя, земной руки созданье;
Сама жъ она небесъ не покидала.

ІОАННА.

О грозная! карать ли ты пришла?
Гдѣ молніи твои? Пускай сразятъ
Онѣ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила твое святое имя.

ДЮНУА.

Что слышу я! какой языкъ ужасный!

ЛАГИРЪ къ Дю Шателю.

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Я вижу то, чего давно боялся.

ДЮНУА.

Какъ? Что ты говоришь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

ЛАГИРЪ.

Іоанна,
Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

ІОАННА.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.

Слышенъ маршъ.

ДЮНУА.

Возьми его, возьми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдемъ.

Принуждаютъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь передъ каѳедральною церковью.

Вдали множество народа. БЕРТРАНДЪ, АРМАНЪ, ЭТЬЕНЪ выходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ АЛИНА и ЛУИЗА. Вдали слышенъ маршъ.

БЕРТРАНДЪ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ
Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

ЭТЬЕНЪ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

АРМАНЪ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Францiя; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

БЕРТРАНДЪ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?

Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону;
А нашъ король, нашъ истинный король,
Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
Парижскаго, который въ Сенъ-Дени
По милости пришельца коронованъ;
Тотъ не французъ, кто въ этотъ славный день
Не будетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ; ЛУИЗА, АЛИНА.

ЛУИЗА.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Іоанну;
Какъ бьется сердце!

АЛИНА.

Мы ее увидимъ
Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
То наша милая сестра Іоанна.

ЛУИЗА.

Пока меня глаза не убѣдили,
До тѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
Чтобъ та, которую всѣ называютъ
Здѣсь Орлеанской Дѣвою, была
Сестра Іоанна, безъ вѣсти отъ насъ
Пропавшая.

АЛИНА.

Увидишь и повѣришь,

БЕРТРАНДЪ.

Молчите, идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Впереди идутъ МУЗЫКАНТЫ; за ними ДѢТИ въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками въ рукахъ; потомъ два ГЕРОЛЬДА; отрядъ воиновъ съ алебардами; ЧИНОВНИКИ въ парадныхъ платьяхъ; два МАРШАЛА съ жезлами; БУРГУНДСКІЙ ГЕРЦОГЪ съ мечемъ; ДЮНУА съ скипетромъ; другіе ВЕЛЬМОЖИ съ короною, державою, королевскимъ жезломъ; за ними РЫЦАРИ въ орденскихъ одеждахъ; ПѢВЧІЕ съ кадильницами; два ЕПИСКОПА съ сосудомъ мѵропомазанія; АРХІЕПИСКОПЪ съ крестомъ; за нимъ ІОАННА съ знаменемъ; она идетъ медленными, неровными шагами, наклонивъ голову; ея сестры, увидя ее, знаками показываютъ радость и удивленіе; за Іоанною слѣдуетъ КОРОЛЬ подъ балдахиномъ, который несутъ БАРОНЫ; за королемъ придворные чиновники; потомъ отрядъ воиновъ. Когда всѣ входятъ въ церковь, маршъ умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛУИЗА, АЛИНА, АРМАНЪ, ЭТЬЕНЪ, БЕРТРАНДЪ.

АЛИНА.

Видѣлъ ли сестру?

АРМАНЪ.

Что шла передъ королемъ, въ богатыхъ латахъ,
Со знаменемъ въ рукахъ?

АЛИНА.

Да; то Іоанна,
Сестра.

ЛУИЗА.

На насъ она не поглядѣла:
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала
Подъ знаменемъ своимъ.... мнѣ стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

АЛИНА.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ
И въ почести; но кто бъ могъ то подумать

Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

ЛУИЗА.

Отцу не даромъ снилось,
Что въ Реймсѣ онъ и мы передъ Іоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та церковь,
Которая привидѣлась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были....
Ахъ! мнѣ она жалка, мнѣ тяжко видѣть
Ее въ такомъ величіи.

БЕРТРАНДЪ.

Пойдемъ.
Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь обрядъ.

АЛИНА.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой Іоанной
Мы встрѣтимся.

ЛУИЗА.

Мы видѣли ее,
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

АЛИНА.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

ЛУИЗА.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ
Прилично ей; на что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?
И съ нами бывъ, она была не наша....

АЛИНА.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

БЕРТРАНДЪ.

И самъ король насъ не стыдился; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ король все выше.

Трубы и литавры въ церкви.

АРМАНЪ.

Въ церковь! въ церковь!

Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ народа.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТИБО въ черномъ платьѣ; за нимъ РАЙМОНДЪ, который старается удержать его.

РАЙМОНДЪ.

Воротимся, мой добрый Аркъ, уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Уныніе обидно для веселыхъ....
Чего намъ ждать? За чѣмъ здѣсь оставаться?

ТИБО.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лицо?

РАЙМОНДЪ.

Ахъ! поскорѣй.... прошу тебя, уйдемъ.

ТИБО.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣднымъ?
Несчастная, она свой жребій знаетъ....
Но часъ насталъ ее спасти; я имъ
Воспользуюсь.

Хочетъ идти.

РАЙМОНДЪ.

Куда? Чего ты хочешь?

ТИБО.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь.

ТИБО.

Такъ!
Жила бъ душа—пускай погибнетъ тѣло.

Іоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окружаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и препятствуетъ ей приблизиться.

Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонитъ; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее....

РАЙМОНДЪ.

Прости, отецъ;
Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.

Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ІОАННА, НАРОДЪ, потомъ ея СЕСТРЫ.

ІОАННА, приближаясь.

Я не могу тамъ оставаться—духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,
Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды храма
Дрожатъ и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ

Въ святилищѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснусь....
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.
Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо мной....
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

АЛИНА, выходя изъ толпы.

Жанета!

ЛУИЗА, подбѣгая къ ней.

Милая сестра!

ІОАННА.

О Боже!
И такъ я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ степи сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

АЛИНА.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

ІОАННА.

О милыя! вы изъ какой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и васъ какъ будто отреклась.

ЛУИЗА.

То воля Божія была.

АЛИНА.

Молва
О чудесахъ твоихъ дошла и къ намъ;
Мы не могли противиться стремленью,
И, родину спокойную покинувъ,

Пришли сюда взглянуть на славный праздникъ,
Пришли твое величіе увидѣть.
Мы не однѣ....

ІОАННА.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь....
Онъ здѣсь.... но гдѣ же онъ? За чѣмъ онъ скрылся?

АЛИНА.

Отца здѣсь нѣтъ.

ІОАННА.

О Боже! нѣтъ!... ужели
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенье
Свое прислалъ мнѣ....

ЛУИЗА.

Онъ не зналъ, что мы
Сюда пошли....

ІОАННА.

Не зналъ? Но для чего жъ
Не зналъ онъ?... Вы молчите, вы глаза
Потупили?... Скажите, гдѣ отецъ?

АЛИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла....

ЛУИЗА, дѣлая ей знаки.

Алина!

АЛИНА.

Онъ
Задумчивъ сталъ.

ІОАННА.

Задумчивъ?

ЛУИЗА.

Будь спокойна;
Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожитъ,
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,

Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

АЛИНА.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

ІОАННА.

Ахъ, счастлива! я съ вами, я вашъ голосъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безпечно;
Тамъ счастлива была я какъ въ раю....
И не видать ужъ мнѣ такого счастья!

Скрываетъ лицо на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и Вертрандъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ подойти.

АЛИНА.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все также
Смиренна и тиха и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.

Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смотритъ на нихъ неподвижными глазами, и впадаетъ въ задумчивость; потомъ говоритъ въ изумленіи.

ІОАННА.

Гдѣ я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Реми;
Подъ деревомъ Друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вкругъ меня
Знакомыя, привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ, мнѣ только снилось;
То были тѣни; вкругъ меня они
Носилися подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ

Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Реми; признайтеся, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

ЛУИЗА.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,
Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила на яву;
Опомнись, погляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.

Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздрагиваетъ.

БЕРТРАНДЪ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

АРМАНЪ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

ІОАННА.

Ахъ, убѣжимъ! я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

ЛУИЗА.

Такъ, милая, пойдемъ.

ІОАННА.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить—
Вы любите меня.

АЛИНА.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

ІОАННА.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;

Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покаяньемъ
Безумное величіе мое.

Трубы.

ЯВЛЕНІЕ X.

КОРОЛЬ выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ, АГНЕСА, АРХІЕПИСКОПЪ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, ДЮ ШАТЕЛЬ, РЫЦАРИ, ПРИДВОРНЫЕ, НАРОДЪ.

НАРОДЪ кричитъ во время шествія короля:

Да здравствуетъ король!

Гремятъ трубы; по мановенію короля герольды подаютъ знакъ и все умолкаетъ.

КОРОЛЬ.

Народъ мой добрый,
Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону;
Народа мечъ ее завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна
Но миръ ее оливою украситъ.
Благодаримъ защитниковъ престола,
А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній былъ—
И первое будь наше слово: милость

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ король!

КОРОЛЬ.

Досель незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей,
Но видимо изъ рукъ его пріяли
Мы свой вѣнецъ.

Указывая на Іоанну.

Народъ, передъ тобою
Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ;
Да будетъ ей воздвигнутъ здѣсь алтарь.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

Трубы.

КОРОЛЬ къ Іоаннѣ.

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но если ты сошла на время съ неба,
Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной дѣвы,
То просвѣти земныя наши очи;
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Безсмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь небо
Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.

Всеобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Іоанну.

ІОАННА вдругъ восклицаетъ.

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТИБО выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ Іоанны.

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Ея отецъ!

ТИБО.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

ГЕРЦОГЪ.

Что это значитъ?

ДЮШАТЕЛЬ.

Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

ТИБО къ королю.

Ты думаешь: могущество небесъ
Тебя спасло — ты, государь, обманутъ;
Народъ ты ослѣпленъ; вы спасены,
Искусствомъ адовымъ.

Всѣ отступаютъ въ ужасѣ.

ДЮНУА.

Безумство!

ТИБО.

Нѣтъ!
Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,
Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель,
Себя явилъ въ такой ничтожной твари?
Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятаго:
Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?

Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Іоанну; она стоитъ неподвижно.

АГНЕСА.

Она молчитъ!

ТИБО.

Она должна молчать
Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревле
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придумано; тамъ вѣчность продала
Она врагу, чтобъ славою минутной
Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасно!... Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать!

ДЮНУА.

Безумецъ, кто жестокому безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣритъ!

АГНЕСА къ Іоаннѣ.

Ахъ, отвѣчай! молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;
Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.

Іоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ.

ЛА ГИРЪ.

Она испугана; внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея; самъ Божій ангелъ
Отъ клеветы такой оцѣпенѣетъ....
Приди въ себя, очувствуйся; невинность
Имѣетъ взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнія, сразитъ онъ клевету;
Іоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать сомнѣнье,
Срамящее святую добродѣтель.

Іоанна молчитъ; Ля Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; движеніе въ народѣ увеличивается.

ДЮНУА.

Почто дрожитъ народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна —
Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;
И здѣсь бросаю я перчатку; кто
Отважится ее назвать виновной?

Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ.

ТИВО.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи что, ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя и въ клеветѣ
Изобличи отца.

Другой сильнѣйшій ударъ; народъ разбѣгается во всѣ стороны.

ГЕРЦОГЪ.

О, защити,
Создатель, насъ! какія страшны знаки!

ДЮ ШАТЕЛЬ королю.

Уйдите, государь.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Я вопрошаю
Во имя Бога: что велитъ тебѣ
Молчать—твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящій Божій голосъ?
Возьми сей крестъ—когда онъ за тебя.

Іоанна стоитъ неподвижна; новые сильные удары грома; король, Агнеса, архіепископъ, герцогъ, Ля Гиръ и Дю Шатель уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДЮНУА, ІОАННА.

ДЮНУА.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчаніе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;

Пренебреги его—но мнѣ откройся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Ни говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.

Онъ подаетъ ей руку; она отворачивается съ трепетомъ; Дюнуа смотритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ІОАННА, ДЮ ШАТЕЛЬ, ДЮНУА, потомъ РАЙМОНДЪ.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Іоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ; тебѣ отворены
Ворота. Не страшись—никто тебя
Не оскорбитъ; король твоя защита....
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь неприлично;
Какой конецъ!...

Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іоанна остается одна; наконецъ является Раймондъ; онъ останавливается въ отдаленіи, смотритъ на нее въ горестномъ молчаніи, потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.

РАЙМОНДЪ.

Воспользуйся минутой
На улицахъ все пусто; дай мнѣ руку;
Иди за мной; я буду твой защитникъ.

При взглядѣ на него, она подаетъ первый знакъ чувства; смотритъ быстро ему въ лицо, потомъ на небо, потомъ съ живостью беретъ его за руку и они уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Густой, дикій лѣсъ; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

УГОЛЬЩИКЪ и его ЖЕНА.

УГОЛЬЩИКЪ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла̀ дня ночь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война—предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ—лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны
Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди что битва загорится.

ЖЕНА.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отчего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

УГОЛЬЩИКЪ.

Ужъ имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсѣ вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣ не помощникъ,
И все пошло вверхъ дномъ.

ЖЕНА.

Смотри, смотри,
Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ; ІОАННА, РАЙМОНДЪ.

РАЙМОНДЪ.

Здѣсь хижина, Іоанна;
Иди за мной, мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,

Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаясь.

Гроза мало по малу утихаетъ; становится ясно.

Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Іоанна.

УГОЛЬЩИКЪ.

Вы устали; отдохните
У насъ; чѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

ЖЕНА.

На ней военный панцырь:
Къ чему это?... Но, правда, въ наше время
И женщинѣ всего приличнѣй латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилася опять у англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простаго,
За короля сражалась?...

УГОЛЬЩИКЪ.

Замолчи;
Поди, изъ хижины ей принеси
Напиться.

Она уходитъ въ хижину.

РАЙМОНДЪ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны, и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла; на небѣ ясно; солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Конечно вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитеся: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,

И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

РАЙМОНДЪ.

Бѣда намъ! какъ отъ нихъ
Спастись?

УГОЛЬЩИКЪ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ скоро
Воротится изъ города; онъ васъ
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ Французскій лагерь; намъ тропинки всѣ
Знакомы здѣсь.

РАЙМОНДЪ Іоаннѣ.

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ.

Іоанна трясетъ головою.

УГОЛЬЩИКЪ.

Отчего она
Такая грустная?... Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Угольщикова ЖЕНА выходитъ изъ хижины съ стаканомъ воды; СЫНЪ ихъ и ПРЕЖНІЕ.

ЖЕНА.

Нашъ мальчикъ; онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ.

Подаетъ Іоаннѣ стаканъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

СЫНЪ.

Увидя, что мать его подаетъ стаканъ Іоаннѣ, и узнавъ ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ.

Прочь! что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?... Вѣдь это чародѣйка.

УГОЛЬЩИКЪ И ЖЕНА его вмѣстѣ.

Помилуй насъ Небесный царь.

Крестятся и убѣгаютъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РАЙМОНДЪ, ІОАННА.

ІОАННА съ кротостію.

Ты видишь!
Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжитъ; бѣги и ты;
Спасайся другъ; покинь меня.

РАЙМОНДЪ.

Тебя
Покинуть! мнѣ! теперь!... но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?

ІОАННА.

Я не одна;
Есть проводникъ; ты слышалъ громъ небесный;
Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
Моей, и не искавъ ея, дойду.

РАЙМОНДЪ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ: англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отмстить. А тамъ французы; и они
Противъ тебя.... Куда же ты пойдешь?

ІОАННА.

Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Кто жъ тебѣ здѣсь пищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ
Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И нищетѣ?

ІОАННА.

Я знаю всѣ коренья
И травы—отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровенныхъ....
Для человѣка здѣсь не много нужно;
Природа жизнію богата.

РАЙМОНДЪ.

Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра церкви....

ІОАННА.

Другъ,
И ты меня винишь?

РАЙМОНДЪ.

Я принужденъ;
Твое безмолвное признанье....

ІОАННА.

Какъ?
Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!....

Раймондъ молчитъ.

Ахъ, это тяжело!

РАЙМОНДЪ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?

ІОАННА.

Я

Волшебница?

РАЙМОНДЪ.

А эти чудеса?
Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

ІОАННА.

Съ какою же иной?

РАЙМОНДЪ.

Но для чего же
Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?
Теперь ты говоришь; а при народѣ,
При королѣ, гдѣ ты должна была
Отвѣтствовать, была ты какъ нѣмая:

ІОАННА.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,
Которую мой Богъ, мой повелитель,
Назначилъ мнѣ.

РАЙМОНДЪ.

Но развѣ дать отвѣта
Ты не могла отцу?

ІОАННА.

Отъ Бога было,
Что было отъ отца; и испытанье
Отеческое будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Голосъ неба
Твою вину свидѣтельствовалъ имъ.

ІОАННА.

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

РАЙМОНДЪ.

Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься—и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

ІОАННА.

То не обманъ; то было испытанье.

РАЙМОНДЪ.

И этотъ стыдъ стерпѣла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О, я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
Въ моей груди поворотилось сердце;
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить....
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасамъ такимъ?

ІОАННА.

Была ли бъ я посланницею Бога,
Когда бъ его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь;
Я въ нищетѣ—но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить—
Но знать себя въ степи я научилась;
Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,
Гдѣ вкругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидовалъ, а я
Была несчастнѣй всѣхъ.... Но все прошло;
И я исцѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушеньемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила; во мнѣ спокойно;
Пусть будетъ то, чему быть должно—я
Ужъ слабости не вѣдаю въ себѣ.

РАЙМОНДЪ.

Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду;
Пускай твою невинность свѣтъ узнаетъ.

ІОАННА.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день—
И кто теперь меня клянетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ случай....

ІОАННА, съ кротостью взявъ его за руку.

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ—но я безсмертное глазами
Здѣсь видѣла.... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце—завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ V.

КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА съ СОЛДАТАМИ и ПРЕЖНІЕ.

КОРОЛЕВА еще за сценою.

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

РАЙМОНДЪ.

Боже!

Погибли! непріятель!

Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ въ ужасѣ.

КОРОЛЕВА.

Что случилось?

Что испугало васъ? Куда бѣжите?

Увидя Іоанну, невольно содрогается.

Что вижу я?

Одумавшись, быстро къ ней подходитъ.

Остановися, сдайся!
Ты плѣнница моя.

ІОАННА.

Сдаюсь.

Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи.

КОРОЛЕВА.

Въ оковы!

Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руки; на нее налагаютъ цѣпи.

Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженьи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду,
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ мужемъ.

Къ Іоаннѣ.

За чѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

ІОАННА.

Меня изгнали.

КОРОЛЕВА.

Какъ тебя изгнали?
Мой сынъ тебя изгналъ?

ІОАННА.

Къ чему вопросы?
Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

КОРОЛЕВА.

Изгналъ! за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ,
И королемъ французскимъ сдѣланъ? Въ этомъ
Я сына узнаю.... Вы! отведите
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его.
Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ

И въ вашей робости—ея волшебство;
Она сама безумная: она
За короля пожертвовала жизнью—
И королевскую теперь награду
Пускай узнаетъ.—Прямо къ Ліонелю
Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ
Передаю окованное счастье
Французовъ.... Я сама за вами скоро
Послѣдую; идите.

ІОАННА.

Къ Ліонелю?
Нѣтъ, лучше умертви меня.

КОРОЛЕВА.

Идите.

Уходитъ съ частію солдатъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ІОАННА, СОЛДАТЫ.

ІОАННА къ солдатамъ.

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я
Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи; вонзите ихъ мнѣ въ сердце, бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный;
О, вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразила безпощадно,
Что я лила ручьями кровь британцевъ,
Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены;
Отмстите мнѣ; убійцу умертвите;
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Исполните, что велѣно.

ІОАННА.

О Боже!
Ужель мнѣ быть несчастною вполнѣ?....
Владычица, иль ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена тобою?
Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій ангелъ;
Спятъ чудеса; и небо затворилось.

Слѣдуетъ за солдатами.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Французскій лагерь.

ДЮНУА, АРХІЕПИСКОПЪ, ДЮ ШАТЕЛЬ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Спокой твое негодованье, принцъ;
Король насъ ждетъ; ужель теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
Когда рука могучая въ защиту
Отечеству нужна?

ДЮНУА.

Но что причиной
Намъ новыхъ бѣдъ? Что подняло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончена война....
Спасительницу вы изгнали—сами
Теперь спасайтеся; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужъ болѣ нѣтъ.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ отвѣтомъ;
Подумай....

ДЮНУА.

Дю Шатель, молчи! тебя

Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Но кто жъ изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ, и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; Бургундскій герцогъ
Себя винитъ; въ отчаяньи Ля Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

ДЮНУА.

Она обманщица? О, если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла—
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота —
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Лишь чуду свыше
Разсѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для ока смертнаго непостижимой;
Но что ни совершись—все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланницу изгнали;
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАЖЪ, ПРЕЖНІЕ, ПОТОМЪ РАЙМОНДЪ.

ПАЖЪ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ: онъ
Усильно проситъ, чтобъ ему вамъ лично
Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесъ.

ДЮНУА.

Скорѣй ввести
Его сюда!... извѣстіе о ней!

Бѣжитъ навстрѣчу къ Раймонду.

Гдѣ, гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

Благодаренье Богу,
Что съ вами здѣсь святой нашъ архипастырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсненныхъ;
Онъ будетъ мой заступникъ.

ДЮНУА.

Гдѣ Іоанна?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ, вѣрьте мнѣ,
Не хитрая волшебница она!
Свидѣтель Богъ и всѣ его святые:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

ДЮНУА.

Но гдѣ она, скажи.

РАЙМОНДЪ.

Я былъ проводникомъ; въ Арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она

Все исповѣдала передо мною;
Я въ мукахъ умереть готовъ и царства
Небеснаго пускай мнѣ не видать,
Когда она, какъ ангелъ, не безгрѣшна.

ДЮНУА.

Самъ Божій день души ея не чище;
Но гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

О, если вамъ Господь
Къ ней душу обратилъ—то поспѣшите
Ее спасти; она у англичанъ
Въ плѣну.

ДЮНУА.

Въ плѣну!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Несчастная!

РАЙМОНДЪ.

Въ Арденахъ,
Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали
Попалась намъ навстрѣчу королева;
Она ее велѣла оковать,
И въ непріятельскій послала лагерь....
Погибнуть въ мукахъ ей; о, поспѣшите
Съ защитою къ защитницѣ своей.

ДЮНУА.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!
Вся Франція бѣги за нами въ бой!
Въ залогѣ честь; обругана корона;
Разрушена престола оборона;
Въ рукахъ врага палладіумъ святой;
Все за нее; всей крови нашей мало!

Обнажаетъ мечъ.

Спасти ее, во что бы то ни стало!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Башня; на верху ея отверстіе.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ, ФАСТОЛЬФЪ, потомъ КОРОЛЕВА.

ФАСТОЛЬФЪ, входя.

Не укротить бунтующій народъ,
Какъ бѣшенный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ
Ты плѣнницу ему на жертву; силой
Его не одолѣть; убей ее,
И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
Другимъ ни чѣмъ не усмирится войско.

КОРОЛЕВА входитъ.

Ужъ лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ.... Слышишь
Ихъ крикъ?... Дождешься ли, чтобъ силой
Они сюда вломились? Мы погибнемъ;
Ее не защитить; отдай ее.

ЛІОНЕЛЬ.

Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшенъ приступъ;
Мой замокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его
Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
Бунтовщиковъ поддамся.... Отвѣчай,
Іоанна, мнѣ; рѣшися быть моею—
И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ.

КОРОЛЕВА.

Стыдись, британскій вождь!

ЛІОНЕЛЬ.

Твои
Отвергнули тебя; неблагодарной
Отчизнѣ ты ни чѣмъ ужъ не должна;
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули—они не смѣли
За честь твою сразиться; я жъ осмѣлюсь
Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя

Сразиться.... Мнѣ казалось прежде,
Что жизнію моей ты дорожила;
Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою—
А нынѣ я единственный твой другъ.

ІОАННА.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего
Ты ненавистнѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами
Быть общаго не можетъ; не могу
Тебя любить.... Но если ты наклоненъ
Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;
Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
Немедленно покинуть; возврати
Мнѣ всѣ ключи французскихъ городовъ,
Похищенныхъ войной; отдай всѣхъ плѣнныхъ
Безъ выкупа; вознагради за все,
Что здѣсь раззорено, и дай залоги
Священной вѣрности—тогда тебѣ
Отъ имени монарха моего
Я предлагаю миръ.

КОРОЛЕВА.

Ты смѣешь намъ,
Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

ІОАННА.

Рѣшись завременно; ты должен ъ будешь
Рѣшиться; Франціи не одолѣть;
Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ будетъ.
Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
О родинѣ; подумай о возвратѣ;
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества ужъ нѣтъ. *

---

* Пропущено въ переводѣ:

КОРОЛЕВА.

Съ безумными рѣчей не стоитъ тратить!

ЯВЛЕНІЕ X.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженье;
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;
Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

ІОАННА.

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,
Британія! теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

ФАСТОЛЬФЪ.

Безумная, твоя напрасна радость;
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

ІОАННА.

Пускай умру—народъ мой побѣдитъ;
Для храбрыхъ я ужъ болѣ не нужна.

ЛІОНЕЛЬ.

Я презираю ихъ; во всѣхъ сраженьяхъ
Мы съ ними ладили, доколѣ эта
Рука за нихъ не поднялась. Межъ ними
Одна была достойна уваженья—
И ту они изгнали.... Другъ, пойдемъ;
Теперь нашъ часъ: пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здѣсь останьтесь; вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

ФАСТОЛЬФЪ.

Какъ? намъ ее
Покинуть за собой?

ІОАННА.

Стыдися, воинъ,
Ты женщины окованной робѣешь.

ЛІОНЕЛЬ Іоаннѣ.

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

ІОАННА.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

КОРОЛЕВА.

Въ тройную цѣпь ее закуйте; жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжитъ.

На Іоанну налагаютъ цѣпи, которыя окружаютъ и руки ея и все тѣло.

ЛІОНЕЛЬ.

Іоанна, ты сама того хотѣла;
Еще не поздно; будь за насъ и знамя
Британское возьми—и ты свободна;
И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признаютъ волю.

ФАСТОЛЬФЪ.

Пойдемъ, пойдемъ.

ІОАННА.

Не трать напрасно словъ;
Они идутъ; спѣши обороняться.

Трубы; Ліонель уходитъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду....

КОРОЛЕВА, вынимая кинжалъ.

Будь спокоенъ;
Я ей не дамъ торжествовать.

ФАСТОЛЬФЪ Іоаннѣ.

Теперь
Ты знаешь жребій свой; молися жъ небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ІОАННА, КОРОЛЕВА, СОЛДАТЫ.

ІОАННА.

Я буду за него молиться; кто
Языкъ мой окуетъ?... Но что я слышу?
Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
Побѣда Франціи! британцамъ гибель!
Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Іоанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бывало;
Она въ цѣпяхъ—но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

КОРОЛЕВА одному изъ солдатъ.

Взойди на башню; съ ней все поле видно;
Разсказывай, что тамъ случится....

Солдатъ всходитъ на башню.

ІОАННА.

Дружно!
Мужайся, мой народъ; то бой послѣдній;
Еще побѣда—и врага не стало!

КОРОЛЕВА.

Что видишь тамъ?

СОЛДАТЪ.

Сошлись.... Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ жандармы.

ІОАННА.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

СОЛДАТЪ.

Бургундскій герцогъ
Ударилъ на мостъ.

КОРОЛЕВА.

Смерть тебѣ, предатель!

СОЛДАТЪ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней—дѐрутся, грудь на грудь—
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

КОРОЛЕВА.

Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

СОЛДАТЪ.

Все въ пыли
Смѣшалось; ничего не различишь.

ІОАННА.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я—ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

СОЛДАТЪ.

Теперь во рву ужасная тревога....
Тутъ всѣ вожди....

КОРОЛЕВА.

А наше знамя?

СОЛДАТЪ.

Вѣетъ.

ІОАННА.

О, если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ мой
Сраженіемъ повелѣвалъ. *

* Пропущено въ переводѣ:

СОЛДАТЪ.

О горе!
Что вижу я! нашъ вождь стѣсненъ отвсюду.

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!
Бѣгутъ! побѣда!

КОРОЛЕВА.

Кто бѣжитъ?

СОЛДАТЪ.

Французы,
Бургундцы... поле все покрылось ими.

ІОАННА.

О Боже! до того ль меня покинешь?

СОЛДАТЪ.

Какой-то раненый упалъ... на помощь
Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

КОРОЛЕВА.

Французъ,
Иль нашъ?

СОЛДАТЪ.

Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа.

ІОАННА въ отчаяніи порывается изъ цѣпей.

А я въ цѣпяхъ!

СОЛДАТЪ.

Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантіи съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо
На нашихъ.

ІОАННА съ живостью.

То король, мой государь!

КОРОЛЕВА, замахивается кинжаломъ на Іоанну.

Умри, несчастная!

СОЛДАТЪ, торопливо.

Освободили!...
Фастольфъ на нихъ съ затылка налетѣлъ:
Онъ мнетъ враговъ, онъ врѣзался въ ихъ гущу.

КОРОЛЕВА, прячетъ кинжалъ.

Есть ангелы-хранители!

СОЛДАТЪ.

Конь испугался—прянулъ—и упалъ—
Онъ бьется подъ конемъ—онъ въ стременахъ
Запутался—къ нему помчались наши—
Ужъ близко—вотъ они—онъ окруженъ.

Іоанна сопровождаетъ каждое слово отчаяннымъ движеніемъ.

ІОАННА.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?

КОРОЛЕВА съ ругательнымъ смѣхомъ.

Теперь пора... Защитница, спасай!

ІОАННА, бросившись на колѣна.

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
На небеса твои, съ надеждой, съ вѣрой,
Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
Всесиленъ ты—тончайшей паутинѣ
Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
Всесиленъ ты—тройнымъ желѣзнымъ узамъ
Тебѣ легко дать бренность паутины;
Ты повелишь и цѣпь сія падетъ;
И сей тюрьмы разрушится стѣна;
Ты дивный Богъ, съ тобой слѣпецъ Самсонъ
И въ слабости могущество низринулъ;
Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ—
И на врага упали своды храма.

СОЛДАТЪ.

Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Что?

СОЛДАТЪ.

Король взятъ въ плѣнъ.

ІОАННА, вскочивъ.

Нѣтъ! съ нами
Богъ!

Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близъ-стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ, и убѣжала; всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ІОАННЫ.

КОРОЛЕВА, послѣ долгаго молчанія.

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?
И эту цѣпь она перервала!
Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

СОЛДАТЪ съ башни.

Она на крыльяхъ... вихремъ мчится.

КОРОЛЕВА.

Гдѣ
Она?

СОЛДАТЪ.

Ударила въ средину битвы;
Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—вдругъ
И тамъ и тутъ и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она—тамъ раздвоитъ
Толпу—тамъ сломитъ строй—все передъ ней
Бѣжитъ и падаетъ—французы стали,
Опять построились—о горе! наши
Разсыпались—оружіе бросаютъ—
Знамена пали...

КОРОЛЕВА.

Какъ? Ужель она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

СОЛДАТЪ.

Она пробилась къ королю—и сильной
Рукою вырвала его изъ битвы—
Къ ней бросился Фастольфъ—онъ опрокинутъ—
Вождь окруженъ—его схватили...

КОРОЛЕВА.

Стой!
Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!
Спасайтеся! они хотятъ ударить
На замокъ нашъ.

Сходитъ съ башни.

КОРОЛЕВА, вынимая мечъ.

Обороняйтесь! стойте!

ЯВЛЕНIЕ XIII.

ЛА ГИРЪ вбѣгаетъ съ СОЛДАТАМИ; КОРОЛЕВИНЫ СОЛДАТЫ бросаютъ оружiе.

ЛА ГИРЪ, почтительно подходя къ ней.

Поддайтеся побѣдѣ, королева;
Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вамъ... Куда велите
Васъ проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;
Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.

Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ла Гиромъ.

ЯВЛЕНIЕ XIV.

Поле сраженiя; назади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди КОРОЛЬ и ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКIЙ; на рукахъ у нихъ лежитъ IОАННА, смертельно раненая и неподвижная; они тихо подвигаются впередъ; АГНЕСА вбѣгаетъ.

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

КОРОЛЬ.

Освобожденъ... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!

Указываетъ на Іоанну.

АГНЕСА.

Іоанна! Боже! умираетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Скончалась; улетѣлъ нашъ ангелъ; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій миръ сіяетъ
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

КОРОЛЬ.

Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земнаго;
И съ высоты преображенный ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

АГНЕСА.

Она жива; она глаза открыла.

ГЕРЦОГЪ.

Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?... Она встаетъ.

ІОАННА, осматриваясь.

Гдѣ я?

ГЕРЦОГЪ.

Съ своимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Іоанна,

КОРОЛЬ.

Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

ІОАННА, долго смотрѣвъ неподвижными глазами.

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

КОРОЛЬ.

Ты ангелъ чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затмѣньи.

ІОАННА, осматриваясь съ веселой улыбкою.

И такъ опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой, мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

КОРОЛЬ, отвративъ глаза.

Подайте знамя... Вотъ оно; возьми.

Она беретъ его, подымается и стоитъ ни кѣмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ.

ІОАННА.

Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ—на персяхъ вѣчный Сынъ—
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?... Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда!... земля ушла изъ глазъ...
Минута—скорбь, блаженство—безконечно.

Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него опускается; всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи. — Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ что она совершенно ими закрыта.

ПЕРИ И АНГЕЛЪ. [1]

ПОВѢСТЬ, ИЗЪ МУРА.

Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ;
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,
И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверсты двери,
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена.
«Тамъ духи свѣта обитаютъ;
Для нихъ цвѣты благоухаютъ
Въ неувядаемыхъ садахъ.
Хоть много на земныхъ лугахъ
И на лугахъ свѣтилъ небесныхъ
Есть много и цвѣтовъ прелестныхъ,
Но я чужда ихъ красоты—
Они не райскіе цвѣты.
Обитель роскоши и мира,
Свѣжа долина Кашемира; [2]
Тамъ свѣтлы озера струи,

---

[1] Пери—воображаемыя существа, ниже ангеловъ, но превосходнѣе людей, не живутъ на небѣ, но въ цвѣтахъ радуги, и порхаютъ въ бальзамическихъ облакахъ, питаются одними испареніями розъ и жасминовъ и подвержены общей участи смертныхъ. Индѣйцы и другіе восточные народы представляютъ ихъ себѣ ввидѣ женщинъ, коихъ отличительное свойство составляютъ красота и благотворительность.

[2] Кашемиръ—озеро, усѣянное множествомъ острововъ, изъ коихъ на одномъ растутъ платановыя деревья, отъ которыхъ онъ и названъ.

Тамъ сладостно журчатъ ручьи—
Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ
Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ?
Направь стремительный полетъ
Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья,
Среди ихъ пышнаго блистанья
Неизмѣримость пролети,
Всѣ ихъ блаженства изочти,
И каждое пусть вѣчность длится...
И вся ихъ вѣчность не сравнится
Съ одной минутою небесъ!»

И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ Пери.
Но Ангелъ, стражъ эдемской двери,
Ее прискорбную узрѣлъ;
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ;
Онъ вслушался въ ея стенанья;
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса...
Такъ чистой каплею роса,
Въ сіяньи райскаго востока,
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
Который дышетъ лишь въ одномъ
Саду небесъ [гласитъ преданье].
И онъ сказалъ ей: «упованье!
Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
Лети—найди—судьба проститъ;
Впускать утѣшно примиренныхъ.»

Быстрѣй кометъ воспламененныхъ,
Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей,[1]
Которые во тьмѣ ночей
Въ десницѣ ангеловъ блистаютъ,
Когда съ небесъ они свергаютъ
Духовъ, противныхъ небесамъ,
По свѣтлоголубымъ полямъ
Ѳирнымъ Пери устремилась;
И скоро Пери очутилась
Съ лучемъ денницы молодой
Надъ пробужденною землей.
«Но гдѣ искать святаго дара?
Я знаю тайны Шильминара:[2]
Столпы тамъ гордые стоятъ;
Подъ ними скрытые, горятъ
Въ сосудахъ геніевъ рубины,
Я знаю дно морской пучины:
Близъ Аравійской стороны
Во глубинѣ погребены
Тамъ острова благоуханій.[3]
Знакомъ мнѣ край очарованій:
Воды исполненный живой,
Сосудъ Ямшидовъ золотой[4]
Таится тамъ, хранимъ духами.
Но съ сими ль въ рай войти дарами?
Сіи дары не для небесъ.

---

[1] Магометане думаютъ, что падающія звѣзды суть огненные факелы, коими добрые ангелы отгоняютъ злыхъ, дерзающихъ приближаться къ небесной области.

[2] Сорокъ столповъ. Такъ персіяне называютъ развалины Персеполя. Полагаютъ будто дворецъ въ немъ и всѣ зданія въ Бальбекѣ построены геніемъ для сохраненія многочисленныхъ сокровищъ въ ихъ подвалахъ, которыя и донынѣ тамъ находятся.

[3] Острова Панхая.

[4] Чаша Ямшида, найденная, какъ полагаютъ, въ развалинахъ Персеполя.

Что камней блескъ въ виду чудесъ,
Престолу Аллы предстоящихъ?
Что капля водъ животворящихъ
Предъ вѣчной бездной бытія?»
Такъ думая, она въ края
Святаго Инда низлетала.
Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла,
Жемчугъ и злато янтарей
Тамъ украшаютъ дно морей;
Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ,
И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
И рѣки въ брачномъ блескѣ тамъ,
Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
Тѣснясь, приносятъ дани злата,
И долы, полны аромата,
И древъ сандальныхъ фиміамъ,
И купы розъ могли бы тамъ
Для Пери быть прекраснымъ раемъ....
Но что же? Кровью обагряемъ
Потокъ увидѣла она.
Въ лугахъ прекрасная весна,
А люди—братья, братій жертвы —
Обезображены и мертвы
Лежа на бархатѣ луговъ,
Дыханье чистое цвѣтовъ
Дыханьемъ смерти заражали.
О чьи стопы тебя попрали,
Благословенный солнцемъ край?
Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
Твоихъ боговъ святые лики,
Твои народы и владыки
Какой рукой истреблены?
Властитель Газны, * вихрь войны,

* Махмудъ завоевалъ Индію въ началѣ II столѣтія.

Протекъ по Индіи бѣдою:
Свой путь усыпалъ за собою
Онъ прахомъ отнятыхъ коронъ;
На псовъ своихъ навѣсилъ онъ
Любимицъ царскихъ ожерелья; *
Обитель чистую веселья,
Зенаны дѣвъ онъ осквернилъ;
Жрецовъ во храмахъ умертвилъ,
И золотыя ихъ пагоды
Въ священныя обрушилъ воды.

И видитъ Пери съ вышины:
На полѣ страха и войны
Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
Надъ свѣтлымъ родины потокомъ
Стоитъ одинъ, и за спиной
Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
Кругомъ товарищи сраженны...:
Лицомъ безстрашнаго плѣненный,
«Живи!» тиранъ ему сказалъ.
Но воинъ, молча, указалъ
На обагренны кровью воды,
И истребителю свободы
Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой.
По твердой бронѣ боевой
Стрѣла скользнула; живъ губитель;
На трупы братьевъ палъ ихъ мститель;
И вдаль помчался шумный бой.
Все тихо; воинъ молодой
Ужъ умиралъ; и кровь скудѣла....
И Пери къ юношѣ слетѣла

* Повѣствуютъ, что султанъ Махмудъ содержалъ 400 сѣрыхъ лягавыхъ собакъ. На каждой изъ нихъ былъ ошейникъ, украшенный дорогими каменьями, и покрывала, обшитыя золотой бахрамой съ жемчугами.

Въ сіяньи утреннихъ лучей,
Чтобъ вѣжды гаснущихъ очей
Ему смежить рукой любови,
И, въ смертный мигъ, священной крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла.... и на небо опять
Ее помчало упованье.
«Богамъ угодное даянье
[Она сказала] я нашла:
Пролита кровь сія была
Во искупленіе свободы,
Чистѣйшія эдемски воды
Съ ней не сравнятся чистотой.
Такъ, если есть въ странѣ земной
Достойное небесъ воззрѣнья:
То что жъ достойнѣй приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившаго бытіе
За дѣло чести и свободу?»
И къ райскому стремится входу
Она съ добычею земной.

«О Пери! даръ прекрасенъ твой
[Сказалъ ей стражъ крылатый рая,
Привѣтно очи къ ней склоняя],
Угоденъ храбрый для небесъ,
Который родинѣ принесъ
На жертву жизнь.... но видишь, Пери,
Кристальныя спокойны двери,
Не растворяется Эдемъ....
Иной желаютъ дани въ немъ.»

Надежда первая напрасна,
И Пери, горестно-безгласна,
Опять съ эѳирной вышины

Стремится—и къ горамъ Луны [1]
На лоно Африки слетаетъ.
Предъ ней, раждаяся, блистаетъ
Въ незнаемыхъ истокахъ Нилъ,
Средь тѣхъ лѣсовъ, гдѣ онъ сокрылъ
Отъ насъ младенческія воды,
И гдѣ безплотныхъ хороводы,
Слетаясь утренней порой
Надъ люлькой бога водяной,
Тревожатъ сонъ его священный,
И великанъ новорожденный [2]
Привѣтствуетъ улыбкой ихъ.
Средь пальмъ Египта вѣковыхъ,
По гротамъ, хладной тьмы жилищамъ,
По сумрачнымъ царей кладбищамъ
Летаетъ Пери.... То она,
Унылой думою полна,
Розетты знойною долиной,
Вслѣдъ за четою голубиной, [3]
Къ пріюту ихъ любви летитъ,
Ихъ стоны внемлетъ и грустить;
То, вѣя тихо, замѣчаетъ,
Какъ яркій свѣтъ луны мелькаетъ
На пеликановыхъ крылахъ,
Когда на голубыхъ водахъ
Мерида онъ плыветъ и плещетъ, [4]
И вкругъ него лазурь трепещетъ.
Предъ ней волшебная страна.
Небесъ далекихъ глубина

[1] Горы Лунныя—въ древности Montes Lunae. При подошвѣ ихъ полагаютъ источникъ Нила.

[2] Нилъ, извѣстный въ Абиссиніи подъ названіемъ Абеи и Алави, т. е. великанъ.

[3] Сады Розетты наполнены голубями.

[4] О пеликанѣ на Меридовомъ озерѣ упоминаетъ Савари.

Сіяла яркими звѣздами;
Дремали пальмы надъ водами,
Вершины томно преклоня,
Какъ дѣвы, отъ веселій дня
Уставъ, въ подушки пуховыя
Склоняютъ головы младыя;
Ночной упившися росой,
Лилеи съ дѣвственной красой
Въ роскошномъ снѣ благоухали,
И ночью листья освѣжали,
Чтобъ встрѣтить милый день пышнѣй;
Чертоги падшіе царей,
Въ величіи уединенья,
Великолѣпнаго видѣнья
Остатками казались тамъ:
По ихъ обрушеннымъ стѣнамъ,
Ночной ихъ стражъ, сова порхала
И ночь безмолвну окликала,
И временемъ, когда луна
Являлась вдругъ, обнажена
Отъ перелетнаго тумана,
Печально-тихая султана, *
Какъ идолъ на столпѣ сѣдомъ,
Сіяла пурпурнымъ крыломъ.
И что жъ?... Средь мирныхъ сихъ явленій,
Губительный пустыни геній
Пріютъ нежданый свой избралъ;
Въ Эдемъ сей онъ чуму примчалъ
Съ песковъ степей воспламененныхъ;

---

* Султана—прекрасная птица, названная такъ по ея величавости и блестящему синему цвѣту перьевъ. Носъ и ноги у ней также синіе. Они служили украшеніемъ храмовъ и дворцовъ у грековъ и римлянъ. [Птица эта темносиняго цвѣта, шея, грудь и щеки — бирюзоваго, ноги мяснаго краснаго, а клювъ—ярко-краснаго, а не синяго].

Подъ жаромъ крылій зараженныхъ
Вмигъ умираетъ человѣкъ,
Какъ быліе, когда протекъ
Надъ нимъ самуна вихорь знойной.
О, сколь для многихъ день, спокойно
Угаснувшій средь ихъ надеждъ,
Угасъ навѣкъ—и мертвыхъ вѣждъ
Ужъ не обрадуетъ денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сіяньемъ дремлющимъ луна
Сребритъ тѣла непогребенны;
Заразы ядомъ устрашенный,
Отъ нихъ летитъ и воронъ прочь;
Гіена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
Въ опустошенныя жилищи; *
И горе страннику, предъ кѣмъ
Незапно вспыхнувшимъ огнемъ
Блеснутъ вблизи изъ мрака ночи
Ея огромны-злыя очи!...
И Пери жалости полна;
И грустно думаетъ она:
«О смертный, бѣдное творенье,
За древнее грѣхопаденье
Цѣной ужасной платишь ты;
Есть въ жизни райскіе цвѣты—
Но змѣй повсюду подъ цвѣтами.»
И тихими она слезами
Заплакала—и все предъ ней
Вдругъ стало чище и свѣтлѣй:

* Жаксонъ упоминаетъ о моровой язвѣ, случившейся въ восточной Аравіи во время его тамъ пребыванія. Птицы въ это время удалялись отъ человѣческихъ жилищъ, гіены напротивъ того приходили на кладбища.

*

Такъ сильно слезъ очарованье,
Когда прольетъ ихъ въ состраданьѣ
О человѣкѣ добрый духъ...
Но близко водъ, и взоръ и слухъ
Манившихъ свѣжими струями,
Подъ ароматными древами,
Съ которыхъ вѣтвями слегка
Играли крылья вѣтерка,
Какъ младость съ старостью играетъ,
Узрѣла Пери: умираетъ,
Къ землѣ припавши головой,
Безмолвно мученикъ младой;
На лонѣ безпривѣтной ночи,
Покинутъ, неоплаканъ, очи
Смыкаетъ онъ; и съ нимъ ужъ нѣтъ
Толпы друзей, дотолѣ вслѣдъ
Счастливца милаго летавшей;
Въ груди, отъ смертныхъ мукъ уставшей,
Тяжелой язвы жаръ горитъ;
Вотще прохладный ключъ блеститъ
Вблизи для жаждущаго ока:
Никто и капли изъ потока
Ему не броситъ на языкъ;
Ни чей давно знакомый ликъ
Въ его послѣднее мгновенье—
Земли прощальное видѣнье—
Прискорбной прелестью своей
Не усладитъ его очей;
И не промолвитъ гласъ роднаго
Ему того прости святаго,
Которое сквозь смертный сонъ,
Какъ удаляющійся звонъ
Небесной арфы, насъ плѣняетъ,
И съ нами вмѣстѣ умираетъ.
О бѣдный юноша!... Но онъ

Въ послѣдній часъ свой ободренъ
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здѣсь жизнію была,
И съ нимъ одной душой жила,
Отъ яда ночи сей ужасной
Защищена подъ безопасной,
Подъ царской кровлею отца:
Тамъ зной отъ милаго лица
Рука невольницъ отвѣваетъ;
Тамъ легкій холодъ разливаетъ
Игриво брызжущій фонтанъ,
И отъ курильницъ, какъ туманъ,
Восходитъ амвры паръ душистый,
Чтобъ воздухъ зараженный въ чистый
Благоуханьемъ превратить.
Но, ахъ! конецъ свой усладить
Онъ тщетной силится надеждой
Подъ легкою ночной одеждой.
Съ горящей младостью ланитъ,
Ужъ дѣва прелести спѣшитъ,
Какъ чистый ангелъ исцѣленья,
Къ нему, въ пріютъ его мученья.
И часъ его ужъ наступалъ,
Но близость друга угадалъ
Страдальца взоръ полузакрытый;
Онъ чувствуетъ: ему ланиты
Лобзаютъ огненны уста,
Рука горячая слита
Съ его хладѣющей рукою,
И освѣжительной струею
Языкъ засохшій напоенъ...
Но что жъ?... Несчастный!... то сквозь сонъ
Одолѣвающей кончины
[Чтобъ страшныя своей судьбины

Съ возлюбленной не раздѣлить],
Ее отъ груди отдалить
Онъ томной силится рукою;
То, увлекаемый душою,
Невольно къ ней онъ грудь прижметъ;
То вдругъ уста онъ оторветъ
Отъ жадныхъ устъ, едва украдкой
На поцѣлуй стыдливо-сладкій
Дотолѣ смѣвшихъ отвѣчать.
И говоритъ она: «принять
Дай въ сердце мнѣ твое дыханье;
Мнѣ уступи свое страданье,
Мнѣ жребій свой отдай вполнѣ.
Ахъ! очи обрати ко мнѣ,
Пока ихъ смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью подѣлись со мной;
И въ смертный часъ свою мнѣ руку
Подай на смерть, не на разлуку...»
Но обезсилена, томна,
Вотще въ глазахъ его она
Тяжелымъ окомъ ищетъ взгляда:
Она ужъ гаснетъ, какъ лампада
Подъ душнымъ сводомъ гробовымъ.
Ужъ быстрымъ трепетомъ своимъ
Скончала смерть его страданье—
И дѣва, другу давъ лобзанье,
Съ послѣднимъ всей любви огнемъ,
Сама за нимъ въ лобзаньи томъ
Желанной смертью умираетъ.
И Пери тихо принимаетъ
Прощальный вздохъ ея души.
«Покойтесь, вѣрные, въ тиши;
Здѣсь посреди благоуханья,

Пускай эдемскія мечтанья
Лелѣютъ вашъ прекрасный сонъ;
Да будетъ услаждаемъ онъ
Игрою музыки небесной,
Иль пѣньемъ птицы той чудесной, *
Которая въ послѣдній часъ,
Торжественный подъемля гласъ,
Сама поетъ свое сожженье,
И умираетъ въ сладкопѣньѣ...»
И Пери, къ нимъ склоняя взглядъ,
Дыханьемъ райскимъ ароматъ
Окрестъ ихъ ложа разливаетъ,
И быстро, быстро потрясаетъ
Звѣздами яркаго вѣнца;
Исчезла блѣдность ихъ лица;
Ихъ существо преобразилось;
Два чистыхъ праведника, мнилось,
Тутъ яснымъ почивали сномъ,
Ужъ озаренные лучемъ
Святой денницы воскресенья;
И ангеломъ, для пробужденья
Ихъ душъ слетѣвшимъ съ вышины,
Среди окрестной тишины
Сіяла Пери надъ четою.
Но ужъ востокъ зажженъ зарею,
И Пери, къ небу свой полетъ
Направивъ, въ даръ ему несетъ
Сей вздохъ любви, себя забывшей,
И до конца не измѣнившей.
Надежду все раждало въ ней:
Съ улыбкой Ангелъ у дверей
Пріемлетъ даръ ея прекрасной;

* Фениксъ—баснословная птица, которая, проживъ тысячу лѣтъ, приготовляетъ себѣ костеръ, и пропѣвъ трогательную пѣснь, машетъ крыльями и сгараетъ на немъ отъ лучей солнечныхъ.

Звенятъ въ Эдемѣ сладкогласно
Деревъ кристальные звонки;
Въ лицо ей дышутъ вѣтерки
Амврозіей отъ трона Аллы;
Ей видны звѣздные фіалы,
Въ которыхъ, жизнь забывъ свою,
Безсмертья первую струю
Въ Эдемѣ души пьютъ святыя... *
Но все напрасно! роковыя
Предъ ней врата не отперлись.
Опять уныло: «удались!
[Сказалъ ей стражъ крылатый рая]
«Сей вѣрной дѣвы смерть святая
Записана на небесахъ;
И будутъ ангелы въ слезахъ
Ее читать... но видишь, Пери,
Кристальныя спокойны двери,
И свѣтлый рай не отворенъ;
Не унывай, доступенъ онъ;
Лети на землю съ упованьемъ.»

Сіяла вечера сіяньемъ
Отчизна розы Суристанъ, **
И солнце, неба великанъ,
Сходя на западъ, какъ корона,
Главу вѣнчало Ливанона,
Въ великолѣпіи снѣговъ
Смотрящаго изъ облаковъ,
Тогда какъ рдѣющее лѣто

---

* На берегу квадратнаго озера находится тысяча чашъ, составленныхъ изъ звѣздъ. Души, предопредѣленныя наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, пьютъ изъ нихъ кристальныя воды.

** Ричардсонъ полагаетъ, что Сирія получила свое названіе отъ suri, прекраснаго и нѣжнаго рода розановъ, которыми страна эта всегда славилась.

Въ долинѣ, зноемъ разогрѣтой,
У ногъ его роскошно спитъ.
О, сколь разнообразный видъ
Красы, движенья и блистанья
Являлъ сей край очарованья,
Съ эѳирной зримый высоты!
Лѣса, кудрявые кусты,
Потоковъ воды голубыя;
Надъ ними дыни золотыя,
Въ закатныхъ рдѣющи лучахъ
На изумрудныхъ берегахъ;
Старинны храмы и гробницы;
Веселыя веретеницы, *
На яркой стѣнъ ихъ бѣлизнѣ
Въ багряномъ вечера огнѣ
Сіяющія чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающіе съ вышины
На озаренны крутизны;
Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
Ихъ переливное сіянье,
Какъ бы сотканное для нихъ
Изъ радугъ пламенно-живыхъ
Безоблачнаго Персистана;
Святыя воды Іордана;
Сліянный шумъ волны, листовъ,
Съ далекимъ пѣньемъ пастуховъ,
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащія среди долины,
Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
Видъ усладительный... но, ахъ!
Для бѣдной Пери нѣтъ услады.

* Брюсъ пишетъ, что число ящерицъ, которыхъ онъ видѣлъ однажды на дворѣ храма солнца въ Бальбекѣ, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, что ими были покрыты камни его развалинъ, стѣны и земля.

Разсѣянно склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падшій солнцевъ храмъ она, *
Вечернимъ солнцемъ озаренный;
Его столпы уединенны
Въ величіи стояли тамъ,
По окружающимъ полямъ
Огромной простираясь тѣнью;
Какъ будто время разрушенью
Коснуться запретило къ нимъ,
Чтобъ поколѣніямъ земнымъ
Оставить о себѣ преданье.
И Пери въ тайномъ упованьѣ
Къ святымъ развалинамъ летитъ:
«Быть можетъ, талисманъ сокрытъ,
Изъ злата вылитый духами,
Подъ сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая намъ отверзать
И бездны океана темны,
И всѣ сокровища подземны,
И сверженнымъ съ небесъ духамъ
Опять къ желаннымъ небесамъ
Являть желанную дорогу.»
И съ трепетомъ она къ порогу
Жилища солнцева идетъ.
Еще багряный вечеръ льетъ
Свое сіянье съ небосклона
И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ...
Но что же вдругъ въ ея очахъ?
Долиной Баальбека ясной,
Какъ роза, свѣжій и прекрасный,

---

* Храмъ солнца въ Бальбекѣ.

Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
Огнемъ заката, гнался онъ
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться къ ней;
Среди ясминовъ и лилей
Она кружится непослушно,
И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушной,
Иль какъ порхающій рубинъ.
Уставъ, младенецъ подъ ясминъ
Прилегъ и въ листьяхъ угнѣздился.
Тогда вблизи остановился
На жарко-дышущемъ конѣ
Ѣздокъ, съ лицомъ, какъ на огнѣ,
Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ;
Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близъ минарета, * онъ съ коня
Спрыгнулъ, и на воды склоня
Лицо, студеныхъ струй напился.
Тутъ взоръ его оборотился,
Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
И улыбалось и глядѣло
Безъ робости на пришлеца,
Хотя толь страшнаго лица
Дотолѣ солнце не палило.
Свирѣпо-сумрачное было
Подобно тучѣ громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совѣсть
На немъ изобразила повѣсть

* Ошибка Жуковсакго, вмѣсто «имарета» подлинника. Imaret — пріютъ для странниковъ, гдѣ они содержались безплатно не свыше трехъ дней.

Страстей жестокихъ и злодѣйствъ:
Разбой, насильство, плачъ семействъ,
Грабежъ, святыни оскверненье,
Предательство, богохуленье —
Все написала жизнь на немъ,
Какъ обвинительнымъ перомъ
Неумолимый ангелъ мщенья
Записываетъ преступленья
Земныя въ книги роковой,
Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
Съ погибельной страницы смыла.
Краса ли вечера смирила
Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
Малютка тихо межъ цвѣтами;
И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи,
Какъ дымный факелъ, въ мракѣ ночи
Разврата освѣщавшій домъ,
Порой встрѣчается съ лучемъ
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался....
Младенецъ набожно поднялся
Съ цвѣтовъ, колѣна преклонилъ,
На югъ лицо оборотилъ,
И съ тихостью предъ небесами.
Самой невинности устами,
Промолвилъ имя божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно-сжаты руки....

Казалось, о концѣ разлуки
Съ Эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый херувимъ,
Земли на время поселенецъ.
О видъ прелестный! сей младенецъ,
Сіи святыя небеса....
И гордый Эвлисъ очеса,
Такимъ растроганный явленьемъ,
Склонилъ бы, вспомнивъ съ умиленьемъ
О свѣтлой рая красотѣ
И о погибшей чистотѣ.
А онъ?... Отверженный, несчастный!
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный, онъ стоялъ....
Увы! онъ памятью леталъ
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единой
Веселый берегъ, гдѣ бъ пристать,
И гдѣ бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той....
И грудь смягчилася тоской;
И онъ подумалъ: «время было,
И я, какъ ты, младенецъ милой,
Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
Какъ ты, молиться имъ умѣлъ,
И къ мирной алтаря святынѣ
Спокойно подходилъ.... а нынѣ?...»
И голову потупилъ онъ;
И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
Въ душѣ ожесточенной спало,
Чѣмъ сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты —

Все вдругъ предъ нимъ возобновилось,
И въ душу свѣжее втѣснилось;
И онъ заплакалъ.... онъ во прахъ
Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ.
О слезы покаянья! вами
Душа дружится съ небесами;
И въ тайный угрызенья часъ
Виновный знаетъ только въ васъ
Невинности святое счастье.
И Пери въ жалости, въ участьѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Надъ непорочнымъ и виновнымъ
Сіяющее—возвела;
Ея душа полна была
Неизъяснимымъ ожиданьемъ....
На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ приникнувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ
Главу, нагбенную смиреньемъ;
И быстро изъ его очей
Въ мирительную руку ей
Струя горячихъ слезъ бѣжала;
И на небѣ она искала
Отвѣта милости — слезамъ....
И все прекрасно было тамъ!
И были вечера свѣтилы,
Какъ яркія паникадилы
Въ небесномъ храмѣ зажжены;

И мнилось ей: изъ глубины
Того незримаго чертога,
Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
Умѣетъ сердце обрѣтать,
Къ землѣ сходила благодать;
И тамъ, казалось, ликовали:
Какъ будто ангелы летали
Съ веселой вѣстью по звѣздамъ;
Какъ будто праздновали тамъ
Святую радость примиренья —
И вдругъ, внезапнаго стремленья
Могуществомъ увлечена,
Уже на высотѣ она;
Уже предъ ней почти пропала
Земля; и Пери.... угадала!...
Съ потокомъ благодарныхъ слезъ,
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она воззрѣла....
«Прости земля!...» и улетѣла.

ЛАЛЛА РУКЪ.

Милый сонъ, души плѣнитель,
Гость прекрасный съ вышины,
Благодатный посѣтитель
Поднебесной стороны!
Я тобою насладился
На минуту, но вполнѣ:
Добрымъ вѣстникомъ явился
Здѣсь небеснаго ты мнѣ.

Мнилъ я быть въ обѣтованной
Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
Мнилъ я зрѣть благоуханный,
Безмятежный Кашемиръ;

Видѣлъ я: торжествовали
Праздникъ розы и весны,
И пришелицу встрѣчали
Изъ далекой стороны.

И блистая, и плѣняя —
Словно ангелъ неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Свѣтлый завѣсъ покрывала
Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты.

Все — и робкая стыдливость
Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной —
Все въ ней было безъ искусства
Неописанной красой.

Я смотрѣлъ — а призракъ мимо
[Увлекая душу вслѣдъ]
Пролеталъ невозвратимо;
Я за нимъ.... его ужъ нѣтъ!
Посѣтилъ, какъ упованье;
Жизнь минуту озарилъ;
И оставилъ лишь преданье,
Что когда-то въ жизни былъ.

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты:
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты;

Онъ поспѣшенъ, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ;
Но въ святомъ воспоминаньѣ
Неразлученъ съ сердцемъ онъ.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія бываетъ къ намъ.
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
Что нашъ міръ животворитъ;
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говоритъ;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ ввиду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду. *

---

* При первомъ напечатаніи въ Моск. Телеграфѣ [1827, № 5] это стихотвореніе имѣло еще слѣдующую заключительную строфу:

Кто же ты очарователь
Бѣдъ и радостей земныхъ?...
О небесный жизнодатель!
Мнѣ знакомъ ты; для другихъ
Нѣтъ тебѣ именованья:
Ты безъ имени имъ другъ!
Для меня жъ тебѣ названье
Сердце дало: Лалла-Рукъ!
1821.

Въ рукописи Жуковскаго послѣ стиховъ приписано:

Руссо говоритъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas: прекрасно только то, чего нѣтъ; это не значитъ только то, что не суще-

ЯВЛЕНІЕ ПОЭЗІИ

ВВИДѢ ЛАЛЛА РУКЪ.

Къ востоку я стремлюсь душою;
Прелестная впервые тамъ
Явилась въ блескѣ надъ землею
Обрадованнымъ небесамъ.

Какъ утро юнаго творенья,
Она плѣнительна пришла,
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

Вездѣ любовь ее встрѣчаетъ;
Цвѣтетъ ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняетъ
Обычай родины она.

ствуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу — но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни: величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастіе и еще болѣе несчастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго. И весьма понятно почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности — прекрасно только то, чего нѣтъ! Въ эти минуты живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено, и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ, и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія: иначе, отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія! Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно

Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
Востока пламеннымъ вѣнцомъ,
Богиня пѣсней молодая
На паланкинѣ золотомъ.

Какъ свѣжей утренней порою
Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

И намъ съ своей улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармонія святая
Ея, намъ мнилось, бытіе,
И мнилось, душу разрѣшая,
Манила въ рай она ее.

только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ, и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ ввиду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Намъ прощальную звѣзду.

И эта прощальная звѣзда на нашемъ небѣ есть знакъ того, что прекрасное было въ нашей жизни, и вмѣстѣ того, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ. Звѣзда на темномъ небѣ—она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ изъ дали и нѣкоторымъ образомъ сближаетъ насъ съ тѣмъ небомъ, съ котораго неподвижно намъ свѣтитъ. Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ. Наша душа въ лучшія минуты бытія открываетъ новыя звѣзды, которыя не даютъ и не должны давать полнаго свѣта. но, украшая наше небо, знакомя съ нимъ, служатъ въ то же время и путеводителями по землѣ.
1821, 6—18 марта. Берлинъ.

При ней всѣ мысли наши—пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ—все пѣсня въ ней.

КЪ ПОРТРЕТУ ГЕТЕ.

Свободу смѣлую принявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ —
И ничему не покорился.

ОБѢТЫ.

[изъ гете].

Будьте, о духи лѣсовъ, будьте, о нимфы потока,
Вѣрны далекимъ отъ васъ, доступны близкимъ друзьямъ.
Нѣтъ ихъ, нѣкогда здѣсь безпечною жизнію жившихъ;
Мы, смѣняя ихъ, имъ вслѣдъ смиренно ко счастью идемъ.
Съ нами любовь обитай богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое съ ней!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. А. АЛЯБЬЕВОЙ

[рожденной римской-корсаковой].

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
Тотъ день нечаянный такой
Межъ днями счастія замѣтитъ,
И скажетъ случаю «спасибо» всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо! всей душой сказалъ
За то, что мнѣ онъ на дорогу
Попутчикомъ любезнымъ далъ
Пріятное объ васъ воспоминанье.
На чужѣ страннику сей даръ благодѣянье!

Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый веселѣе вдвое!
Кто жъ разъ увидѣлъ васъ, тому невольно въ грудь
Вселяется желаніе живое:
Чтобъ въ жизни встрѣтить васъ еще когда нибудь,
Чтобъ, стóя счастія, вы и счастливы были,
Но чтобъ и новаго знакомца не забыли.

Карлсбадъ, 1821, 16—28 іюня.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

ПОВѢСТЬ ЛОРДА БАЙРОНА.

Зáмокъ Шильонъ—въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма—находится между Кларамомъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера [Лемана]. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтрё, Шателаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржь и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана; онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ,
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой,
Но не труды, не хладъ, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
З а в ѣ р у с м е р т ь и с т ы д ъ ц ѣ п е й,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины.
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колонъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ:
Лучъ, ненарокомъ съ вышины

Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу,
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я живой
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицо чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснею войны —
Но скоро то же и одно

Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?.... Но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца....
Увы! черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой....
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой,
Но духъ имѣлъ онъ боевой:

Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ....
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ—
И гробъ тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окружонъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупилися тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось—вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ;
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ какой всегда—
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окруженъ
Безъ воли былъ.... за чѣмъ молчать?
Онъ умеръ.... я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы....
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.

Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ;
«Въ темницѣ [мнилъ я] мертвыхъ сонъ
Не тихъ....» но былъ въ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ.... вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка.... Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;

Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но тамъ былъ страхъ—здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ.... увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ;
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи.... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ....
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ....
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь.... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный.... стѣна
Откликнулась.... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ.... къ брату.... брата нѣтъ!

Онъ на столбѣ—какъ вешній цвѣтъ
Убитый хладомъ—предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ—
Но въ ней покой ужасный былъ:
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой,
И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О, сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ
Что милому уже не быть.
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю—вѣра ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню.... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,

Столь ненавистный для очей:
То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ.... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ-оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго.... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся.... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ....
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ,
И мой пѣвѣцъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;

Онъ пѣлъ привѣтно надо мной....
Какъ много было въ пѣсни той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?.... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ....
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня....
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ.... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;

Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю.... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли.... я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ....
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
На красоту знакомыхъ горъ,

На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе—снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль бреговъ....
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега отплывалъ,
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,

И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ—то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь.... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ, казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ песытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ —
Шли годы—я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я—давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей.... тамъ все другъ,

Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку пріучилъ;
И.... столь себѣ невѣрны мы!....
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

1822.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

*

Анкрамморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ;

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на немъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня, за стѣной,
Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свистнулъ—и пажъ молодой,
На условленный свистъ прибѣжалъ.

— Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои:
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
Мнѣ теперь ты всю правду скажи;
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
И кто былъ у твоей госпожи?

«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ
[Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ].

И на первую ночь непогода была,
И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна—я узрѣлъ;

Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ! у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ почномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ:
И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала [я слышалъ]: «въ полуночный часъ,
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
Онъ теперь на свиданьи иномъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня.»

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти [былъ отвѣтъ];
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду.... мнѣ товарища нѣтъ.

«О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ.

«Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
Безопасенъ ты будешь со мной.»

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.

«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить;
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дни поминки творить.»

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.—
Онъ сказалъ.... и она.... я смотрю.... ужъ одна
У маяка пустынной скалы.»

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
— Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ!

«Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.»

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлецъ,

Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути,
   Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

«Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
   И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
   То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.»

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
   И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей,
   Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
   Гдѣ подъемлется мрачный Эльдопъ,
Ужъ три ночи какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
   Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
   Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
   Чернецы за его упокой.—

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
   Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
   Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена—и тиха и блѣдна,
   И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
   На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена.
   «Въ добрый часъ, благородный баронъ.
Что разскажешь ты мнѣ; рѣшена ли война?
   Поразилъ ли Боклю, иль сраженъ?»

— Англичанинъ разбитъ; англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей.—

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова.... ни слова и онъ;
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:
«Не пробудится онъ; не подымется онъ;
Мертвецы не встаютъ изъ могилъ.»

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой,
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днемъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей....
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

— Воротись, удалися, она говоритъ.
«Я къ свиданью тобой приглашонъ;
Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

«Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
На дорогѣ измѣной убитъ;
Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
Поминаютъ—и трупъ мой зарытъ.

«Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
И ужасный теперь ему сонъ!

И надолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ;

«Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ:
И сюда съ высоты не сошелъ бы.... но ты
Заклинала Ивановымъ днемъ.»

Содрогнулась она, и смятенья полна,
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ ли иль нѣтъ?...
Онъ печально потрясъ головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную небо караетъ любовь—
Ты сама будь свидѣтель тому.»

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ—
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

———

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были.

[13 іюля 1822].

ПОБѢДИТЕЛЬ.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ.
Всѣ—цвѣточки полевые;
А моя одна—какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгоралося забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце

Сквозь тяжелый твердый панцырь!
Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
Сталъ душѣ моей пожаромъ;
Сладкошепчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ;
И она—младое утро—
Стала мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ—
И ничто не устояло.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

[ИЗЪ ГЕТЕ].

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей.
Здѣсь подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близъ тебя.

ПОСЕЛЯНКА.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?....
Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ;

Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

ПОСЕЛЯНКА.

Взойди на верхъ горы:
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студёный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною;
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

ПОСЕЛЯНКА.

Иди впередъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Покрытый мохомъ архитравъ;
Я узнаю тебя, творящій геній!
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Все далѣ, странникъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время;
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,

Рукой творца нѣмому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

ПОСЕЛЯНКА.

Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ?
Подобныхъ много
Близъ хижины моей.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Гдѣ? Гдѣ?

ПОСЕЛЯНКА.

Тамъ, на вершинѣ,
Въ кустахъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Что вижу? Музы и Хариты.

ПОСЕЛЯНКА.

То хижина моя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Обломки храма.

ПОСЕЛЯНКА.

Вблизи бѣжитъ
И ключъ студёный,
Въ которомъ воду мы беремъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Не умирая, вѣешь
Ты надъ своей могилой,

О геній! надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье....
А ты безсмертенъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Помедли, странникъ, я подамъ
Кувшинъ, напиться изъ ручья.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудою обломковъ
Возносится чета столбовъ.
А здѣсь ихъ одинокій братъ.
О, какъ они—
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны—
Скорбя величественно, смотрятъ
На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій;
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежатъ они и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелитъ.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернъ посѣяла на немъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Какъ спитъ младенецъ мой!
Войдешь ли, странникъ,

Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшинъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прекрасенъ твой покой....
Какъ тихо дышетъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья.
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный,
О, будь съ тобой его великій геній;
Кого присвоитъ онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Услышь тебя Господь!... А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ!

ПОСЕЛЯНКА.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля

Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Жилище ваше здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ....
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ, какъ онъ играетъ!
О милый!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

О вѣчный сѣятель, природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Минувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, младая поселянка.

ПОСЕЛЯНКА.

Уходишь, странникъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца!

ПОСЕЛЯНКА.

Прости же, добрый путь!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?

ПОСЕЛЯНКА.

Дорога эта въ Кумы.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Далекъ ли путь?

ПОСЕЛЯНКА.

Три добрыхъ мили.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прости!
О, будь моимъ вождемъ, природа;
Направь мой страннический путь;
Здѣсь надъ гробами
Священной древности скитаюсь;
Дай мнѣ найти пріютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный
Топòлевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала.
Когда жъ въ вечерній часъ
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучемъ заката позлащенный:

Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ навстрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

ИЗЪ ЭНЕИДЫ ВИРГИЛІЯ.

Всѣ молчатъ, обративъ на Энея внимательны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинаетъ Эней-прародитель:
О царица, велишь обновить несказанное горе —
Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидѣтель,
Все, чего я былъ главная часть.... Повѣствуя объ этомъ,
Кто—мирмидонъ ли, долопъ ли, свирѣпый ли ратникъ Улисса—
Слезъ не прольетъ! Но влажная ночь уже низлетѣла
Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія звѣзды.
Если жъ толь сильно желаніе слышать о нашихъ страданьяхъ,
Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушенной Трои:
Сколь ни тяжко душѣ вспоминать о бѣдахъ толь великихъ,
Я повинуюсь. Войной утомленны, отверженны рокомъ,
Столько напрасно утративши лѣтъ, полководцы данаевъ
Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромнаго, плотныя ребра изъ крѣпкія сосны,
Въ жертву богамъ при отплытіи [такъ молва разгласила].
Тутъ избрàнныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ, тайно
Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища: полно
Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ бронею ратныхъ.
Близъ Иліона лежитъ Тенедосъ, знаменитый издревле
Островъ, обильный, доколѣ стояло царство Пріама,
Нынѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ ненадежная пристань.
Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ притаились данаи;

Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣтромъ попутнымъ въ Микены.
Тевкрія вся отъ тяжелой печали вдругъ отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волю, чтобъ лагерь дорійскій,
Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставленный, видѣть.
«Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ былъ Ахилловъ;
Здѣсь корабли ихъ; тамъ поле, гдѣ рати обычно сражались.»
Всѣ дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Всѣ дивятся великой громадѣ, и первый Тиметосъ —
Былъ ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужъ паденье Пергама рѣшила —
Въ городъ вовлечь и въ за̀мкѣ поставить коня предлагаетъ;
Но проницательный Каписъ и каждый, въ комъ ясенъ былъ разумъ,
Въ море совѣтуютъ козни данаевъ съ ихъ даромъ невѣрнымъ
Бросить, или предать огню и пепломъ развѣять,
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ обнаружить.
Такъ въ нерѣшимости мнѣній толпа волновалась. Но быстро,
Гнѣвенъ, стремится отъ за̀мка, одинъ впереди, провожаемъ
Сонмомъ шумящимъ народа, Лаокоонъ; издалека
Онъ возопилъ: «о несчастные! что за безумство, граждане!
Вѣрите ль бѣгству врага? Иль мните, что даръ нековарный
Могутъ оставить данаи? Такъ ли узнали Улисса?
Или ахеяне здѣсь, заключенные въ древѣ, таятся,
Или громада сія создана, чтобъ на гибель Пергаму
Въ домы наши глядѣть и градъ сторожить съ возвышенья,
Или коварство иное.... коню не ввѣряйтеся, тевкры!
Что здѣсь ни будь.... я данаевъ страшусь и дары приносящихъ!»
Такъ сказалъ, и копье тяжелое мощной десницей
Онъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево громады
Ринулъ; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звонъ издала, застенало въ нѣдрѣ глубокомъ.
Такъ, когда бы не боги, когда бъ не затменье разсудка,
Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желѣзо... и ты бы,

*

Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама!
Вдругъ дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и плескомъ
Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя
Хитрость и средство ахеянъ впустить въ Иліонъ, произвольно
Предалъ себя, отважный, на все готовый заранѣ:
Козни ль свои совершить, иль вѣрною смертью погибнуть.
Жадно троянскіе бросились юноши грека увидѣть;
Стали кругомъ, и спорятъ другъ съ другомъ, чтобъ плѣннымъ ругаться....
Свѣдай же хитрость ахеянъ; въ злодѣйствѣ единомъ
Всѣхъ ихъ узнай!
Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
Робко водилъ онъ кругомъ недовѣрчивый взоръ; напослѣдокъ:
«О, какая земля, какое море—воскликнулъ—
Примутъ меня, и что мнѣ теперь несчастливцу осталось?
Мѣста межъ греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожаетъ!»
Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы, откуда,
Что намѣренъ начать, за что судьбу упрекаетъ?
Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ:
«Чтобъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во первыхъ
Родомъ я грекъ — не таюсь; Синонъ быть можетъ несчастенъ,
Воля судьбы; но коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ.
Вѣрно молва донесла до тебя знаменитое имя,
Вѣрно слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына;
Славный вождь, но безвинно по злымъ наущеньямъ пелазговъ,
Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти,
Нынѣ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣпыхъ оплаканъ.
Сродникъ его, мой убогій отецъ, его попеченьямъ
Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну; и доколѣ
Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтѣ,
Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженье.
Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улиссовой злобы,

Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я, безплодно
Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго друга;
О безразсудный! я не смолчалъ, но смѣло грозился
Мстить за него, лишь только бъ въ Аргосъ возвратиться съ побѣдой
Боги велѣли! Угрозы мои распалили ихъ злобу.
Съ той минуты бѣды за бѣдами; Улиссъ неусыпно,
Самъ виновный, меня обвинялъ въ замышленьяхъ, коварно
Сѣялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.
Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Кальхаса....
Но почто продолжать безполезно-прискорбную повѣсть?
Что прибавлю? Когда вамъ всѣ греки равно ненавистны—
Вѣдать довольно: я грекъ; поражайте меня, вы Улиссу
Тѣмъ угодите, и щедро за то наградятъ васъ Атриды.»
Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства пелазговъ,
Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ Синона.
Снова началъ онъ робкую рѣчь съ лицемѣрнымъ смиреньемъ:
«Долгой осадой наскучивъ, безплодной войной утомленны,
Греки не разъ отъ упорныя Трои бѣжать замышляли.
О, почто сего не свершилось? Но бури отъ моря
Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ страшилъ ихъ.
Съ той же поры, какъ построенъ былъ конь сей изъ брусьевъ сосновыхъ,
Грозы съ небесъ не сходили и ливень шумѣлъ непрестанно.
Въ трепетѣ мы Эрифила узнать, что велитъ намъ оракулъ,
Въ Дельфы послали—съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ возвратился:
Греки, плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной
Вѣчныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ попутный:
Крови аргосскаго мужа и нынѣ за вѣтеръ возвратный
Требуетъ небо.—Едва разнеслось прорицанье въ народѣ,
Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли и трепетъ
Кости проникнулъ. Кому же жребій? Кто Фебова жертва?
Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Кальхаса пророка
Силой привлекъ предъ народъ, да откроетъ волю безсмертныхъ.

Многіе тутъ же, зная Улисса, мнѣ предсказали
Умыселъ злой на меня и ждали въ смятеньи, что будетъ.
Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссовымъ воплемъ,
Онъ произнесъ.... то было мое несчастное имя!
Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя трепетавшій,
Радъ былъ, что грозное всѣмъ одному обратилось въ погибель.
День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ жертву;
Были готовы и соль и священный пирогъ, и повязка
Мнѣ ужъ чело украшала.... но я [не скрою] разрушилъ
Цѣпи, скрылся въ болото, и тамъ, въ тростникѣ притаившись,
Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ паруса, удалились....
Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю видѣть!
Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно
Я не увижу! быть можетъ и то, что ихъ же невинныхъ,
Мнѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы погубятъ....
О всевышними, зрящими вѣчную правду богами,
О правотой неизмѣнною—если еще сохранилась
Гдѣ на землѣ правота—молю: яви сожалѣнье
Бѣдному мнѣ, и тронься на мой незаслуженный жребій!»
Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, проливающимъ слезы;
Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тяготящія узы
Съ плѣнника снять и ему съ утѣшительной ласкою молвилъ:
«Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ непріязненныхъ грекахъ;
Нашъ ты теперь; ободрись, и друзьямъ откровенно повѣдай:
Что знаменуетъ громадный сей конь? На что онъ воздвигнутъ?
Кѣмъ? Приношеніе ль богу какому? Орудіе ль брани?»
Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный коварства пелазговъ
Плѣнникъ, поднявши къ священному небу свободныя руки:
«Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные боги,
Васъ призываю [воскликнулъ], васъ, отъ которымъ бѣжалъ я,

Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повязка! Отнынѣ
Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ греками узы;
Греки враги мнѣ; свободно открою троянамъ ихъ тайны:
Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и законамъ отчизны.
Ты же мнѣ данный обѣтъ сохрани, сохраненная Троя,
Если тебѣ во спасенье великую истину молвлю.
Всѣхъ упованій подпорой, надежной помощницей въ битвахъ
Грекамъ Паллада была искони; но съ тѣхъ поръ, какъ преступный
Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымышлятель коварныхъ
Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей высокаго замка
Смерти предавъ, унесли, и рукой, отъ убійства кровавой,
Дѣвственно-чистыхъ богини одеждъ прикоснуться дерзнули—
Кончилась наша довѣренность къ ней, охладѣла надежда,
Сила упала, отъ насъ отклонилась богиня; и зрѣлись
Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только во станѣ
Былъ утвержденъ похищенный идолъ, ожившія очи
Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ зажглись, по членамъ соленый
Потъ проступилъ и трикраты [о страшное чудо!] богиня,
Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ потрясла, угрожая.
Намъ устрашеннымъ Кальхасъ не медля совѣтуетъ бѣгство.
Трое не пасть отъ аргивскія силы!—прорекъ онъ—иль снова
Греки должны вопросить оракулъ въ Аргосѣ, и моремъ
Взятый въ отчизну Палладіумъ вновь привезти къ Иліону.
Знайте жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ съ благовѣющимъ вѣтромъ,
Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ, чтобъ снова
Вслѣдъ за Калхасомъ войной на Пергамъ неожиданной грянуть.
Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ честь оскорбленной Тритоны
Ими воздвигнутъ сей идолъ, чтобъ ихъ святотатство загладить;

Самъ Кальхасъ повелѣлъ, чтобъ конь сей чудовищный созданъ
Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высился ростомъ огромнымъ
Къ небу, дабы не пройти во врата и не стать въ Иліонѣ
Грозной защитой народу по древнимъ сказаніямъ предковъ.
Вѣдай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель великая—о, да обрушатъ ее на Кальхаса
Праведны боги!—постигнетъ Пріамовъ престолъ и фригіянъ;
Если же сами коня возведете во внутренность града:
Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной оступитъ
Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ мстящая гибель.»
Боги! боги! притворнымъ рѣчамъ вѣроломца Синона
Жадно повѣрили мы.... и тѣ, кого ни Тидеевъ
Сынъ, ни Ахиллъ ѳессаліецъ, ни десять лѣтъ непрерывной
Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не умѣли—
Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились.

Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ предъ храмомъ на жертву....
Вдругъ, четой отъ страны Тенедоса, по тихому морю
[Вспомнивъ о томъ, трепещу!] два змѣя, возлегши на воды,
Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему брегу:
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины.
Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; всползаютъ на берегъ;
Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его малолѣтныхъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло, и, жадные втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши
Вдругъ на него, и спутавшись крѣпкими кольцами, дважды

Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ, и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки—
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ къ звѣздамъ онъ
подъемлетъ;
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
Быстро віясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.
Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко проник-
нулъ
Сердце; въ трепетѣ мыслимъ: достойно былъ дерзкій наказанъ
Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ святотатнымъ
Нѣдра пронзившій коню, посвященному чистой Палладѣ.
«Ввесть коня въ Иліонъ! молить о пощадѣ Палладу!»
Весь народъ возопилъ....

Стѣны поспѣшно пронзаемъ; разломаны града твердыни;
Всѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подкативши колеса,
Ставятъ громаду на нихъ, и шею канатомъ опутавъ,
Тянутъ.... шатнулось чудовище; воиновъ полное, въ городъ
Медленно движется; юноши вкругъ и безбрачныя дѣвы
Гимны поютъ и тѣснятся, чтобъ вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идетъ, угрожающій, стогнами Трои...
О отчизна! о градъ боговъ Иліонъ! о во брани
Славныя стѣны дарданскія! трижды въ воротахъ громада
Остановилась, трижды внутри зазвучало желѣзо....
Мы жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ и не слы-
шимъ.
Въ замокъ Пергама введенъ наконецъ истуканъ бѣдоносный.
Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами, напрасно
Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать о гряду-
щемъ;

Мы; слѣпцы, для которыхъ сей день былъ послѣдній, цвѣтами
Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ ликуя...
Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и ночь полетѣла
Съ моря, и землю и твердь и обманъ мирмидонянъ объемля
Тѣнью великой; по граду безпечно разсыпались тевкры.
Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.

Тою порой отъ бреговъ Тенедоса фалангу аргивянъ
Строемъ несли корабли въ благосклонномъ безлунія мракѣ
Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь только надъ царской кормою
Вспыхнуло пламя—судьбою боговъ намъ враждебныхъ хранимый,
Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ данаямъ
Отперъ коварный Синонъ: растворившися, грековъ на воздухъ
Конь возвратилъ; спѣшатъ изъ душнаго мрака темницы
Выдти вожди: Стенелъ и Тессандръ и Улиссъ кровожадный,
Смѣло по верви скользя, и за ними Ѳоасъ съ Аѳаманомъ,
Внукъ Пелеевъ Неоптолемъ, Магаонъ, напослѣдокъ
Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель Эпеосъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный городъ;
Стража зарѣзана; твердыя сбиты врата, и навстрѣчу
Ждущимъ у входа вождямъ мирмидоняне хлынули въ Трою.
Было то время, когда на усталыхъ сходить начинаетъ
Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
Вдругъ.... мнѣ заснувшему видится, будто Гекторъ печальный
Сталъ предо мной, проливая обильно горькія слезы,
Тотъ же, какимъ онъ являлся, конями размыканный, черенъ
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшія ноги.
Горе! такимъ ли видалъ я его? Какъ былъ онъ несходенъ
Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахилловой бронѣ,
Иль запалившимъ фригійскій пожаръ въ корабляхъ супостата.
Всклочена густо брада; отъ крови склеилися кудри;
Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вкругъ іліонскихъ
Стѣнъ полученными. Самъ, заливаясь слезами, казалось,

Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной рѣчью:
«О свѣтило Дарданіи! вѣрная Трои надежда!
Гдѣ такъ долго ты медлилъ? Гекторъ желанный, откуда
Нынѣ пришелъ ты? О, сколь же ты насъ, по утратѣ толикихъ
Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ и града,
Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недостойное свѣтлый
Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны?»
Онъ—ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ вниманья;
Но протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ груди,
Молвилъ: «бѣги, сынъ богини, спасайся; Пергамъ погибаетъ;
Врагъ во градѣ; падаетъ Троя; Пріаму, отчизнѣ
Мы отслужили; когда бы отъ смертной руки для Пергама
Было спасенье—Пергамъ бы спасенъ былъ этой рукою.
Троя Пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ; прими ихъ
Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя небомъ
Стѣны державныя, ихъ же воздвигнешь, исплававши море.»
Кончилъ—и вынесъ изъ тайны святилища утварь, повязки,
Вѣчно-пылающій огнь и ликъ всемогущія Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалася гибель.
Болѣ и болѣ—хотя въ сторонѣ, хотя одинокъ и не пышенъ,
Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрытъ былъ древесной—
Шумъ приближается; явственнѣй слышно волненіе брани.
Я очнулся, и ложе покинулъ; на верхнюю кровлю
Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ слушая ухомъ.
Такъ—когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ пламень
Въ жатвѣ, иль ливнемъ потокъ наводненный, съ горы загремѣвши,
Губитъ поля и веселыя нивы и трудъ земледѣльца,
Съ корнями рветъ и уноситъ деревья—съ вершины утеса
Въ смутномъ невѣдѣньи силится къ шуму прислушаться пастырь.
Все мнѣ тогда, и видѣнія тайна, и козни данаевъ
Вдругъ объяснилось. Ужъ домъ Деифобовъ горитъ и огромной
Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ пламенѣетъ
Укалегоновъ и заревомъ блещутъ Сигейскія воды;

Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я, какъ безумный, за мечъ.... но куда съ мечемъ обратиться?
Рвусь нетерпѣньемъ дружину созвать, чтобъ броситься въ замокъ;
Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и погибнуть
Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучительной жажду.
Вдругъ явился Панѳей, убѣжавшій отъ копій ахейскихъ,
Старецъ Панѳей, Отріадъ и въ замкѣ жрецъ Аполлоновъ.
Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ, младаго
Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался къ Анхизу.
«Есть ли надежда, Панѳей? Уцѣлѣли ль замка твердыни?»
Я вопросилъ; отчаяннымъ стономъ отвѣтствовалъ старецъ:
«День послѣдній насталъ; неизбѣжное время настало
Царству; мы были трояне, былъ Иліонъ, и великой
Тевкріи слава была.... на аргивянъ жестокій Юпитеръ
Все перенесъ; господствуютъ греки въ пылающемъ градѣ;
Гибельно высясь надъ площадью замка, ратниковъ сонмы
Конь извергаетъ; Синонъ, торжествуя, пожарное пламя
Тщится усилить; тамъ непрестанно двумя воротами
Вòйска безчисленны входятъ, какихъ не видали Микены;
Здѣсь, захвативши тѣсные выходы, сильная стража
Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещетъ
Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной, слабой дружиной
Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться.»
Страшною вѣстью Панѳея и силой безсмертныхъ влекомый,
Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
Говоръ сраженья и пламень и стонъ, ко звѣздамъ восходящій.
Слѣдомъ за мною Рифей и зрѣлый мужествомъ Ифитъ;
Къ намъ пристали при блескѣ пожара Димантъ съ Гипаннсомъ,
Къ намъ и Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведенный судьбою
За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ любовью,
Съ вѣрной помощью къ тестю Пріаму и Троѣ.... несчастный!
Купно съ другими вѣщимъ рѣчамъ вдохновенной невѣсты
Онъ не повѣрилъ....

Я же, ихъ видя рѣшительныхъ, жаждущихъ боя, воскликнулъ:
«Юные други! сердца, толь напрасно безстрашныя нынѣ!
Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
Силы послѣдней [что же Фортуна рѣшила, вы зрите:
Наши святилища бросили, наши покинули храмы
Боги, хранители Трои; святой Иліонъ исчезаетъ
Дымомъ], на смерть побѣжимъ, ударимъ въ средину оружій;
Други! спасенья не ждать—одно побѣжденнымъ спасенье.»
Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ темномъ туманѣ
Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,
Хищные волки и, пасти засохшія жадно разинувъ,
Ихъ волчата ждутъ въ логовищахъ: сквозь копья и сонмы
Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью.
Ночь несказанная! гдѣ слова для ея разрушеній?
Кто и какими слезами такую погибель оплачетъ?
Падаетъ древній градъ, многолѣтный властитель народовъ;
Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижно во прахѣ
Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святилищахъ храмовъ.
Но не одну безотпорную смерть принимаетъ троянецъ,
Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная бодрость, и гибнетъ
Грекъ-побѣдитель.... Вездѣ, отовсюду являются взору
Ужасъ и бой и кровавая смерть въ неисчисленныхъ видахъ.
Первый изъ грековъ, дружиною встрѣченный нашей на стогнахъ,
Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ ночи пріемля
Насъ за данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно воскликнулъ:
«Братья, спѣшите; гдѣ же такъ долго васъ задержала
Праздная лѣнь? Давно расхищаютъ горящую Трою
Греки; а вы едва съ кораблями разстаться успѣли.»
Такъ онъ сказалъ; но, узрѣвъ безотвѣтную нашу суровость,
Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и умолкнулъ,
Скованный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбудившій ногою,
Трепетенъ рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, развернувшись,

Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуи голубыя:
Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей.... но напрасно!
Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и не вѣдая града,
Вдругъ осажденные страхомъ, незапностью, ночью и нами,
Всѣ до единаго пали враги. Улыбнулась Фортуна
Первому нашему бою. Хоревъ воспаленной удачей,
«Други! воскликнулъ, отважимся ввѣриться первому счастью;
Намъ благосклонно судьба указуетъ нашъ путь; облачимся
Въ брони данаевъ, щиты перемѣнимъ; обманомъ иль силой—
Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
Греки троянамъ дадутъ.» Сказалъ и надѣлъ Андрогеевъ
Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на шуйцу,
Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему подражая,
Бодро Димантъ и Рифей и вся молодая дружина
Свѣжей добычей оружій себя ополчила; въ средину
Грековъ бѣжимъ.... но боги отчизны были не съ нами.
Подвиговъ много, врагами не узнанны, въ сумракѣ ночи
Мы совершили, много данаевъ низринуто въ Оркусъ.
Въ страхѣ одни къ кораблямъ, къ безопасному берегу моря
Мчатся изъ града; иныхъ загоняетъ постыдная робость
Въ нѣдра коня и пріемлетъ ихъ снова знакомое чрево.
Но.... богамъ отвратившимся, поздно ввѣряться надеждѣ!

Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распущенны,
Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи—
Очи одни—окованы были невинныя руки;
Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Хорева;
Онъ, обезумленный, прямо въ средину толпы ихъ; и сдвинувъ
Груди и копья, мы дружно за нимъ; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипѣлъ: Трояне, обмануты видомъ
Нашихъ греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ косматыхъ,
Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею стрѣлы;
Стонъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на Кассандрины вопли

Бросился врагъ; мы всѣ опрокинуты; съ бурнымъ Аяксомъ
Оба явились Атрида—за ними толпами данаи.
Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ, сшибаются вѣтры
Нотъ и Зефиръ и на легкихъ несомый коняхъ отъ востока
Эвръ и бушуютъ лѣса, и Нерей опѣненнымъ трезубцемъ
Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганны мракомъ ночнымъ и по граду
Нашей дружиной разсѣянны, вышли изъ тайныхъ убѣжищъ,
Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ узнали,
Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
Множество насъ задавило; первый мечемъ Пенелея
Палъ Хоревъ предъ святымъ алтаремъ броненосной Паллады;
Палъ и Рифей, изъ троянъ непорочнѣйшій, правды блюститель
[Иначе боги судили о немъ]; Димантъ съ Гипанисомъ
Пали отъ копій троянскихъ; ни Фебова риза, ни святость
Чистыя жизни тебя не спасли, о Панѳей благодушный.
Прахъ Иліона, всѣ блага мои поглотившее пламя,
Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чуждался ни копій
Вражьихъ, ни силы врага; и когда бы назначилъ мнѣ жребій
Пасть—я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы [за мною
Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный
Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ умирающій, раненъ Улиссомъ]
Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
Тамъ всѣ ужасы брани стеклися: какъ будто во градѣ
Не было битвы иной и нигдѣ никого не разили—
Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено греки рвалися
Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ напирали.
Множествомъ лѣстницъ унизаны стѣны; вверхъ по ступенямъ
Лѣзутъ данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ копья
Наши подставивъ, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпоръ, разоряютъ и башни и домы,
Вмѣсто оружій сбираютъ обломки съ намѣреньемъ грознымъ
Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая;
Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенны убранства
Падаютъ; мечъ обнажившп, другіе у вратъ осажденныхъ

Тѣсной дружиной столпясь, ограждають святилище прага.
Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріамова дома,
Ратныхъ усилить и бодраго духа придать побѣжденнымъ.
Были сокрытыя двери въ стѣнахъ высокаго замка,
Ходъ потаенный изъ внѣшняго града въ царево жилище;
Часто, во дни благоденствія Трои, ко свекру Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила
Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣтущимъ.
Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенью, откуда
Тщетно послѣднія стрѣлы на грековъ бросали трояне.
Тамъ воздымалась стремнистая башня, весь градъ перевыся;
Съ кровли ея неприступной видимы были вся Троя,
Всѣ корабли мирмидонянъ, весь греческій станъ отдаленный.
Тамъ, гдѣ она со стѣны висѣла громадою всею
Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ желѣзомъ подрыли
Сплоченны камни и двинули башню.... гремя и дымяся
Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на грековъ; погибшихъ смѣнили другіе, и градомъ
Стрѣлы, копья и камни опять полетѣли.
Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напитавшися ядомъ растеній,
Долго лежавъ неподвижно подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь надуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшися, блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина скиріянъ
Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной, двуострой сѣкирой
Рушитъ затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробитъ и плотныя доски
Вдругъ прорубилъ—широкою щелью разинулись двери.

Видимы стали и внутренній дворъ и ряды переходовъ,
Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріама,
Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители царскаго прага.
Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ, и шумъ, и волненье;
Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ отчаянье голосъ.
Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ, неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ переднихъ,
Ринулся грекъ, и врагами обители всѣ закипѣли.
Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ изъ бреговъ и, равнину
Шумнымъ разливомъ окрестъ потопивъ, стада и заграды
Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ яримаго Пирра;
Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся кровью въ обители царской;
Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ ея и Пріама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ чертоговъ, надежда
Столькихъ внуковъ, и стѣны, добычъ многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали—пожаромъ забытое схвачено грекомъ.

Знать пожелаешь, быть можетъ, царица, что было съ Пріамомъ.
Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
Видя врага, захватившаго внутренность царскаго дома,
Старецъ давно-позабытую броню на хилыя плечи,
Сгорбленный тягостью лѣтъ, чрезъ силу надѣлъ, безполезный
Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.

Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ открытымъ
Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтняго лавра
Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Напрасно—укрывшись
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви—кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали.
Вдругъ царица одѣтаго бронею младости бранной
Видитъ Пріама. «Куда ты, бѣдный супругъ? [возгласила]
Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?
Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и великій мой Гекторъ.
Съ нами останься, Пріамъ; алтарь защититъ насъ,
Или умремъ неразлучны.» Сказала и, руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.
Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжавшій Политосъ,
Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья, сквозь сонмища вражьи,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами, раненый мчится;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится.... близко; нагналъ, достигнулъ желѣзомъ; пронзенный
Къ лону родителей кинулся юноша въ страхѣ, предъ ними
Палъ, содрогнулся.... и жизнь пролилася потоками крови.
Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ погибая,
Онъ не стерпѣлъ толь великаго горя и гнѣвно воскликнулъ:
«О чудовище! Боги тебѣ, святотатный убійца,
Боги—если живетъ въ небесахъ правосудная жалость —
Мзду ниспошлютъ; по заслугѣ получишь награду, губитель,
Ты, предо мной моего растерзавшій послѣдняго сына!
То ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ отца поносимый,
Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ, краснѣя, почтилъ униженье
Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ бездушное тѣло
Гектора сына и въ Трою меня отпустилъ безобидно.»

Такъ онъ сказалъ и копье безсильное слабой рукою
Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвенѣвшую глухо,
Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: «иди же съ поносной отсюда
Вѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
Пирра повѣдать ему; теперь же умри.» Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣдинами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницей
Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти.
Такъ совершилася участь Пріама; такъ онъ покинулъ
Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье
Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь.... и великое тѣло на брегѣ пустынномъ
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавленно, трупъ безъименный.

Тутъ впервые мнѣ ужасъ предчувствія душу проникнулъ:
Я обомлѣлъ; я о миломъ старцѣ родителѣ вспомнилъ,
Видя, какъ дряхлый ровесникъ его подъ рукой безпощадной
Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой Креузѣ, о домѣ,
Преданномъ греку во власть, о судьбинѣ младенца Іула.
Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною сподвижниковъ ратныхъ?
Всѣ исчезли; одни, утомленные битвою, съ башни
Прянули въ городъ; другіе отчаянно кинулись въ пламень;
Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи храма
Весты, робкобезмолвную, скрытую въ темномъ притворѣ,
Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яркомъ пожара
Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ, все оку являлося яснымъ.
Тамъ, опасаясь троянъ, раздраженныхъ паденьемъ Пергама,
Злобы данаевъ и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая Фурія, жертвенникъ Весты объемля,
Въ храмѣ, богамъ ненавистная, тайно сидѣла Елена.
Вспыхнуло сердце во мнѣ: отомстить за погибель отчизны
Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленья виновницу жажду.
«Ей ненаказанной Спарту узрѣть! въ родныя Микены

Гордой царицей вступить, торжествуя! увидѣть супруга,
Домъ родительскій, чадъ, окруженной прискорбной толпою
Дѣвъ иліонскихъ и плѣнныхъ троянъ!.... А Пріамъ ужъ зарѣ-
занъ,
Троя горитъ и Дарданія цѣлая кровью дымится!
Нѣтъ! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубійцѣ, пускай для него безпохвальна побѣда—
Свѣтъ отъ чудовища должно очистить; кровавою местью
Сердце свое утолю и пепелъ моихъ успокою.»
Такъ я, себя раздражая, злобой кипящій, стремился.
Вдругъ передъ очи мои, откровенная, мракъ осіявши
Яркимъ блистаньемъ, великой богиней, какою лишь небо
Знаетъ ее, предстала мать и, меня удержавши,
Молвила такъ мнѣ устами, живыми какъ юная роза:
«Сынъ, для чего необузданной скорбію гнѣвъ пробуждаешь?
Что за безумство? Ужели оставилъ о насъ попеченье?
Прежде помысли о томъ, гдѣ покинутъ тобою родитель,
Дряхлый Анхизъ, не погибли ль супруга Креуза и юный
Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обители бѣшено рыщетъ
Грекъ и давно бы, когда бъ не моя берегла ихъ защита,
Ихъ истребило желѣзо и пламень враждебный похитилъ!...
Нѣтъ! не Паридъ, похититель преступный, не образъ спар-
танки,
Низкой Тиндаровой дочери—боги, разгнѣванны боги
Вашъ опрокинули градъ и сразили величіе Трои.
Зри—я всякое облако, нынѣ темнящее слабый
Смертнаго взоръ и облекшее все предъ тобою туманнымъ
Мракомъ, подъемлю—но только моимъ повелѣніямъ смѣло
Сынъ покорись и безспорно мои поученья исполни.
Тамъ, гдѣ видишь разбросанны груды, утесъ на утесѣ,
Гдѣ подымается черное облако праха и дыма,
Тамъ Посидонъ великимъ его потрясенны трезубцемъ
Стѣны дробитъ и, подрывъ основанья, весь городъ въ обломки
Рушитъ; здѣсь безпощадная Ира, на Скейскихъ воротахъ
Грозно воздвигшись, союзную рать съ кораблей къ Иліону,

Броней звучащая, кличетъ...
Тамъ—оглянися—на замкѣ, надъ градомъ Тритона-Паллада
Сѣла, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
Самъ Вседержитель и бодрость и бранную силу низводитъ
Свыше на грековъ, и самъ на дарданъ подымаетъ все небо.
Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй сражаться;
Буду съ тобой; невредимо достигнешь родительской сѣни.»
Такъ сказала и скрылась въ глубокую бездну ночную.
Грозные лики тогда мнѣ предстали; разящія Трою
Силы великихъ боговъ я увидѣлъ...
Тутъ открылось, какъ, страшно разрушенъ, въ огнѣ распадался
Весь Иліонъ и въ обломки валилась Нептунова Троя.
Такъ на густой прародительскій ясень, горы украшенье,
Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки, столпясь, нападаютъ;
Споря проворствомъ, разятъ топоры; благородное древо
Зыблется, сѣнью шумитъ, волосистой главою трепещетъ,
Мало по малу подъ ранами клонится... вдругъ, изнемогши,
Стонетъ и падаетъ, всю заваливъ разрушеніемъ гору...
Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду черезъ пламень,
Мимо враговъ: раздвигаются копья, огонь уступаетъ.
Къ древней обители, къ прагу священной родительской сѣни
Скоро достигъ я, и первой заботой въ защитное мѣсто,
На гору старца отца перенесть. Приближаюсь къ Анхизу—
Трою свою пережить и себя осудить на изгнанье
Старецъ отрекся. «Вы, сохранившіе бодрую младость,
Вы, нелишенные мужеской силы годами, спѣшите
Бѣгствомъ спасаться [сказалъ онъ].
Если бъ державные боги конецъ мой отсрочить хотѣли—
Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но слишкомъ довольно
Зрѣть и однажды погибель своихъ и сожженіе града.
Съ миромъ идите, почтивши мое полумертвое тѣло
Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ обрѣту, иль, жалѣя,
Врагъ умертвитъ старика. Не страшна погребенья утрата;
Слишкомъ долго, противный богамъ, на землѣ я промедлилъ,

Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ безсмертныхъ и смертныхъ владыка
Вѣяньемъ молній своихъ и громомъ ко мнѣ прикоснулся.»
Такъ говорилъ мой родитель въ жестокомъ намѣреньи твердый,
Мы же въ слезахъ—и я, и Креуза, и юный Асканій
Сынъ мой, и съ нами домашніе—молимъ, чтобъ вмѣстѣ съ собою
Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду не ввергался...
Тщетны моленья; покинуть свой домъ непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущій смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?
«Какъ, родитель, чтобъ я убѣжалъ, объ отцѣ позабывши,
Требовалъ ты? Изъ родительскихъ устъ толь обидное слово!
Если назначили боги, чтобъ не было Трои великой,
Если тобой рѣшено истребить съ истребляемымъ градомъ
Насъ и себя—для погибели нашей двери отверсты:
Скоро Пріамовой кровью дымящійся Пирръ, умертвивши
Сына предъ взоромъ отца и отца предъ святыней Пенатовъ,
Явится здѣсь! Для того ли сквозь бой и пожаръ, о богиня,
Я проведенъ, чтобъ, врага допустить во святилище дома,
Видѣть, какъ сынъ мой Асканій, и дряхлый отецъ, и Креуза.
Кровью другъ друга обливъ, предо мною истерзаны будутъ?
Дайте оружія, воины; время пришло роковое;
Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ силы послѣдней;
Въ бой, друзья! мы не всѣ неотмщенные нынѣ погибнемъ.»
Мечъ опоясавъ и щитъ свой надвинувъ на шуйцу, изъ дома
Выдти спѣшу; но Креуза, упавъ со слезами на прагѣ,
Ноги мои обняла и, сына младенца подъемля
Къ лону отца, возопила: «если себя на погибель
Ты осудилъ—да погибнемъ съ тобою и мы неразлучно!
Если жъ осталось тебѣ унованье на мечъ и на силу—
Прежде свой домъ защити; здѣсь младенецъ Іулъ; здѣсь отецъ твой;
Здѣсь Креуза... ее называлъ ты донынѣ своею.»
Такъ вопіяла супруга, стенаньемъ весь домъ оглашая.

Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ совершилося чудо:
Сына Іула съ печалью родительской мы обнимали—
Вдругъ надъ его головою сверкнуло эөирное пламя,
Въ кудри власовъ, не палящее, вѣяньемъ тихимъ влетѣло,
Пыхнуло ярко, и вкругъ головы обвилося блистаньемъ.
Въ трепетѣ страха мы отряхаемъ горящіе кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.
Чуда свидѣтель, Анхизъ, оживленныя радостью очи
Къ небу возвелъ и, дрожащія длани подъемля, воскликнулъ:
«О вседержитель Зевесъ! когда ты молитвамъ доступенъ,
Призри на насъ, о единомъ молящихъ: если достойны,
Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью дай подтвержденье.»
Только промолвилъ Анхизъ—помутилося небо и страшно
Грянуло влѣвѣ; и быстро упадшая съ темныя тверди,
Мракъ лучезарной разсѣкши браздой, звѣзда побѣжала...
Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ нашею кровлей,
Свѣтлая, вдаль покатилась и, путь нашъ означивъ блистаньемъ,
Пала за Идою въ рощу... долго, протянутъ вдоль неба,
Слѣдъ пламенѣлъ и запахомъ сѣрнымъ дымилась окрестность.
Тутъ побѣжденный старецъ-родитель подъемлется съ ложа,
Молитъ боговъ и творитъ поклоненье звѣздѣ путеводной.
«Все рѣшено—возгласилъ онъ—боги отчизны, ведите;
Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и внука; то ваше
Знаменье было, и въ вашемъ могуществѣ есть еще Троя;
Вамъ покоряюсь; мой сынъ предводи; за тобою отецъ твой.»
Такъ онъ сказалъ... и уже приближался къ обители нашей
Съ трескомъ пожаръ и шумящаго пламени зной опалялъ насъ.
«Время, родитель; на плечи сыновнія сядь [возгласилъ я],
Дай мнѣ мои подклонить рамена подъ священное бремя.
Что бы ни встрѣтило насъ на пути—одно намъ спасенье,
Гибель одна; перестанемъ же медлить; младенецъ Асканій
Рядомъ со мною пойдетъ; въ отдаленьи за нами Креуза.
Вы же, служители дома, замѣтьте, что вамъ повелю я:
Есть при исходѣ изъ града холмъ и на холмѣ Церерин

Древле покинутый храмъ; передъ нимъ кипарисъ престарѣлый,
Съ давнихъ временъ сохраненный почтеніемъ набожныхъ пред-
ковъ.
Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сторонъ соберитесь.
Лики Пенатовъ и утварь тебѣ повѣряю, родитель;
Я же, пришедшій изъ битвы, рукою кровавой не смѣю
Къ нимъ прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньемъ
Свѣжія влаги....»
Съ сими словами, широкія плечи склоня, и на выю
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львиную кожу,
Старца подъемлю; идемъ; Асканій, мою обхвативши
Крѣпко десницу, бѣжитъ, торопяся шагами неровными съ боку;
Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираяся мглою по стогнамъ:
Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смотрѣвшій на тучи
Стрѣлъ и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя грековъ,
Тутъ при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ, при шорохѣ каждомъ
Медлилъ, робѣя за спутника, въ страхѣ за милую ношу.
И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ что опасный
Путь совершился.... вдругъ не вдали голоса раздалися,
Что-то мелькнуло, послышался топотъ. Пристально въ сумракъ
Смотритъ Анхизъ: мой сынъ, мой сынъ, бѣги! возопилъ онъ.
Идутъ! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!...
Кто изъяснитъ? Божество ли какое враждебною силой
Умъ мой смутило.... но, въ сторону бросясь, чтобъ мнимой
Встрѣчи избѣгнуть, далекимъ обходомъ я вышелъ изъ града;
Боги! Креуза исчезла; во тьмѣ ль, ослѣпленная рокомъ,
Сбилась съ дороги, иль гдѣ отдохнуть, утомленная, сѣла—
Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ ея не встрѣчали.
Только тогда я утрату, опомнясь, замѣтилъ, когда мы
Холма святаго и древняго храма Цереры достигли.
Тамъ собралпсь мы, убогій остатокъ троянъ—а Креузы
Не было, къ горю сопутниковъ, сына, отца и супруга.
О, кого изъ людей и боговъ я не клялъ, изступленный!
Было ли что для меня и въ паденьи Пергама ужаснѣй?
Сына Іула съ Анхизомъ-отцомъ и съ Пенатами Трои

Спутникамъ ввѣривъ, въ излучинѣ дола велю имъ укрыться;
Самъ же, блестящей одѣтый броней, возвращаюся въ Трою.
Вновь рѣшено боевые труды испытать, по горящимъ
Стогнамъ Пергама промчаться, и грудь подъ удары подставить.
Къ темному прагу воротъ, чрезъ который мы вышли изъ града,
Прежде спѣшу, чтобы снова по свѣжему нашему слѣду
Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣться въ примѣты;
Всюду ужасъ! даже молчаніе въ трепетъ приводитъ!
Къ дому Анхиза—не тамъ ли она, не туда ли ей случай
Путь указалъ—я бѣгу: но данаи ужъ грабили домъ нашъ;
Все испровергнуто; съ воплями врагъ по обители рыскалъ;
Пламень пожара уже прошибалъ изъ-подъ верхнія кровли;
Вихремъ взвивалися искры и въ воздухѣ страшно гремѣло.
Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому замку:
Боги! боги! въ притворѣ пустаго Юнонина храма
Звѣрскій Улиссъ и Фениксъ у добычи стояли на стражѣ:
Тамъ сокровища Трои, богатства сожженныхъ святилищъ,
Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и ризы
Въ грудахъ лежали; младенцы и блѣдныя матери длиннымъ
Строемъ стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ я во мракѣ
Голосъ возвысить; печальный мой кликъ раздавался по стогнамъ.
Гдѣ ты, Креуза? взывалъ я, взывалъ.... но было напрасно.
Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зданій я бѣгалъ....
Вдругъ передъ очи мои появилася призракомъ, легкой
Тѣнью она.... и казалась возвышеннѣй прежняго станомъ.
Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой замеръ.
Тихо съ улыбкой, смиряющей душу сказала Креуза:
«Тщетной заботѣ почто предаешься, безумно печалясь?
О Эней, о сладостный другъ, не безъ воли безсмертныхъ
Было оно; мнѣ не должно идти за тобой изъ Пергама;
То запрещаетъ владыка небесъ громодержецъ Юпитеръ.
Долго изгнанникомъ будешь браздить безпредѣльное море;
Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго Тибра по тучнымъ,

Люднымъ равнинамъ обильно-медлительнымъ токомъ ліются,
Свѣтлое счастье и царскій вѣнецъ, и невѣсту царевну
Ты обрѣтешь. Не томи жъ по Креузѣ утраченной сердца:
Нѣтъ! ни дверей мирмидона, ни пышныхъ чертоговъ долопа
Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка....
Быть при себѣ мнѣ судила великая матерь безсмертныхъ:
Ты же прости; поминай о супругѣ любовію къ сыну.»
Смолкла и тихо со мной, проливающимъ слезы, разсталась;
Много хотѣлъ я сказать, но она улетѣла; трикраты
Я за летящею тѣнію руки простеръ и трикраты
Легкая тѣнь изъ напрасно-объемлющихъ рукъ ускользнула,
Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ сонъ мимолетный.
Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ товарищамъ бѣгства;
Много толпою притекшихъ изъ Трои сопутниковъ новыхъ
Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно утративъ отчизну,
Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснилися тамъ, приготовясь
Вмѣстѣ со мной за морями искать обреченнаго брега.
И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный Люциферъ,
Юнаго дня благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
Заперты были врагомъ.... упованье исчезло! судьбинѣ
Я уступилъ—и Анхиза понесъ на высокую Иду.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;

Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ.... покрывало подняла....
Трикраты имъ куда-то поманила....
И скрылася.... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье....
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

ТАИНСТВЕННЫЙ

ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?
И за чѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?

Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?....
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ,
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Снятъ покровъ; любви не стало;
Жизнь пуста и счастье сонъ.

Не волшебница ли дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ,
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь поэзія была?....
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?

Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ.

МОРЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу....
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;

Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты небомъ любуясь, дрожишь за него.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ. *

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно разцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
Младой денницей пробужденъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

---

* Стихи, написанные въ альбомъ Н. И. И. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ непонятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываешь васъ.
Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два не надменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія,
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы — цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

ПѢСНЯ.

Отымаетъ наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;

Не одно ланитъ пыланіе
Тратимъ съ юностью живой —
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ;
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Челнъ безпарусный манитъ.

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
Къ наслажденью охлажденная,
Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или прежнее ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ —
То обманъ; то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій —
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.

Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши;
Такъ и слезы — освѣженіе
Запустѣвшія души.

---

* * *

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно —
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата?
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ —
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой алтарь священной,
О геній чистой красоты!

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда —
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье;
Былое сбудется опять.

1823.

19-го МАРТА 1823.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

ОТВѢТЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ

НА ЕГО СТИХИ: ВОСПОМИНАНІЕ.

Ты въ утѣшители зовешь воспоминанье,
Глядишь безъ прелести на свѣтъ,
И раззнакомилось съ душой твоей желанье,
И вѣры къ будущему нѣтъ.

О другъ, въ твоемъ мое мнѣ сердце отозвалось:
Я понимаю твой удѣлъ;
И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
И мой свѣтильникъ поблѣднѣлъ;

Смѣнилъ блестящія мечтательныя краски
Однообразной жизни свѣтъ;
Изъ-подъ обманчиво-смѣющіяся маски
Угрюмый выглянулъ скелетъ.

На что же, другъ, хотѣть призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы:
Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье;
На небо взглянемъ изъ тюрьмы.

АНГЕЛЪ И ПѢВЕЦЪ.

Кто ты, ангелъ свѣтлоокой,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой?

«Прилетѣлъ я изъ прекрасной
Полуденной стороны,
Гдѣ безъ зноя небо ясно,
Гдѣ предѣлъ младой весны».

Сладко мнѣ твое явленье!
Гость воздушный, въ добрый часъ!
Полюбуйся на творенье
И на сѣверѣ у насъ;

Но плѣнительному югу
Для чего жъ ты измѣнилъ?...
«Небомъ данную подругу
Я на сѣверъ проводилъ.

«Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
Сѣннолиственны шумятъ,
Гдѣ на холмѣ пурпуровый
Созрѣваетъ виноградъ,

«Тамъ, сердца̀ обворожая
Тихой прелестью своей,
Непорочно молодая
Разцвѣтала дочь царей.

«Спутникъ ей отъ колыбели,
Тайно зрѣлъ я, какъ въ тиши
Родилися и созрѣли
Красоты ея души.

«Провидѣніе судило
Вамъ питомицу мою.
Даръ примите; все, что мило,
Съ нею вамъ передаю.»

Свѣтлый ангелъ, съ лучезарной
Путеводною звѣздой,
Милый даръ твой благодарно
Принимаетъ сѣверъ мой.

Здѣсь, подъ сѣнію державы
Благотворныя, живетъ,
Вѣрный ей, достойный славы
И прославленный народъ.

И любима имъ младая
Будетъ спутница твоя;
Здѣсь готова ей родная
Съ нѣжной матерью семья.

И съ довѣрчивымъ участьемъ,
Съ сердцемъ, гдѣ добро живетъ,
Здѣсь ее дѣлиться счастьемъ
Дружба радостная ждетъ.

И младой душѣ супруга
Жизнь другую дастъ она,
И союза ихъ подруга
Будетъ радость имъ вѣрна!...

Ты же, ангелъ, проводившій
Къ намъ ее въ полночный край,
Ты, досель ее хранившій,
И отнынѣ сохраняй.

«Навсегда съ ея душою
Будетъ вѣрный ангелъ жить,
И хранительной звѣздою
Неизмѣнно ей свѣтить.

«И уже въ странѣ лазурной,
За границею земной,
Духи жизни съ тайной урной
Собрались передъ судьбой:

«Умоляютъ, уповаютъ,
Съ умиленной вѣрой ждутъ,
И цвѣтами обвиваютъ
Полный жребіевъ сосудъ.»

Дай обѣтамъ исполненье;
О судьба, не измѣни!
Провидѣнье, провидѣнье,
Защити и сохрани!

Гатчина. Окт. 5, 1823.

ДВА ПОСЛАНІЯ

КЪ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ И ГР. ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ГЕНДРИКОВОЙ. *

ВЪ ГАТЧИНѢ.

I.

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная графиня,
Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?
Ея высочество великая княгиня
Сей часъ за тайну мнѣ изволила сказать,
Что вы давно ужъ прочитали
Тотъ розовый романъ,
Въ которомъ нехристи такъ мучатъ христіанъ,
Гдѣ есть Малекъ-Адель, Матильда, Лузиньянъ, **
И прочее. Вамъ нѣтъ заботы; вы узнали,
Чѣмъ кончилась бѣда въ Рихардовыхъ шатрахъ:
Соединился ль онъ съ женою
И что случилось съ той чудесною сестрою,

* В. П. — дочь генералъ-ад. Павла Петровича Ушакова, бывшаго воспитателемъ великихъ князей сыновей императора Павла. Графиня П. А. Гендрикова, рожденная княжна Хилкова—первая жена шталмейстера графа Александра Ивановича.

** Матильда—романъ г-жи Коттенъ.

Которой нравится герой Малекъ-Адель,
Какъ итальянцу вермишель?
Но я, признаться вамъ, въ великомъ затрудненьѣ
И только что успѣлъ войти въ Птолемаисъ;
Вокругъ меня еще и драки и волненье,
И нехристи еще шумѣть не унялись:
Въ такомъ опасномъ положеньѣ
Кому пріятно быть?
Къ тому жъ хотѣлъ бы я [готовъ и въ томъ признаться]
Скорѣй до свадьбы дочитаться,
Малекъ-Аделя окрестить,
И на монахинѣ женить.
Прошу васъ, горю помогите
И розовый романъ Жуковскому пришлите.

II.

Варвара Павловна! графиня! помогите,
Отъ васъ однѣхъ отрады жду!
Хотите ль знать мою бѣду?
Прочтите:
Вчера, извѣстно вамъ, мы вмѣстѣ за столомъ
Ея высочества великія княгини
Обѣдали; былъ споръ о томъ и о другомъ;
Потомъ,
Мнѣ помнится упалъ изъ рукъ графини
[Любезнѣйшей изъ всѣхъ любезныхъ Катеринъ]
Неосторожный апельсинъ;
Потомъ нашъ графъ Моденъ, съ пріятнѣйшимъ привѣтомъ,
На зло сосѣдкамъ злымъ, мнѣ въ шляпу положилъ
Матильду и съ причетомъ:
Съ Агнесой, Глостеромъ, съ угрюмою толпой
Степныхъ разбойниковъ, съ святымъ анахоретомъ,
Съ Малекъ-Аделемъ, и съ войной.
И я подумалъ: въ шляпѣ дѣло!

Пришелъ домой,
Но что же? Боже мой!
Ужъ въ шляпѣ у меня несчастіе скипѣло.
Матильда, чробъ спасти Рихардову жену,
Осталася въ плѣну,
Глазами плакала, а сердцемъ восхищалась,
Что плѣнницей осталась;
Герой Малекъ-Адель, какъ вѣтреный дитя,
Пустился въ разныя проказы:
Разсудка здраваго послушать не хотя,
Забывъ султановы указы,
Матильду онъ съ собой на шлюпку посадилъ;
И въ первый разъ тогда великолѣпный Нилъ
Увидѣлъ, какъ деспотъ Востока
Къ ногамъ невольницы смиренно положилъ
Могущество, любовь, желанье и Пророка.
Но были бъ всѣ его труды по-пустякамъ,
Когда бъ не вздумалось Матильдѣ по пескамъ
Пустыннымъ прогуляться,
Чтобъ незнакомому отшельнику признаться
Въ такой винѣ, въ которой безъ вины
Мы были, будемъ, быть должны
Обвинены!
Матильда каялась—но къ счастью не успѣла
Докаяться; толпа разбойниковъ степныхъ
Въ часъ добрый налетѣла,
Чтобъ исповѣдь прервать; и тутъ все слѣдомъ имъ
Какъ будто по звонку явился
Малекъ-Адель герой
Съ мечемъ, съ верблюдами, палаткой и водой.
Съ разбойниками онъ ни мало не чинился,
Онъ по-просту ихъ всѣхъ оставилъ безъ головъ;
Матильду жъ взялъ; съ отцомъ духовнымъ не простился,
И былъ таковъ!
И на пути, въ степи, подъ страшнымъ зноемъ

Полумонахиня была обручена
С полукрестившимся героемъ
И радъ былъ этому проказникъ сатана!
Но это ли бѣда? бѣда надъ головою!
Султанъ, разгнѣванный сей свадьбою степною,
Отправилъ палачей за мужемъ и женою.
Матильда, правда, спасена,
Но другъ Малекъ-Адель!... Что будетъ онъ несчастной?
Я въ шляпѣ роюся напрасно:
Въ ней ничего ужъ болѣ нѣтъ.
Сосѣдки, сжальтеся! мнѣ третій томъ пришлите;
Или.... тогда ужъ не шутите —
Сойдетъ съ ума сосѣдъ!

1824.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

ВОСПИТАННИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ,

ПРИ ВЫПУСКѢ 1824 ГОДА.

Прости, убѣжище святое,
Гдѣ наше утро золотое
Такъ мирно радовало насъ!...
Въ защитномъ здѣсь уединеньѣ
Мы зрѣли райское видѣнье,
Небесный слышали мы гласъ;
Но райскій призракъ улетаетъ,
Небесный голосъ умолкаетъ....
Спѣшитъ, спѣшитъ разлуки часъ.

О ты, младенчества обитель,
Да будетъ геній твой хранитель—
Всегда хранитель вѣрный твой;
Да будетъ все, что здѣсь бывало,

Что насъ лелѣяло, плѣняло —
Невинность, радостный покой,
И легкій трудъ, и отдыхъ ясной,
И дѣтскихъ лѣтъ союзъ прекрасной —
Неизмѣняемо съ тобой.

Мы, уводимыя судьбою,
Съ благословеньемъ и мольбою
Стремимъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,
Предѣлъ покоя и свободы,
Вы, древни стѣны, пышны воды,
Забавъ свидѣтель, мирный садъ;
Для насъ прошли безпечны лѣта,
Мы покидаемъ васъ для свѣта,
Мы не придемъ уже назадъ.

Еще мы здѣсь рука съ рукою,
Но близокъ часъ—и за судьбою
Путями розными пойдемъ.
З д ѣ с ь вмѣстѣ мы ввѣрялись счастью;
А т а м ъ, подъ тайной рока властью,
Мы все иное обрѣтемъ;
Готовитъ свѣтъ намъ испытанье;
Да будетъ же в о с п о м и н а н ь е
Для насъ хранящимъ божествомъ.

Минувшее не миновалось;
Во глубинѣ души осталось
Оно сокровищемъ святымъ;
И мы, не розно и въ разлукѣ,
Къ житейской приступивъ наукѣ,
Надеждой сердце ободримъ.
Здѣсь, въ тишинѣ уединенья,
Мы были дѣти провидѣнья —
И въ шумѣ свѣта будемъ съ нимъ.

Его, его мы призываемъ;
Его храненью повѣряемъ
Здѣсь покидаемыхъ друзей.
Живите, радуйтесь, играйте,
И, намъ подобно, разцвѣтайте,
Подруги нашихъ лучшихъ дней;
И нашу матерь—нашу радость —
Да утѣшая, ваша младость
Объ насъ напоминаетъ ей.

О наша милая, родная,
Твою обитель покидая,
Уносимъ въ сердцѣ образъ твой;
И что̀ бъ въ грядущемъ насъ ни ждало.
Повсюду будетъ, какъ бывало,
Для насъ любимою мольбой:
«Чтобъ небо милую хранило,
Чтобъ долго дней ея свѣтило
Сіяло радостью земной.»

1826.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ИНСТИТУТА,

НА ПОСЛѢДНЕМЪ ЭКЗАМЕНѢ, ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ИХЪ, 1826 ГОДА ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ.

Разстаемся, разстаемся
Мы съ предѣломъ дѣтскихъ лѣтъ;
Мы судьбѣ, зовущей въ свѣтъ,
Невозвратно предаемся.
Будь, что намъ пошлетъ она....
Въ этотъ часъ не упованьемъ,
Но святымъ воспоминаньемъ
Въ насъ душа напоена.

Здѣсь спокойно протекали
Золотые наши дни:
Какъ младенчество, они
Сномъ плѣнительнымъ пропали.
Часто въ нашъ безпечный кругъ
Матерь милая являлась,
Къ намъ привѣтливо ласкалась,
Намъ была нѣжнѣйшій другъ.

Былъ у насъ другой хранитель,
Честь земли, земли краса;
Онъ ужъ взятъ на небеса;
Небеса его обитель.
И напрасно мы хотимъ
Возвратить его мольбами:
Онъ невидимо надъ нами,
Но для насъ невозвратимъ.

Ахъ, изъ той небесной сѣни,
Гдѣ таишься ты отъ насъ,
Преклонись на дѣтскій гласъ,
Удалившійся нашъ геній;
Утѣшеніемъ слети
Къ сердцу матери томимой,
Будь сопутникъ ей незримый,
Снова миръ ей возврати.

1827.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

воспитанницъ общества благородныхъ дѣвицъ,

при выпускѣ 1827 года.

Миновались, миновались
Дни младенчества для насъ;

Сами прежде разставались
Мы съ подругами не разъ;
Со слезами провожали
Ихъ въ незнаемый намъ свѣтъ,
И молитвы посылали
Удалившимся во слѣдъ.

Ахъ, пришло и наше время
Слышать грустное прости!
Взять заботной жизни бремя,
Въ свѣтъ незнаемый идти.
О друзья, друзья, внемлите
Удаляющихся гласъ:
Сохраните, сохраните
Память добрую объ насъ.

Мы идемъ, куда отселѣ
Небеса насъ поведутъ;
Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
Два сопутника насъ ждутъ:
Ободритель—упованье,
Геній младости живой,
И любовь—воспоминанье,
Стражъ земнаго неземной.

О святое упованье,
Озаряй намъ жизни даль,
Счастью будь очарованье,
Заговаривай печаль;
Міръ невидимо-небесный
Въ мірѣ видимомъ являй,
И въ предѣлъ, душѣ извѣстный,
По землѣ насъ провожай.

Ты же, другъ—воспоминанье,
Съ нами будь; пролей свое

Благодатное сіянье
На земное бытіе;
Говори о томъ, что было
Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ,
Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
То, чего ужъ въ жизни нѣтъ.

Ликъ твой душу утѣшаетъ;
Онъ ей сладостно знакомъ:
Намъ хранительно сіяетъ
Покидаемая въ немъ.
Ты—она! въ твоей святынѣ
Все для насъ заключено;
Гдѣ ни будемъ, намъ отнынѣ
Мысль о ней и жизнь—одно.

[Дрезденъ. 1827].

КЪ ГЕТЕ.

Творецъ великихъ вдохновеній,
Я сохраню въ душѣ моей
Очарованіе мгновеній
Столь счастливыхъ вблизи твоей.

Твое вечернее сіянье
Не о закатѣ говоритъ;
Ты юноша среди созданья;
Твой геній, какъ творилъ, творитъ.

Я въ сердцѣ уношу надежду
Еще здѣсь встрѣтиться съ тобой:
Землѣ знакомую одежду
Не скоро скинетъ геній твой.

Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твоею музою я жилъ,

И для меня твой геній, Гете,
Животворитель жизни былъ.

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ;

Тогда бъ вокругъ меня создался
Иной чудесно-пышный свѣтъ;
Тогда бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ.

[Сентябрь, 1827].

1828.

НА МИРЪ СЪ ПЕРСІЕЮ. *

Мы вспомнили прекрасно старину:
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Араратъ, и миръ, и славу взяли.

И русскій въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ міръ дугой завѣта,
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта.

---

* Стихи эти были пѣты на концертѣ, бывшемъ въ Аничковомъ дворцѣ у государыни императрицы.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

Ты памятникъ себѣ святой соорудила,
Бездомнымъ отворивъ пріютъ сей, дочь царей;
Голодныхъ царскою рукой ты накормила;
Нагихъ одѣла ты порфирою своей.

Съ величіемъ земнымъ небесное смиренье
Сліяла ты, принявъ Христа за образецъ;
Престолу царскому—краса благотворенье,
И свѣтелъ благостью властителей вѣнецъ.

Изъ сердца твоего любви вода живая
Льетъ изцѣленіе въ сосудъ скорбей земныхъ,
И взоръ сіяетъ твой, страдальца ободряя,
Свѣтлѣе всѣхъ твоихъ алмазовъ дорогихъ.

Богъ далъ тебѣ твой санъ наградъ своихъ залогомъ;
Ты знаешь: сѣемъ здѣсь, а жнемъ на небесахъ;
Здѣсь данный нищему стаканъ воды—предъ Богомъ
Заступнѣе за насъ, чѣмъ славы гордый прахъ.

Ты гласу Божію смиренно покорилась
И безпріютнаго причла къ семьѣ своей,
Призрѣла сироту, съ вдовицею сдружилась—
Благословенна будь предъ Богомъ, дочь царей!

Ты знаешь: на землѣ прекраснѣй чѣмъ богатство,
Прекраснѣй почестей, прекраснѣй красоты—
Благотворенія съ несчастьемъ робкимъ братство,
И за богатаго молитва нищеты.

И созданный тобой сей домъ благотворенья
Великолѣпныхъ всѣхъ прекраснѣй онъ палатъ:
Тамъ для скорбящаго ты ангелъ утѣшенья,
Тамъ благость Божію въ твоей боготворятъ;

Тамъ Богу молятся—и тѣ мольбы доступны—
Чтобы отъ бѣдъ земныхъ тебя онъ оградилъ,
Чтобы онъ въ вѣчности покой свой неподкупный
Въ твоей душѣ, ему здѣсь вѣрной, водворилъ.

Но, сердцемъ женщина, а мыслію царица,
И здѣсь ужъ прочную ты славу обрѣла:
Убогій, сирота, недужный и вдовица
Въ потомкахъ возвѣстятъ любви твоей дѣла;

И ихъ исторія внесетъ въ одну страницу
Съ дѣлами славными супруга твоего:
Онъ бодрою рукой взялъ предковъ багряницу,
Сравнилась благостью ты съ бодростью его.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ больше не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Кальхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей [онъ воззвалъ],
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,

Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
[Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей].

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны—
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ....
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
[Оилеевъ сынъ сказалъ]
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:

*

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ защитилъ....
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
[Возгласилъ Неоптолемъ]
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:

Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
[Діомедъ провозгласилъ]
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!

Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛІАДЫ. *

Жертву принесши богамъ, да пошлютъ Иліону спасенье,
Гекторъ поспѣшно потекъ по красиво устроеннымъ стогнамъ;
Замокъ высокій Пергама пройдя, наконецъ онъ достигнулъ

---

* Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя передъ глазами нѣмецкіе переводы Иліады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненія съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный

Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града въ широкое поле.
Тамъ Гетеонову дочь Андромаху, супругу, онъ встрѣтилъ;
Съ нею былъ сынъ. На груди у кормилицы нѣжный младенецъ
Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная, былъ онъ прекрасенъ;
Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; отъ другихъ онъ былъ прозванъ
Астіанаксомъ [понеже лишь Гекторъ защитой былъ града].
Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
«Неумолимый, отважность погубитъ тебя. Не жалѣешь
Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни о бѣдной супругѣ,
Скоро вдовѣ безотрадной; ахейцы тебя неизбѣжно,
Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня же бы лучше
Въ землю сокрыться, тебя потерявъ: что будетъ со мною,
Если тебя, отнятаго рокомъ могучимъ, не станетъ?
Горе! ужъ нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной;
Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ божественнымъ; Ѳивы,
Градъ киликіянъ, съ блестящими златомъ вратами разрушивъ,
Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ оружія; чуждый
Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сожженію предалъ
Кости родителя, въ почесть ему погребальный насыпалъ
Холмъ, и платанами горныя нимфы тотъ холмъ обсадили.
Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ отчизнѣ—
Всѣ они, въ день единый, повержены въ бездну Аида:
Всѣхъ безпощадной рукой умертвилъ Ахиллесъ быстроногій.
Матерь царицу отъ пажитей густолѣсистаго Плака
Въ рабство добычей войны онъ увлекъ, но за выкупъ великій
Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ стрѣлъ Артемиды.
Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и нѣжная матерь;
Ты мой единственный братъ, о Гекторъ, цвѣтущій супругъ мой!

языкъ его; здѣсь, такъ сказать, отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные курсивомъ, принадлежатъ самому переводчику: они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Иліады и заимствованныхъ изъ VI, XVII, XIX и XX пѣсней. В. Ж. [Въ настоящемъ изданіи вмѣсто курсива стихи Жуковскаго отличены вносными знаками].

Будь же ко мнѣ сострадателенъ, здѣсь останься на башнѣ;
Сыну не дай сиротства, супругѣ не дай быть вдовою;
Тамъ на холмѣ смоковницы войско поставь: нападенье
Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для приступа стѣны.
Съ той стороны уже трикраты на насъ покушались
Оба Аякса, Идоменей, Діомедъ и Атриды.»
Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ шлемомъ украшенный Гекторъ:
«О Андромаха, и я о томъ же печалюсь; но стыдъ мнѣ
Будетъ тогда отъ троянскихъ мужей и отъ женъ Иліона,
Если, какъ робкій, сюда удалюсь, уклоняся отъ боя;
То запрещаетъ и сердце; донынѣ привыкъ я спокойно
Бодрствовать духомъ и биться у всѣхъ впереди, охраняя
Трою, великую славу отца и мою; но предвидитъ
Вѣщее сердце и тайно гласитъ мнѣ тревожное чувство:
Нѣкогда день сей наступитъ—падетъ священная Троя,
Съ нею Пріамъ и народъ царя копьеноснаго бодрый.
Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
Ни же Пріамова гибель, ни же столь многихъ, столь храбрыхъ
Братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно падущихъ
Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ нынѣ такъ сильно
Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андромаха, когда ты,
Вслѣдъ за одѣяннымъ мѣдною бронею мужемъ ахейскимъ,
Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта свободы,
Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями ткать для царицы,
Иль, утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ Гиперейскомъ
Черпая воду, будешь въ слезахъ поминать о Пергамѣ.
Можетъ быть, видя, какъ плачешь въ своемъ одиночествѣ, скажутъ:
«Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшаго первымъ
Въ войскѣ троянскомъ, въ тѣ дни, какъ сражались у стѣнъ Иліона.»
То услыша, ты съ новою вспомнишь тоской, что на свѣтѣ
Нѣтъ ужъ того, кто отъ рабства надежною былъ бы защитой.
Нѣтъ! я лучше хочу, чтобъ меня бездыханнаго скрыли

Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоемъ и крушительномъ плѣнѣ.»
Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну руки простеръ онъ;
Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону кормилицы съ крикомъ
Бросился милый младенецъ, дичася отца, устрашенный
Яркимъ блистаніемъ латъ и косматою гривою шлема,
Грозно за нимъ зашумѣвшею съ мѣдноогромнаго гребня.
Съ грустной улыбкой и мать и отецъ посмотрѣли на сына.
Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно блистательный Гекторъ;
Бранный уборъ на землю кладетъ, и на руки взявши
Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и нѣжно лелѣетъ.
Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмертнымъ богамъ и Зевесу:
«Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ, да будетъ
Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбіемъ первый въ народѣ,
Столько же мышцею крѣпокъ и мощно господствуетъ въ Троѣ.
Пусть со временемъ скажутъ: отца своего превзошелъ онъ!
Видя его, изъ сраженья идущаго съ пышною броней,
Снятой съ врага—и такая хвала да порадуетъ матерь.»
Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной супруги
Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ покровомъ
Персей одѣла его; и, глубокой печалію полный,
Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно сказалъ ей:
«Бѣдная, ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ много;
Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ не буду
Въ темный Аидъ; но судьбы ни единый еще не избѣгнулъ
Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый, ни робкій.
Съ миромъ же въ домъ свой пойди: занимайся порядкомъ хозайства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабы и рабыни въ работѣ
Были прилежны своей; о войнѣ же имѣть попеченье—
Дѣло троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наиболѣ.»
Кончивъ, свой гривистый шлемъ поднимаетъ блистательный Гекторъ.
Медленнымъ шагомъ, и часто назадъ озираясь, и слезы

Горькія молча лія, Андромаха пошла и достигла
Скоро обители Гектора. Много служительницъ было
Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушалися съ нею;
Заживо Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ своемъ. Неизбѣжно,
Мнили онѣ, онъ погибнетъ; мы вѣчно его не увидимъ.

«Истину вѣщая скорбь предсказала имъ; время настало
«Сбыться тому, что давно предназначено было; но прежде
«Славой великой покрылся могучій защитникъ Пергама.
«Палъ Патроклъ отъ руки благороднаго Гектора; втуне
«Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали его; неизбѣжный
«Часъ судьбы наступилъ—и съ Патроклова хладнаго трупа
«Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и сѣча зажглася
«Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодраго въ битвѣ.
—Я къ кораблямъ Антилоха послалъ возвѣстить Ахиллесу
Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не придетъ онъ на помощь,
Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою.... онъ безоруженъ.
Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга. Упорно
Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.
Такъ говорилъ Менелай Теламонову сыну Аяксу.
«Правда, Атридъ знаменитый! Аяксъ отвѣчалъ Менелаю:
Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклонитесь и тѣло,
Взявъ на плечи, несите изъ боя. Мы жъ, оба Аякса,
Равные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ битвѣ,
Будемъ стремленье троянъ и великаго Гектора дружно
Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше.»
Царь Менелай съ Меріономъ подъемлютъ Патроклово тѣло
Сильной рукой съ земли: ужаснулись трояне, увидя
Тѣло во власти ахеянъ и бросились съ воплемъ за ними.
Словно какъ псы, упредя звѣроловцевъ младыхъ, на лѣснаго
Вепря, когда онъ пораненъ, кидаются вдругъ, но лишь только
Бѣшеный онъ, ощетинясь, на нихъ обернется, въ испугѣ
Всѣ разсыпаются—такъ и трояне сначала стремятся

Бодро впередъ, подымая мечи и двуострыя копья;
Но лишь только Аяксы въ лицо имъ лицомъ обратятся—
Всѣ блѣднѣютъ и боя начать ни одинъ не дерзаетъ.

«Царь Менелай съ Меріономъ безстрашно медлительнымъ шагомъ,
«Идутъ впередъ, унося изъ сраженья Патроклово тѣло;
«Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный Гекторъ съ Энеемъ
«Рвутся, какъ львы разъяренные, силясь добычу похитить;
«Страшной грозой къ кораблямъ приближается шумная битва.
Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахиллесовой ставкѣ подходитъ.
Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко отъ моря,
Мраченъ, тревожимый думой о томъ, что уже совершилось.
«Горе! онъ мыслилъ: зачѣмъ къ кораблямъ въ безпорядкѣ тѣснятся
Снова ахейцы, покинувъ сраженье? Страшусь, что со мною
Сбудется то, что давно предсказала мнѣ матерь: что долженъ,
Прежде меня отъ троянъ мирмидонецъ погибнуть храбрѣйшій.
Сердце дрожитъ; ужъ не палъ ли Менетіевъ сынъ? Непреклонный
Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ, отразивши
Вражій пожаръ и отнюдь не испытывать съ Гекторомъ силы.»
Такъ размышлялъ Ахиллесъ—и предъ нимъ съ сокрушительной вѣстью
Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы ліющій, явился.
«Горе мнѣ! сынъ благородный Пелея, ты долженъ о страшной
Слышать бѣдѣ, какой никогда не должно бы случиться!
Палъ Патроклъ: ужъ теперь за его бездыханное тѣло
Бьются; онъ нагъ—оружіе Гекторъ могучій похитилъ.»
Мрачное облако скорби лицо Ахиллеса покрыло.
Обѣ онъ горсти наполнивши пепломъ, главу имъ осыпалъ;
Ликъ молодой почернѣлъ, почернѣла одежда и самъ онъ,
Тѣломъ великимъ пространство покрывши великое, въ прахѣ
Былъ распростертъ, и волосы рвалъ и бился объ землю.

Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плѣненныя, въ страхѣ изъ ставки
Выбѣжавъ, громко вопили надъ нимъ и перси терзали.
Съ нимъ стеналъ Антилохъ; заливаясь слезами, всей силой
Онъ Ахилесовы руки держалъ, чтобъ въ безуміи горя
Самъ онъ себѣ не пронзилъ изощреннымъ оружіемъ груди.
Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его услышала матерь,
Въ домѣ сѣдаго отца, на днѣ глубокаго моря.
Громко она зарыдала, и къ ней собрались Нереиды,
Сестры младыя, морской глубины златовласыя дѣвы.
Полонъ былъ ими подводный, серебряный домъ, поражали
Всѣ онѣ перси, печалясь съ сестрой. Имъ Ѳетида сказала:
«Милыя сестры, Нерея безсмертныя дочери, много,
Много печали на сердце моемъ; о горе мнѣ бѣдной!
Мнѣ, Ахилеса великаго матери! мною рожденный
Сынъ, столь душой благородный, столь мужествомъ славный, въ герояхъ
Первый.... онъ цвѣлъ, какъ младое прекрасное древо; съ любовью
Нѣжной воспитанный, выросъ, и мной наконецъ къ Иліону
Посланный, поплылъ туда въ корабляхъ острогрудыхъ.... и вѣчно
Мнѣ ужъ его не увидѣть въ отеческомъ домѣ Пелея;
Но доколѣ и живъ онъ, сіяніемъ дня озаренный,
Онъ осужденъ на страданье и матерь ему не поможетъ.
Милыя сестры, покинемъ глубокое море; мнѣ должно,
Должно сына увидѣть, мнѣ должно провѣдать, какое
Новое горе ему, не вступавшему въ бой, приключилось.»
Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Ѳетида, и съ нею
Сестры, Нереевы дочери, слезы ліющія. Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь. Достигнувши Трои,
На берегъ всходятъ одна за другою въ томъ мѣстѣ, гдѣ зрѣлись
Всѣ корабли мирмидонянъ кругомъ Ахиллесовой ставки.
Матерь къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ, и обнявши

Нѣжной рукой преклоненную голову сына, сказала:
«Что же ты плачешь? Что бодрую душу твою сокрушило?
Будь откровененъ со мною! Зевесъ громовержецъ исполнилъ
Все, о чемъ ты молился, подъемля здѣсь руки. Ахейцы
Много стыда претерпѣли, утративъ тебя, и, тѣснимы
Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя призывали.»
Тяжко, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Матерь, не тщетно молилъ я, исполнилъ Зевесъ громовержецъ
Все; но какая въ томъ польза, когда потерялъ я Патрокла,
Друга нѣжнѣйшаго, милаго мнѣ, какъ сіянье дневное?
Онъ погибъ, и оружіе Гекторъ убійца похитилъ.
Крѣпкое, дивное, даръ отъ боговъ Олимпійскихъ Пелею
Въ оный день, какъ тебя сочетали безсмертную съ смертнымъ.
Было бы лучше, когда бъ ты осталась богинею моря,
Лучше, когда бы простой, не безсмертной супруги супругомъ
Былъ Пелей: безконечной тоской по утраченномъ сынѣ
Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно его не увидишь
Въ домѣ отца. Да и сердце мое запрещаетъ мнѣ долѣ
Здѣсь межъ живыми скитаться; но прежде Гекторъ заплатитъ
Мнѣ за Патроклову жизнь, подъ моею ногой издыхая.»
Матерь, ліющая слезы, отвѣтствуетъ: «то, что сказалъ ты,
Мнѣ возвѣщаетъ, что жизни твоей прекращеніе близко:
Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо долженъ погибнуть—
Такъ повелѣла судьба.» Ахиллесъ возразилъ ей угрюмо:
«Пусть я погибну теперь! что въ жизни, если Патрокла
Мнѣ защитить не дано? Далеко отъ любимой отчизны
Палъ онъ, а я не пришелъ отразить ненавистную гибель.
Что я? Родительскихъ мирныхъ полей суждено не видать мнѣ;
Жизни Патрокла спасти я не могъ; не могъ быть защитой
Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ сильнаго Гектора падшимъ.
Здѣсь я сижу, позади кораблей, безполезное бремя
Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣднолатныхъ ахеянъ

Въ битвѣ храбрѣйшій, хотя на совѣтѣ другимъ уступаю.
О! да погибнутъ вражда и гнѣвъ, отемняющій часто
Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладостнѣй меда, но скоро
Пламень снѣдающій въ сердцѣ, вкусившемъ его, зажигаетъ.
Такъ и меня раздражилъ Агамемнонъ, царей повелитель.
Но пусть будетъ прошедшимъ прошедшее; сколь ни прискорбно
Сердцу оно—раздраженное сердце должно покориться.
Я иду—не избѣгнешь меня ты, Патрокловъ убійца,
Гекторъ. Свой жребій принять я готовъ, когда ни назначатъ
Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа; и мнѣ ли
Нынѣ роптать на судьбу, когда и Алкидъ благородный,
Сынъ громовержца любимый, былъ нѣкогда ею постигнутъ?
Если подобный удѣлъ и меня ожидаетъ, пусть лягу
Въ землю, дыханье утративъ; но славу великую прежде
Здѣсь соберу, быстротечныя жизни въ замѣну; здѣсь многихъ
Дѣвъ полногрудыхъ дарданскихъ принужу крушиться, и слезы
Съ юныхъ ланитъ отирать, закрывши руками
Лица и вздохи спирая въ груди, раздираемой горемъ.
Скоро узнаютъ, что я отдохнулъ. А ты не надѣйся,
Матерь, меня удержать: никогда я не буду покоренъ.»
«Истину ты говоришь, отвѣчала Ѳетида; похвально
Быть для друзей отъ бѣды и отъ смерти защитой; но Троя
Нынѣ владѣетъ твоими блестяшими латами; хищный
Гекторъ, украшенный ими, ликуетъ—хотя и недолго
Въ нихъ величаться ему: предназначенный часъ недалеко.
Но безоружный, мой сынъ, не бросайся въ тревогу Арея;
Здѣсь помедли, доколѣ меня опять не увидишь.
Завтра сюда на разсвѣтѣ, лишь только подымется солнце,
Съ пышной бронею, искованной богомъ Ифестомъ, приду я.»
Такъ говорила богиня и съ сыномъ могучимъ простилась.
Къ юнымъ сестрамъ, среброногимъ богинямъ, потомъ обратяся,
«Милыя сестры, сказала, теперь погрузитеся въ море,
Въ домъ возвратитесь Нерея и старцу сѣдому пучины
Все возвѣстите. А я на вершину Олимпа къ Ифесту

Прямо отсель полечу умолять, чтобъ оружіе далъ намъ.»
Кончила: въ лоно зыбей погрузились младыя богини.
Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ полетѣла Ѳетида.
Тою порою ахейцы отъ грознаго Гектора съ громкимъ
Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ, на брега Эллиспонта,
Силясь напрасно исторгнуть изъ боя Патроклово тѣло;
Гекторъ, какъ бурное пламя, гнался за нимъ; ужъ трикраты
За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, готовый добычу
Вырвать изъ рукъ у ахеянъ, и кликалъ троянъ, и трикраты
Силою всею Аяксы его отражали отъ трупа.
Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ; то, бѣгая быстро,
Бился въ толпѣ; то, стоя недвижимъ, сзывалъ громогласно
Въ битву своихъ и рвался неотступно на хладное тѣло.
Такъ надъ растерзанной ланью, голодный, очами сверкая,
Левъ космолапый сидитъ, не тревожася пастырей крикомъ.
Тщетно Аяксы отважные борются съ нимъ; овладѣлъ бы
Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою славой, когда бы
Ира съ небесъ не послала Ириду къ Пелееву сыну.
«Сынъ Пелеевъ, бѣги, бѣги на помощь къ Патроклу;
Битва уже подошла къ кораблямъ. Посмотри: убиваютъ
Страшно другъ друга, одни отбиваясь, другіе, стремяся
Тѣло схватить; одолѣютъ трояне; блистательный Гекторъ
Скоро похититъ Патрокла, и въ Трою умчитъ, и на башнѣ
Выставитъ голову, снятую съ плечъ въ посрамленье ахеянъ.
Полно медлить: иль псамъ напитаться Патрокловымъ тѣломъ?
Встань, безоружный, взбѣги на раскатъ; покажися троянамъ;
Образъ твой ужасъ нагонитъ на нихъ; ободрятся ахейцы.»
Такъ Ахилесу богиня Ирида сказала и скрылась.
Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И Аѳина
Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,
Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблистали
Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымъ, извиваясь,
Всходитъ далеко на островѣ, ратью враговъ обложенномъ—
[Бодро весь день осажденные бьются, но сядетъ лишь солнце,
Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами пламя

Всходитъ великимъ столбомъ, и окрестъ отраженное моремъ,
Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносящіе помощь],
Такъ съ головы Ахиллеса блистанье въ эѳиръ подымалось.
Онъ взбѣжалъ на раскатъ и ставъ на виду у ахеянъ,
Крикнулъ.... пронзительный крикъ повторила Паллада Аѳина
Отзывомъ громкимъ: троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая
Приступъ, незапно мутитъ осажденныхъ. Едва Ахиллесовъ
Голосъ послышался, дрогнуло каждаго сердце; всѣ кони,
Гибель почуя, подняли гривы и съ топотомъ громкимъ
Вспять понесли колесницы; правители ихъ въ изступленьи,
Съ блѣднымъ лицомъ, обратяся назадъ, неподвижнымъ смотрѣли
Окомъ на грозный лица Ахиллесова блескъ. Троекратно
Крикнулъ онъ съ валу на нихъ—троекратно, разбитыя страхомъ,
Войска троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ бросались.
Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ копій двѣнадцать
Храбрыхъ дарданянъ погибло. Ахейцы, похитивъ Патрокла,
Въ ставкѣ простерли его на одрѣ, и друзья окружили
Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Залился онъ слезами, увидя
Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго, острой
Мѣдью пронзеннаго; самъ онъ недавно его на сраженье,
Броней своею облекши, послалъ: но назадъ не пришелъ онъ.
Тою порой, постоянный въ теченіи Геліосъ, волю
Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ Океана;
Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско ахеянъ,
Послѣ губительной брани, въ глубокій покой погрузилось.

«Но трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
«Смутно они собрались на совѣтъ. Оперпшся на копья,
«Всѣ стояли и сѣсть не дерзалъ ни единый и всѣмъ имъ
«Сердце тревожила мысль о явившемся въ бой Ахиллесѣ.
«Полидамантъ благомыслящій, Гекторовъ другъ осторожный,

«Первый подалъ совѣтъ: покинувъ поле сраженья,
«Въ Трою войти. Намъ теперь благовонная ночь благосклонна;
«Такъ онъ сказалъ: Ахиллеса держитъ она; но заутра,
«Въ полѣ увидя насъ, выйдетъ онъ въ битву. Тогда неизбѣжно
«Многіе будутъ добычею псовъ. Удалимся же въ Трою, покуда
«Время; на торжищѣ ночь проведемъ подъ небомъ открытымъ;
«Съ первымъ же блескомъ денницы сберемся на стѣны; пускай онъ
«Боя отвѣдать приблизится къ нимъ: лишь напрасно могучихъ
«Коней своихъ утомитъ; но въ Трою ему не ворваться.—
Сумраченъ, брови нахмуря, отвѣтствовалъ пламенный Гекторъ:
«Полидамантъ, осторожный совѣтъ твой теперь безполезенъ;
Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжать въ огражденную башнями Трою?
Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣснясь, укрываться?
Нѣкогда городъ Пріамовъ, межъ всѣми народами славный,
Былъ знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди и злата;
Но ужъ давно изъ печальныхъ жилищъ изобиліе скрылось.
Мы раздражили Зевеса: во Фригіи, въ краѣ союзномъ
Пышной Меоніи, проданы лучшія утвари наши.
Нынѣ жъ, когда мнѣ могучій Кроніонъ, Зевесъ вседержитель,
Славу послалъ отразить къ кораблямъ мѣднолатныхъ ахеянъ,
Я ли укроюся въ Троѣ? Какой же совѣтъ подаешь ты?
Кто изъ троянъ покорится ему? Здѣсь я повелитель.
Слушайте жъ слово мое и мою исполните волю:
Пищу пускай по дружинамъ раздѣлятъ; насытьтесь, но каждый
Будь осторожень, и стражъ да не дремлетъ на стражѣ. Заутра
Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе мѣдное взявши,
Мы побѣжимъ къ кораблямъ на рѣшительный приступъ. И если
Правда, что всталъ Ахиллесъ, то недоброе время онъ выбралъ,
Я не страшуся его безпощаднаго встрѣтить; отважно

Стану предъ нимъ, не заботясь, меня ли, его ли украситъ
Славою бой... неподкупенъ Арей, и разящихъ разитъ онъ.»
Гекторъ сказалъ, и трояне, согласные съ нимъ, отвѣчали
Плескомъ шумящимъ... слѣпцы! имъ Паллада затмила разсудокъ:
Злое благому они предпочли и осталися въ полѣ.
Въ горѣ и плачѣ ту ночь надъ Патрокловымъ тѣломъ ахейцы,
Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ, положивши
Мощныя руки на грудь неподвижную друга, со стономъ
Плакалъ. Такъ грозная львица рычитъ, когда звѣроловецъ
Львенка младаго ея изъ глубокаго лога похитилъ:
Злобяся, рыщетъ она по ущеліямъ съ жалобнымъ ревомъ.
Такъ Ахиллесъ вопіялъ, окруженный толпой мирмидонянъ:
«Боги! сколь были надежды мои безразсудны, когда я,
Тщась утолить сокрушенье Менетія, далъ обѣщанье
Вмѣстѣ съ украшеннымъ славой Патрокломъ въ Опунтъ возвратиться,
Трою разрушивъ и много богатой добычи скопивши.
Смертный замыслитъ одно, а Зевесъ совершаетъ иное!
Оба единую землю мы кровью своей напитаемъ
Здѣсь въ отдаленномъ троянскомъ краю. И меня не увидятъ
Вѣчно въ жилищѣ отцовъ ни Пелей, мой родитель
Дряхлый, ни матерь Ѳетида. Здѣсь лягу, покрытый могилой.
Если же послѣ Патрокла назначено въ землю сойти мнѣ,
О мой Патроклъ! я твое совершу погребенье, повергнувъ
Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣнадцать
Юношей плѣнныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои, заклавши
Въ почесть твою и обиженной тѣни твоей въ утѣшенье!
Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожиданіи мести;
Пусть троянки, плѣненныя нами, и денно и нощно
Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси терзаютъ.»
Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный,
Чистой водою огромный котелъ треножный наполнивъ,
Прахъ съ запекшійся кровію смыть съ Патроклова тѣла.
Ставятъ треножникъ на яркій огонь и шумящей струею

Льется въ него ключевая вода, и хворостъ бросаютъ
Въ пламя: оно обхватило котелъ и вода закипѣла
Въ мѣдномъ звѣнящемъ сосудѣ. Омытое теплою влагой
Тѣло умаслили тучнымъ елеемъ; потомъ ароматной
Девятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
Тихо его на одрѣ и, покрывъ полотномъ драгоцѣннымъ,
Купно и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.

Эосъ младая въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ
День приносящая, встала изъ водъ океана. Ѳетида
Съ дивной, Ифестомъ ей данной, бронею пришла къ Ахиллесу;
Онъ распростертый лежалъ надъ бездушнымъ Патрокломъ, и громко
Плакалъ; окрестъ мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.
Тихо межъ ними прошла среброногая матерь богиня
Къ сыну, и за руку взявши его, умиленно сказала:
«Сынъ мой, оставимъ покоиться мертваго, сколько бъ о немъ мы
Въ сердцѣ своемъ ни крушились: онъ силой безсмертныхъ постигнутъ.
Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
Чудо красы: ни на комъ изъ людей не бывало подобной.»
Такъ сказавъ, положила Ѳетида къ ногамъ Ахиллеса
Броню; громкій оружіе звукъ издало; мирмидонянъ
Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни единый богинѣ
Прямо въ лицо и всѣ трепетали. Но гнѣвомъ сильнѣйшимъ,
Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засверкали
Искрами, вспыхнувъ подъ тѣнью рѣсницъ, какъ ужасное пламя;
Жадной рукою онъ броню схватилъ, и даромъ чудеснымъ
Бога Ифеста плѣненный, имъ сталъ любоваться; но скоро
Снова сдѣлался мраченъ; потомъ, обратяся къ Ѳетидѣ,
«Матерь, сказалъ онъ, оружіе дивно твое и немедля
Выйду я въ битву. Но сердце мое неспокойно; онъ будетъ
Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомыя жадныя могутъ

Въ раны влетѣть, въ нихъ червь поселится, и можетъ гніенье
Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить прекрасный.»
«Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ, сказала Ѳетида;
Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять насѣкомыхъ,
Жадно снѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хотя бы
Медленный года надъ нимъ совершился полетъ, я нетлѣннымъ
Тѣло его сохраню и еще онъ прекраснѣе будетъ.
Съ сими словами она проливаетъ на раны Патрокла
Сокъ благовонной амврозіи съ нектаромъ свѣтлопурпурнымъ.

«Берегомъ моря поспѣшно потекъ Ахиллесъ благородный;
«На голосъ звучный его собралися ахейцы. Прискорбно
«Руку онъ подалъ Атриду, и былъ примирительной жертвой
«Поздній межъ ними союзъ утвержденъ. Агамемнонъ могучій
«Далъ повелѣнье дары отнести къ Ахиллесу.» Немедля
Царь Одиссей тъ сыновьями почтеннаго Нестора, съ славнымъ
Сыномъ Филія Мегитомъ, съ Ѳоантомъ и съ ними Креоновъ
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Агамемнону въ ставку
Идутъ и, выбравъ семь драгоцѣнныхъ треножниковъ, двадцать
Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать коней и семь рукодѣльныхъ
Плѣнницъ съ осьмой Бризендой, отходятъ въ шатеръ Ахиллесовъ,
Царь Одиссей впереди съ десятью талантами злата.
Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллеса, его приглашаютъ
Съ ними обѣдъ раздѣлить; но тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ онъ:
«О друзья! умоляю васъ, если хоть мало я дорогъ
Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ я насладился
Вашею пищею: горе всю душу мою раздираетъ.
Нѣтъ, не коснусь ни къ чему до самыя позднія ночи.»
Всѣ полководцы простились тогда съ Ахиллесомъ; остались
Оба Атрида, Идоменей, Одиссей благородный,
Несторъ и старецъ Фениксъ. Прояснить омраченную душу
Друга старались они разговоромъ веселымъ; но тщетно.
Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой алкалъ, непрестанно

Думалъ о мертвомъ, объ немъ лишь одномъ говорилъ непрестанно:
«О, сколь часто бывало, что самъ ты заботливо, бѣдный,
Въ ставку мою прибѣгалъ съ подкрѣпительной утренней пищей,
Мнѣ возвѣщая, что войско ахеянъ шатры покидало,
Снова съ троянами въ битву готовое выйти; а нынѣ
Здѣсь ты лежишь бездыханный! Не можетъ мое услаждаться
Сердце ни пищей, ни сладкимъ виномъ безъ тебя. Я толь сильнымъ
Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о смерти Пелея,
Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ отдаленномъ,
Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены презрѣнной,
Ни же печальную вѣсть получивши о сынѣ, въ Скиросѣ
Мнѣ разцвѣтающемъ, богоподобномъ Неоптолемѣ,
Если онъ живъ!—Я донынѣ всегда упованіемъ тайнымъ
Сердце свое утѣшалъ, что погибну одинъ, разлученный
Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ троянской землѣ, что, въ предѣлы
Фтіи родной возвратяся, ты самъ въ корабляхъ бѣлокрылыхъ
Сына въ Скиросѣ возьмешь и ему покажешь въ отчизнѣ
Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чертоги.
Чувствовалъ я, что тогда ужъ Пелей иль въ землѣ, бездыханный,
Будетъ лежать, иль, можетъ быть, грустно свой вѣкъ доживая,
Будетъ согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь, что отъ Трои
Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллеса не стало.»
Такъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе съ нимъ воздыхали,
Каждый о томъ помышляя, что̀ въ домѣ далекомъ оставилъ.
Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печальныхъ склонивши,
Быстро къ богинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обращаетъ:
«Или, Паллада, покинутъ тобой Ахиллесъ благородный?
Видишь, какъ онъ на брегу у своихъ кораблей черногрудыхъ,
Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокій. Другіе

Утренней пищей себя подкрѣпляютъ; но онъ не пріемлетъ
Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллесу амврозіи сладкой
Съ нектаромъ влей, чтобъ отъ голода силъ онъ своихъ не утратилъ.»
Такъ Зевесъ говорилъ, упреждая желанье Аѳины.
Быстро она—какъ орелъ съ необъятными крыльями, съ звонкимъ
Крикомъ — къ шатрамъ полетѣла съ небесъ. Ужъ ахейцы толпились,
Въ бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозіи сладкой
Съ нектаромъ тайно Аѳина влила, чтобъ отъ голода силы
Онъ не утратилъ, и снова потомъ возвратилась въ обитель
Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.
Словно какъ частый, клоками сыплющій снѣгъ, уносимый
Сѣвернымъ, быстро эѳиръ проясняющимъ вѣтромъ, изъ ставокъ.
Сыпались шлемы безчисленны, рой за сверкающимъ роемъ,
Круто согбенныя латы, изъ ясеня твердаго копья,
Съ острою бляхой щиты; до небесъ восходило сіянье;
Въ блескѣ оружій смѣялась земля; подъ ногами бѣгущихъ
Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ броней Ахиллесъ облекался.
Зубы его скрежетали, и очи, какъ быстрое пламя,
Рдѣли, сверкая; но сердце его нестерпимой печалью
Было наполнено. Злобой кипя, на троянъ разъяренный,
Взялъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста созданье;
Голени въ свѣтлыя, гладкія поножи прежде облекши,
Каждую пряжкой серебряной туго стянулъ онъ; огромнымъ
Панцыремъ мощную грудь обложилъ; на плечо драгоцѣнный
Мечъ съ рукоятью серебряной, съ лезвіемъ мѣднымъ повѣсилъ.
Послѣ надѣлъ необъятный, тяжкій, блескомъ подобный
Полному мѣсяцу щитъ: какъ далекій маякъ мореходцамъ
Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вершинѣ утеса—
Буря же вдаль отъ друзей ихъ несетъ по шумящему морю—
Такъ лучезарно свѣтился божественный щитъ Ахиллесовъ,
Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ тяжелый

Гривистый шлемъ; онъ сіялъ какъ звѣзда, и густымъ златовласымъ
Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воздымавшійся гребень.
Броней одѣянный, силу свою Ахиллесъ испытуетъ:
Двигался въ ней онъ свободно и члены обнявшая броня
Легче казалася крылъ и какъ будто его подымала.
Тутъ онъ отцово копье изъ ковчега прекраснаго вынулъ,
Тяжкоогромное—въ сонмѣ ахеянъ его ни единый
Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука Ахиллеса:
Ясень могучій съ гордой главы Пеліона срубивши,
Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, врагамъ на погибель.
Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили поспѣшно
Свѣтлую сбрую и удила силой втѣснили имъ въ зубы;
Туго потомъ натянувши бразды, впереди колесницы
Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу съ блестящимъ
Прянулъ бичемъ. Ахиллесъ, изготовясь въ кровавую битву,
Сталъ позади, какъ Геліосъ дивной бронею сіяя.
Тутъ громогласно къ Пелеевымъ бодрымъ конямъ онъ воскликнулъ:
«Ксанѳъ и Валій, славныя дѣти Подарги, вѣрнѣе,
Добрые кони, вы нынѣ правителю вашему будьте;
Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите, не мертвымъ
Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу.» На то легконогій,
Дышащій пламенемъ Ксанѳъ отвѣчалъ, до копытъ наклонивши
Гордую голову—пышная грива упала на землю;
Ира лилейной рукой разрѣшила языкъ—онъ промолвилъ:
«Такъ, мы живаго еще тебя принесемъ, сынъ Пелеевъ;
Но предназначенный день твой ужъ близко. Не нашей
Волей, но силою бога и строгой судьбой то свершилось;
Нѣтъ, не мы замедленьемъ своимъ и безвременной лѣнью
Дали троянамъ похитить Патроклову крѣпкую броню;
Сынъ густовласыя Литы, богъ неизбѣжный постигнулъ
Въ битвѣ его и Гектора честью побѣды украсилъ.
Пусть на бѣгу мы полетъ опреждаемъ Зефира, изъ легкихъ

Вѣтровъ легчайшаго вѣяньемъ крылъ благовонныхъ — но вѣдай:
Ты отъ могучаго бога и смертнаго мужа погибнешь.»
Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила Эринній.
Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Ксанѳъ, для чего безполезно мнѣ смерть прорицаешь? И самъ я
Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери должно
Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все не престану
Биться и мучить троянъ ненасытною битвой.»
Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ громкимъ помчалися кони;
Слѣдомъ за нимъ изъ оградъ побѣжали ахейцы. Трояне
Ждали ихъ въ полѣ, густыми толпами построясь на холмѣ.
Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины Олимпа Ѳемиду
Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посылаетъ. Богиня
Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба. Предстали
Всѣ и самые боги потоковъ и въ тѣнистыхъ рощахъ,
Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ тайныхъ живущія нимфы;
Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чертогахъ, Ифестомъ
Созданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по волѣ Зевеса, на тронахъ
Боги сидѣли кругомъ громовержца. Призванью Ѳемиды
Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ изъ водъ и съ другими
Сѣлъ на совѣтъ. Наконецъ вопросилъ онъ владыку Зевеса:
«Богъ громоносный, зачѣмъ ты призвалъ насъ въ чертоги Олимпа?
Или рѣшить замышляешь ты участь троянъ и ахеянъ,
Вышедшихъ въ поле и снова исполненныхъ яростью битвы?»
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:
«Богъ, колебатель земли, ты мои помышленія знаешь,
Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ умъ мой печется.
Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа,
Зрѣлищемъ боя себя услаждая. Но вамъ позволяю
Къ войскамъ троянъ и ахеянъ идти, и можете помощь
Той сторонѣ подавать, на которую склонитъ васъ сердце.

Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на троянъ—ни мгновенья
Въ полѣ они не подержатся противъ Пелидовой силы;
Трепетъ ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его появленьи.
Нынѣ жъ, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ погибелью друга,
Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ и Трои.»
Такъ Зевесъ говорилъ и вспылали безсмертные боемъ.
Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратямъ слетѣли.
Мощная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой Аѳиной;
Съ ней Посидонъ, облегающій землю, и Эрмій, обильный
Козньми, щедрый податель богатства, и медленнотяжкій,
Пламенноокій Ифестъ, чрезъ силу влекущій хромую
Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ троянамъ,
Съ нимъ полнокудрый Фебъ и мѣткостью стрѣлъ Артемида
Гордая, Лито и Ксанѳъ и Киприда съ улыбкой привѣтной.
Были надменны ахейцы, пока не вмѣшалися боги
Въ бой — Ахиллесъ появленьемъ своимъ, по долгомъ покоѣ,
Ихъ ободрилъ, а трояне, при видѣ Пелеева сына,
Блескомъ брони Арею подобнаго, всѣ трепетали—
Но лишь только сошли Олимпійцы ко смертнымъ, Эриннисъ
Страшно свирѣпствовать вдругъ начала. То стоя на валѣ,
Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря
Гласомъ могучимъ Аѳина кричала. И черной подобенъ
Бурѣ, Арей завывалъ, то съ горней вершины Пергама
Клича троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у высокой
Каликолоны, внѣ стѣнъ, не вдали Симонсова брега.
Такъ Олимпійскіе боги рать на рать возбуждали.
Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истребленья
Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ
Съ неба; внизу колебалъ Посидонъ необъятную землю;
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды,
Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало.
Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоней возмутился;
Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ страшася, чтобъ свыше

Твердой земли не пронзилъ Посидонъ сокрушитель, чтобъ оку
Смертныхъ людей и боговъ неприступный Аидъ не открылся,
Страшный, мглистый, пустой, и безсмертныхъ самимъ ненавистный.

ГЛАВКЪ ДІОМЕДУ.

(Иліада, VI, ст. 145—149).

Другъ, для чего о породѣ моей меня вопрошаешь?
Листьямъ лѣснымъ племена человѣковъ подобны. На землю
Вѣтеръ бросаетъ увядшіе листья: другіе выводитъ
Лѣсъ, оживая съ весной молодою. И люди подобно!
Племя одно настаетъ—исчезаетъ племя другое.

СМЕРТНЫЙ И БОГИ.

Клеанту умъ вскружилъ Платонъ.
Мечталъ ежеминутно онъ
О той гармоніи свѣтилъ,
О коей мудрый говорилъ.
И сталъ Зевеса онъ молить,
Хотя минуту усладить
Его симъ таинствомъ небесъ....
«Несчастный! отвѣчалъ Зевесъ,
О чемъ ты молишь? Смертнымъ вамъ
Внимать не должно небесамъ,
Пока вы жители земли!»
Но онъ упорствовалъ. «Внемли!
Отецъ, тебя твой молитъ сынъ!»
И неба мощный властелинъ
Безумной просьбѣ уступилъ,
И слухъ безумцу отворилъ:
И сталъ внимать онъ небесамъ,
Но что жъ послышалося тамъ?...

Земныхъ громовъ стозвучный стукъ,
Всѣхъ молній свистъ, изъ мощныхъ рукъ
Зевеса льющихся на насъ,
Всѣхъ яростныхъ оркановъ гласъ
Слабѣй жужжанья мошки былъ
Предъ сей гармоніей свѣтилъ!
Онъ поблѣднѣлъ, онъ въ прахъ упалъ.
«О что ты мнѣ услышать далъ?
То ль небеса твои, отецъ?...»
И рекъ Зевесъ: «Смирись, слѣпецъ!
И знай: доступное богамъ
Вовѣки недоступно вамъ!
Ты слышишь бурю грозныхъ силъ...
А я — гармонію свѣтилъ.»

ПАМЯТНИКИ.

1. [Изъ Гёте].

То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято.
Для самыхъ позднихъ внуковъ тамъ звучитъ
Его благое слово и живетъ
Его благое дѣло.

2. [Съ англійскаго].

Кто скрытъ во глубинѣ сихъ гордыхъ пирамидъ?
Внимай! Забвенье здѣсь со смѣхомъ говоритъ:
Они мои! я ихъ пожрало!
Воспоминанье здѣсь оковы разорвало.

МЫСЛИ.

[Изъ Гёте].

1.

Чистъ душой ты былъ вчера,
Нынѣ дѣйствуешь прекрасно—
И отъ завтра жди добра:
Бывшимъ будущее ясно.

2.

Будь несолнеченъ нашъ глазъ—
Кто бы солнцемъ любовался?
Не живи духъ Божій въ насъ—
Кто бъ божественнымъ плѣнялся?

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

ВЪ НОЧИ НАКАНУНѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ.

И такъ твой гробъ съ мольбой объемлю;
И такъ покинула ты землю,
Небесно-чистая душа;
Какъ Божій ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужъ нѣтъ...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святаго;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земнаго;
А ты?... О, каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ тобою;
Съ твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святаго промысла ему.

Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной...
И вдругъ ко гробу твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ,
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою ль мы тебя видали?...
Сей погребальный ѳиміамъ,
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ,
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробоваго трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ...
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія...
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:
«Не возмущайтеся душой.» *
О, это ты; сей голосъ твой!
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія царицы,
Землѣ навѣки отдадутъ—
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,

* Въ сію ночь было читано Евангеліе: «да не смущается сердце ваше».

Лишь смерти безъименный знакъ;
Въ земной, таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія...
Но жизнь прекрасная твоя,
Символъ прекрасный провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительный прощанья часъ
Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ,
Съ невыразимымъ умиленьемъ,
Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею твоею...
О, я дерзаю передъ нею
За всю Россію говорить,
И въ голосъ мой соединить
Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянные моленье:
Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами!
За тронъ твой, царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ твоимъ
Украшенный, превознесенный;
За образецъ, тобой явленный
Божественныя чистоты;
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы;
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
За чистые, душой твоей
Полвѣка сохраненны нравы,
За благодать, съ какою ты

Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты....
Съ тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
Въ тебѣ могилѣ уступая,
Въ минуту скорбную сію,
Въ единый плачъ сліясь сердцами,
Всѣ предъ тобою говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: благодаримъ!

[12 Ноября 1828].

ВИДѢНІЕ.

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окрыленный,
Ангелъ встрѣтился со мной:
Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ, какъ надежда;
Какъ покорность небу, тихъ;
И на крыліяхъ живыхъ—
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира—онъ летѣлъ....
Съ чѣмъ летѣлъ, куда?... Я знаю!

Добрый путь! благословляю,
Божій ангелъ, твой удѣлъ.
Ждутъ тебя; твое явленье
Будетъ тамъ, какъ провидѣнье,
Откровенное очамъ;
Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый міръ освѣтишь....
Съ ними былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землей навѣкъ простился,
Онъ опять на небо взятъ;
Ты имъ данъ за ихъ утрату;
Твой чередъ—благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть.

1829.

АЛОНЗО.

БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА.

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ зàмку Бальби приближался,
Полонъ пѣсней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
Струны звонкія подслушавъ,
Обомлѣетъ, затрепещетъ,
И съ альтана взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ зàмокъ Бальби,
И подъ окнами поетъ онъ
Все, что сердце молодое
Втайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсней
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожій
Прошепталъ съ лицомъ печальнымъ:
«Не тревожь покоя мертвыхъ;
Спитъ во гробѣ Изолина.»

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова;
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви зàмка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробѣ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Всѣхъ проникъ незапный трепетъ:
Оживленная, изъ гроба
Изолина поднялася....

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь незапно къ жизни,

Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

И не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?...

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ—и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ,
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу....

Небеса кругомъ сіяютъ,
Безмятежны и прекрасны....
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безотвѣтныхъ.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
«Сколь щедро взысканъ я богами!

Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ.... побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ. —

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украшенъ новой:
Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.»
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломкомъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали....
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,

Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ Фортуна благодѣетъ....
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой.
«Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала.»

Испуганъ гость нежданой вѣстью....
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына....
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:

Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда жъ въ несчастьи рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ. —

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
«Моимъ избраннымъ достояньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ....»
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»

Царь изъявилъ благоволенье....
Вдругъ царскій поваръ въ исступленьѣ
Съ нежданой вѣстію бѣжитъ:
«Найдёнъ твой перстень драгоцѣнный,
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ.»

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: «бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою....»
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ....
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.

Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ....
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ.

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю

Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Разцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;

Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврориныкъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

ДОНИКА.

БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ.

Есть озеро передъ скалой огромной;
На той скалѣ давно стоялъ
Высокій зàмокъ и громадой темной
Прибрежны воды омрачалъ.

На озерѣ ладья не попадалась;
Рыбакъ страшился удить въ немъ;
И ласточка, летя надъ нимъ, боялась
Къ нему дотронуться крыломъ.

Хотя бъ стада отъ жажды умирали,
Хотя бъ палилъ ихъ лѣтній зной:
Отъ береговъ его они бѣжали
Смятенно-робкою толпой.

Случалося, что вѣтеръ и осокой
У озера не шевелилъ:
А волны въ немъ вздымалися высоко,
И въ нихъ ужасный шопотъ былъ.

Случалося, что бурею разима,
Дрожала твердая скала:

А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
  Была спокойнѣе стекла.

И каждый разъ—въ то время, какъ могилой
  Кто въ зàмкѣ угрожаемъ былъ—
Пророчески, гармоніей унылой
  Изъ бездны голосъ исходилъ.

И въ зàмкѣ томъ, могуществомъ великій,
  Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доники:
  Лицо—какъ день, глаза—какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
  Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
  Счастливецъ этотъ былъ Эвраръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
  Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ совокупитъ
  Святымъ союзомъ навсегда. —

Былъ вечеръ тихъ и небеса алѣли;
  Съ невѣстой шелъ рука съ рукой
Женихъ; они на озеро глядѣли
  И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листахъ деревъ, ни знака
  Малѣйшей зыби на водахъ....
Лишь лаяньемъ Доникина собака
  Пугала пташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
  И въ темныхъ таяла очахъ:
На жениха съ тоской она глядѣла,
  Ей въ душу вкрадывался страхъ.

Все было вкругъ какой-то полно тайной;
Безмолвно гасъ лазурный сводъ:
Какой-то сонъ лежалъ необычайной
Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
И тихій голосъ издала:
Гармонія въ дали небесъ высокой
Отозвалась и умерла....

При звукѣ семъ Доника поблѣднѣла
И стала сумрачно-тиха;
И вдругъ.... она трепещетъ, охладѣла,
И пала въ руки жениха.

Оцѣпенѣвъ, въ безумствѣ изступленья,
Отчаянный онъ поднялъ крикъ....
Въ Доникѣ нѣтъ ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый ликъ.

Онъ рвется.... плачетъ.... вдругъ пошевелились
Ея уста.... потрясена
Дыханьемъ легкимъ грудь.... глаза открылись....
И встала медленно она.

И мутными глядитъ кругомъ очами,
И къ другу на руку легла,
И слабая, невѣрными шагами
Обратно въ зàмокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея ланиты,
Не свѣжей розы красотой,
Но блѣдностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
Какой-то острый лучъ сверкалъ,

И съ блѣдностью ланитъ, глубоко впавшихъ,
Онъ что-то страшное сливалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ее прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И выла жалобно вдали.

Но нѣжная любовь не измѣнила:
Съ глубокой нѣжностью Эврарь
Скорбѣлъ объ ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася мольбамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы всѣ померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчъ.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ...
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна, какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ.... окруженъ лучами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицомъ, улыбкою, очами....
И въ немъ Донику онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ....
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

ЛЕНОРА.

БАЛЛАДА, ИЗЪ БЮРГЕРА.

Ленорѣ снился страшный сонъ;
Проснулася въ испугѣ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
И вѣренъ ли подругѣ?»
Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость.... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей ни какой:
Никто объ немъ не знаетъ.

Когда же мимо рать прошла—
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ?
Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»
И дочь свою цѣлуетъ.
— О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

«Прости ее, Небесный царь!
Родная, помолися;
Онъ благъ, его руки мы тварь:
Предъ нимъ душой смирися.»
— О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ...
Немилостивъ со мною онъ;
Предъ нимъ мой крикъ былъ тщетенъ....
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.

«Дитя, отъ жалобъ удержись;
Смири души тревогу;
Пречистыхъ таинъ причастись,
Пожертвуй сердцемъ Богу.»
— О другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ;
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.

«Но что, когда онъ самъ забылъ
Любви святое слово,
И прежней клятвѣ измѣнилъ,
И связанъ клятвой новой?

И ты, и ты объ немъ забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоитъ слезъ предатель;
Ему судья Создатель.»

—О другъ мой, другъ мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную пазло
Мнѣ провидѣнье дало....
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ....
О горе мнѣ! о горе!

«Небесный царь, да ей проститъ
Твое долготерпѣнье!
Она не знаетъ, что творитъ:
Ея душа въ забвеньѣ.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведетъ ко благу Божій путь;
Смиреннымъ рай награда;
Страшись мученій ада.»

— О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
Съ нимъ розно—все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая.—

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала...
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,

Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ.... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо....
Въ ней жилки задрожали....
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?»
— Ахъ, милый!... Богъ тебя принесъ!
А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился.....
Ты какъ здѣсь очутился?

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней....
Я ѣду издалека.
Не медли, другъ; сойди скорѣй;
Путь долгъ, мало срока.»
— Начто спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ.

«Что нужды намъ до тьмы ночной!
Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
Часы бѣгутъ; конь борзый мой
Копытомъ землю роетъ;

Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
        Не въ пору сонъ и нѣга:
        Сто миль намъ до ночлега.»

— Но какъ же конь твой пролетитъ
        Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
        Одиннадцать пробило.
«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ....
Гладка дорога мертвецамъ;
        Мы скачемъ, не боимся;
        До свѣта мы домчимся.»

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
        Гдѣ нашъ пріютъ укромный?
«Далеко онъ.... пять, шесть досокъ....
        Прохладный, тихій, темный.»
— Есть мѣсто мнѣ? «Обоимъ намъ.
Поѣдемъ; все готово тамъ;
        Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
        Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
        И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
        И вся къ нему прильнула.
Помчались.... конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
        Съ дороги вихри вьются,
        Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
        Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
        Тряслися и гремѣли.

«Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
«Гладка дорога мертвецамъ!...
Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?

«Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?
По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
Голосятъ надъ могилой.»
И виденъ ходъ: идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальной,
Какъ вой совы печальной.

«Заройте гробъ въ полночный часъ:
Слезамъ теперь не мѣсто;
За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
Зову съ моей невѣстой.
За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
Намъ дай на обрученье,
Пасторъ, благословенье.»

И звонъ утихъ.... и гробъ пропалъ....
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ!... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.

«Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
«Гладка дорога мертвецамъ!..
Да что же такъ дрожишь ты?»
— О мертвыхъ все твердишь ты!

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушныхъ рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
«Ко мнѣ, за мной, вы плясуны!
Вы всѣ на пиръ приглашены!
Скачу, лечу жениться....
Ко мнѣ! повеселиться!»

И летомъ, летомъ легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далѣ, далѣ!.... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
«Гладка дорога мертвецамъ!..
Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?

«Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
Я чую, ночь свѣжѣе;
Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
Мой конь, неспсь быстрѣе....

Оконченъ путь; исполненъ срокъ;
Нашъ близко, близко уголокъ;
Въ минуту мы у мѣста....
Пріѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ;
Ѣздокъ бичемъ стегнулъ затворъ —
Затворъ со стукомъ лопнулъ;
Они кладбище видятъ тамъ....
Конь быстро мчится по гробамъ;
Лучи луны сіяютъ,
Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ, Ленора, что потомъ?
О страхъ!... въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
Она въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ.... пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ... все пылью передъ ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ:
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой, летаетъ,
Віясь надъ ней, толпа тѣней,
И такъ ей припѣваетъ:

«Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
Твой трупъ сойди въ могилу!
А душу Богъ помилуй!»

СУДЪ БОЖІЙ
НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ.

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.»
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края....
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: «будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.»

Въ за̀мокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ....
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ....
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.»

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой за̀мокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.»

Ходъ былъ до Рейна отъ за̀мка подземной;
Въ страхѣ епископъ дорогою темной

Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
«Въ реинской башнѣ спасусь!» говоритъ.

Башня изъ реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшотками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится....
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ.... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣна епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ....
Ближе и ближе... доплыли.... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

КУБОКЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы,
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?»

И всѣ безотвѣтны.... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ....
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
«Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы
И взоръ устремилъ въ глубину....
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева́;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ ни какая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ....
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ни чья здѣсь душа не разскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна....»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ....
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ.... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной....
Мелькнула рука и плечо изъ волны....
И борется, споритъ съ волной....
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ....
И каждый, съ весельемъ, «онъ живъ!» повторялъ!
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной.
Спасъ душу живую красавецъ отважной.»

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда:
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ....
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда....
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой....
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
　　　Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
　　　Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
　　　Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
　　　И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненастный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
　　　Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
　　　Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

«И я содрогался.... вдругъ слышу: ползетъ
　　　Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ....
　　　Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.»

Чудесенъ разсказъ показался царю:
　　　Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
　　　Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскова.»

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.»

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою.»

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ....
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны....

Утихнула бездна.... и снова шумитъ....
И пѣною снова полна....
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ....
И бьетъ за волною волна....
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

ПЕРЧАТКА.

ПОВѢСТЬ, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ

На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшотки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ....
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася

Перчатка.... всѣ глядятъ за ней....
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
«Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
Ты любишь такъ, какъ говоришь,
Ты мнѣ перчатку возвратишь.»

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.
У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

КОРОЛЕВА УРАКА

И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ.

Пять чернецовъ въ далекій путь идутъ;
Но имъ назадъ уже не возвратиться;
Въ отечествѣ имъ болѣ не молиться:
Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
Ты насъ въ своихъ молитвахъ помяни,
А надъ тобой Христосъ съ Пречистой Дѣвой!

Послушай, три пророчества тебѣ,
Мы отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смирись, своей покорствуя судьбѣ:

Въ Мароккѣ мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ въ послѣдній часъ
Прославимъ мы того, кто самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Коимбру наши грѣшныя тѣла
Перенесутъ: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ мучениковъ доля
Для христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ
Изъ васъ двоихъ, король иль ты, умретъ
Въ ту ночь: на утро новый день взойдетъ,
Его жъ очей онъ болѣ не освѣтитъ.

Прости же, королева, Богъ съ тобой!
Вседневно за тебя молиться станемъ,
Пока мы живы; и тебя помянемъ
Въ ту ночь, когда конецъ настанетъ твой.—

Пять чернецовъ, одинъ послѣ другова
Благословитъ ее, въ свой путь пошли,
И въ Африку смиренно понесли
Небесный даръ ученія Христова.

«Король Альфонзо, знаетъ ли что̀ свѣтъ
О чернецахъ? Какая ихъ судьбина?
Пріялъ ли умъ царя Мирамолина
Ученье ихъ? Или уже ихъ нѣтъ?»

— Свершилося великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь;
Предъ Господомъ стоятъ они теперь
Въ вѣнцѣ, въ одеждѣ мучениковъ бѣлой.

А ихъ тѣла, подъ зноемъ, подъ дождемъ,
Лежатъ въ пыли, истерзаны мученьемъ;
И вѣрные почтить ихъ погребеньемъ
Не смѣютъ, трепеща передъ царемъ.—

«Король Альфонзо, изъ земли далекой
Какая намъ о мученикахъ вѣсть?
Оказана ль имъ погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолинъ жестокой?»

— Свирѣпый мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
Безъ погребенья честнаго истлѣли,
Чтобъ расклевалъ ихъ вранъ иль псы ихъ съѣли,
Чтобъ ихъ костей земля не приняла;

Но Божіи тамъ молніи пылали;
Но Божій громъ всечасно падалъ тамъ;
Къ почіющимъ въ нетлѣніи тѣламъ
Ни песъ, ни вранъ коснуться не дерзали.

Мирамолинъ, симъ чудомъ пораженъ,
Подумалъ: намъ такіе страшны гости,
И Педро, братъ мой, взялъ святыя кости;
Ужъ на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ.—

Всѣ алтари коимбрскіе цвѣтами
И тканями богатыми блестятъ;
Всѣ улицы коимбрскія кипятъ
Шумящими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждутъ.

— Пойдемъ, жена моя Урака, время!
Насъ ждутъ; собрался весь духовный чинъ.
«Поди, король Альфонзо, ты одинъ,
Я чувствую болѣзни тяжкой бремя.»

— Но мощи мучениковъ изцѣлятъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградятъ.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедляй процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой,
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ народомъ.—

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ, все кипитъ народомъ;
Дорога вся—какъ цѣпь людей одна.

«Король Альфонзо, позади со мною
Не оставайся ты; спѣши впередъ,
Чтобъ первому, предупредя народъ,
Почтить святыхъ-угодниковъ мольбою.

«Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
И нуженъ мнѣ хоть мигъ отдохновенья;
Послѣдую тебѣ безъ замедленья...
Спѣши жъ впередъ со свитою, мой другъ.»

Немедленно король коню далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ позади остался весь народъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій вепрь имъ путь перебѣжалъ.
«Лови! лови!» къ своимъ нетерпѣливый
Кричитъ король—и конь его ретивый
Черезъ поля за вепремъ поскакалъ.

И вепря онъ гоняетъ. Той порою
Медлительно во срѣтенье мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь народъ валитъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святыя раки;
Уже онѣ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь народъ.

Но гдѣ жъ король?... Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ, глядитъ... со свитою своей,
Окончa ловъ, король Альфонзо скачетъ.

«Угодники святые, за меня
Вступитеся! [она гласитъ, рыдая].
Мнѣ помоги, о Дѣва Пресвятая,
Въ послѣдній часъ рѣшительнаго дня.»

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуетъ;
Народъ поетъ; всѣ улицы шумятъ;
Не радостенъ лишь королевинъ взглядъ;
На праздникѣ одна она тоскуетъ.

Проходитъ день, и праздникъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ:
Святымъ мощамъ молился онъ въ слезахъ;
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится.... вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣньемъ;
Онъ видитъ: въ храмъ съ молитвой, съ тихимъ пѣньемъ
Толпа гостей таинственныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ неземной,
И свѣтятся преображенны лицы.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять иноковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платья,
И вѣтви пальмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто велъ пришельцевъ незнакомыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою имъ ведомыхъ.

Предъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалося, свершали погребальный
За упокой души они обрядъ.

—Скажите, кто вы? [чудомъ изумленной,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духовникъ].
О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

«Угодниковъ святыхъ ты слышишь гласъ;
Мы братья ихъ, пять чернецовъ смиренныхъ:
Сопричтены за муки въ ликъ блаженныхъ;
Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

«Исполнили мы королевѣ данный
Обѣтъ: ее теперь возьметъ земля;
Поди отсель, увѣдомь короля
О томъ, чему ты зритель былъ избранный.»

И скрылось все.... Оставивъ храмъ, чернецъ
Спѣшитъ къ Альфонзу съ вѣстію печальной....
Вдругъ тяжко звонъ раздался погребальной:
Онъ королевинъ возвѣстилъ конецъ.

ПОКАЯНІЕ.

БАЛЛАДА.

Былъ папа готовъ литургію свершать,
Сіяя въ святомъ облаченьи,
Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшенья.

И папа обрядъ очищенья свершалъ;
Во прахѣ народъ простирался;
И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
Горѣ во святомъ ѳиміамѣ,
И страхъ соприсутствія Божія былъ
Разлитъ благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочетъ сказать—
Устамъ не покорствуютъ звуки;
Сосудъ живоносный онъ хочетъ поднять—
Дрожащія падаютъ руки.

«Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
И бремя на немъ святотатства!
Нѣтъ части ему въ разрѣшеньи моемъ:
Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

«Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
Въ душѣ, погубленной отнынѣ;
И онъ обрѣтетъ осужденье одно
Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

«Бѣги жъ, осужденный; отвергнись отъ насъ;
Не жди моего заклинанья;
Бѣги, да свершу невозбранно въ сей часъ
Великій обрядъ покаянья.»

Съ толпой на колѣнахъ стоялъ пилигримъ,
Въ простую одѣтъ власяницу;
Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
Далекой отчизны, какъ нищій;
И цѣлые сорокъ онъ дней и ночей
Почти не касался до пищи;

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
Усерднѣй никто не молился....
Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гласъ —
Онъ блѣденъ поднялся и скрылся.

Спѣшитъ запрещенный покинуть онъ Римъ;
Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
Къ шотландскимъ идетъ онъ горамъ голубымъ,
Къ озерамъ отечества яснымъ.

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
Въ старинную дѣдовъ обитель:
Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотолѣ вождемъ
Имъ бывшій ко славѣ побѣдной,
Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ лицомъ,
Съ потухшими взорами, блѣдной.

Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ замокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельниковъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, ведомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покрова ни въ холодъ, ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздился, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о погибшихъ соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи тепломъ:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною кленовъ оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ сіялъ —
Багряной горѣлъ онъ громадой.

Но грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой, окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса рощи и воды.

Есть мѣсто—туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогой онъ ходитъ;
Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захолустьи, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачася лѣниво,
На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заглохшихъ крапивой;

И черны обломки: пожаръ тамъ прошелъ;
Золою, стоппвшейся въ камень,
И падшею кровлей задавленный полъ,
Рѣшотки, стерпѣвшія пламень,

И полосы дыма иа голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердитъ, пробуждая въ немъ страхъ,
О тайнѣ сей мрачной пустыни.

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
Округи могучій властитель;
Но нравился болѣ ей скромный вассалъ,
Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
И пастырь надъ ними молился....

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ
Обиды, любви, обезумленъ виномъ,
Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горитъ;
Стенаньямъ смѣется губитель;
Все пышетъ, валится, трещитъ и гремитъ,
И въ пеплѣ святыни обитель. —

Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
На горныхъ вершинахъ сіяло;
Сводъ неба глубокій былъ теменъ и чистъ;
Торжественно все утихало.

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки пѣли хвалебный канонъ,
И было ихъ сладостно пѣнье.

По-прежнему грустенъ, по-прежнему дикъ,
[Ужъ годы прошли въ покаяньѣ],
На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
Своей миротворной красою,
И тихой земли усыпленьемъ святымъ,
И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
И пилъ ароматъ онъ цѣлебный,
И въ слухъ долеталъ издалека порой
Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, подняль
На небо онъ взоръ свой угрюмой,
И долго смотрѣлъ и недвижимъ стоялъ,
Окованный тайною думой....

Но вдругъ содрогнулся—какъ будто о чемъ
Ужасномъ онъ вспомнилъ—глубоко
Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ путемъ
Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко.

Главу опустя, безнадежно унылъ,
Отчаянно стиснувши руки,
Приходитъ туда онъ, куда приходилъ
Ужъ годы вседневно для муки.

И видитъ.... у входа часовни сидитъ
Чернецъ, въ размышленьи глубокомъ,
Онъ чуденъ лицомъ; на него онъ глядитъ
Пронзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ наконецъ онъ: Христосъ
Тебя сохрани и помилуй!
И грѣшнику душу привѣтъ сей потресъ,
Какъ лучъ воскресенья—могилу.

— Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? [чернецъ вопросилъ]
Свою мнѣ повѣдай судьбину;
По виду ты странникъ: быть можетъ, ходилъ,
Свершая обѣтъ, въ Палестину?

Или ко гробамъ чудотворцевъ святыхъ
Свое приносилъ поклоненье?
Съ собою мощей не принесъ ли какихъ,
Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

«Мощей не принесъ я; къ гробамъ не ходилъ,
Спасающимъ насъ благодатью;
Не зрѣлъ Палестины.... но въ Римѣ я былъ,
И преданъ навѣки проклятью.»

— Проклятія вѣчнаго нѣтъ для живыхъ;
Есть вѣрный за падшихъ заступникъ.
Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
Грѣхахъ предо мною, преступникъ.

«Что сдѣлать не властенъ святѣйшій отецъ,
Владыка и Божій намѣстникъ,
Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?»

— Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ,
Гдѣ вѣдома участь земного;
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
Ужаснаго дѣла ночного. —

При словѣ семъ грѣшникъ на землю упалъ....
Всѣ члены его трепетали....
Онъ исповѣдь началъ.... но что онъ сказалъ,
Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ былъ,
Смотря сквозь древесныя сѣни;
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
Двѣ легкія вѣяли тѣни;

Двумя облачками казались онѣ;
Все выше, все выше взлетали:
И все неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
Во храмѣ свершалъ поминанье;

И пѣньемъ торжественнымъ полонъ былъ храмъ
И тихо дымились кадилы,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
Служили небесныя силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступилъ,
Пречистыхъ даровъ причастился,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
Сжалъ набожно руки.... и скрылся.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Воспоминаніе, Пѣсня и Изъ Гете [стр. 1—3] были напечатаны въ изданіи «Для немногихъ», въ 1818 году, откуда Пѣсня перепечатана въ «Сынѣ Отечества» 1820, № 33. Всѣ они внесены только въ посмертное изданіе «сочиненій Жуковскаго» подъ годомъ ихъ первоначальнаго напечатанія, а нами помѣщены подъ 1816 г. на основаніи указанія г. Зейдлица, по словамъ котораго Жуковскій, разстроенный и огорченный предполагавшимся тогда выходомъ въ замужство М. А. Протасовой написалъ въ началѣ 1816 г. третье и первое изъ указанныхъ стихотвореній. Второе же, напечатанное вмѣстѣ съ ними и имѣющее прямое отношеніе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ жизни Жуковскаго, даже какъ будто вызвано было письмами къ нему Марьи Андреевны, писанными въ началѣ 1816 г., почему и отнесено нами также къ этому году.

Стихи, пѣтые на празднествѣ 28 марта 1816 г. [стр. 3] напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1816, № 14 и въ «Литературномъ Музеумѣ» 1827 г., а потомъ только въ посмертномъ изданіи.—Въ тетрадяхъ Пушкина сохранились переписанные его рукою 2, 3, 5 и 6 строфы этого стихотворенія и были напечатаны П. В. Анненковымъ въ VII т. сочиненій Пушкина, какъ черновой набросокъ его «Наполеона» [стр. 36]. Предполагали, что Пушкинъ написалъ ихъ по памяти или списалъ съ утраченнаго теперь оригинала, потому что напечатанный Анненковымъ текстъ представлялъ многіе варіанты; но когда рукописи Пушкина поступили въ Румянцевскій музей, то

по разсмотрѣніи ихъ, текстъ оказался совершенно одинаковымъ съ текстомъ Жуковскаго, слѣдовательно измѣненія сдѣланы были самимъ Анненковымъ, о чемъ онъ однако не упомянулъ при печатаніи.

Сонъ и Счастіе во снѣ [стр. 5, 6] напечатаны въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., а къ 1816 г. отнесены 5-мъ изданіемъ, равно какъ и стихотвореніе «Пѣсня бѣдняка» [стр. 5], напечатанное въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1820, ч. 10.

Весеннее чувство [стр. 7] напечатано въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1821, ч. 13, и отнесено 5 изданіемъ къ 1815 г., а нами къ 1816-му, на основаніи письма самого Жуковскаго въ статьѣ г. Зейдлица. Также по письму Жуковскаго помѣщено здѣсь и стихотвореніе Тамъ небеса.... [стр. 8], напечатанное въ первый разъ въ статьѣ Шевырева [Москвитянинъ 1853, № 2, стр. 79, 142]. Хотя оно написано въ подражаніе одному романсу Шатобріана, но многое измѣнено противъ подлинника и подробности взяты Жуковскимъ съ роднаго ему села Мишенскаго. Въ подлинникѣ заглавія нѣтъ, почему мы и опустили данный гр. Блудовымъ въ посмертномъ изданіи длинный заголовокъ: «Вольное подражаніе романсу Шатобріана: combien j'ai douce souvenance.»

Всѣ напечатанные на стр. 9—36 стихотворенія отнесены къ 1816 г. 5 изданіемъ; напечатаны же въ первый разъ были: Мщеніе и Узникъ въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, ч. 2; Гаральдъ и Три пѣсни въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1820, ч. 9 и 10; Овсяный кисель и Красный карбункулъ въ «Трудахъ общества любителей россійской словесности» 1817, ч. 9 и 10; Деревенскій сторожъ и Тлѣнность въ изданіи: «Для немногихъ» 1818, № 3. Извѣстно, что Пушкину не нравилось послѣднее стихотвореніе и онъ, пародируя начало, замѣтилъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ за̀мокъ Ретлеръ
Приходитъ въ мысль: что̀, если это проза,
Да и дурная?....

Батюшкову тоже не нравились переводы изъ Гебеля, и онъ писалъ Жуковскому, въ августѣ 1819: «Прошу тебя писать ко мнѣ; чего тебѣ стóитъ, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то Базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ— писать еще какъ Жуковскій.» [Р. Архивъ, 1884, I].

Явленіе боговъ [стр. 36] напечатано въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» 1827 г.

Къ мѣсяцу и Утѣшеніе въ слезахъ [стр. 38, 39], напечатанныя въ изданіи «Для немногихъ» 1818 г. [№ 1 и 2] и отнесенныя 5 изданіемъ къ тому же году, помѣщены нами подъ 1817-мъ, согласно указанію г. Зейдлица. По его словамъ, Жуковскій, подъ конецъ 1817 г. избранный учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, прощаясь съ дерптскими друзьями, перевелъ изъ Гёте эти двѣ пѣсни.

Къ портрету великой княгини Александры Ѳеодоровны [стр. 40] напечатано въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1818, № 2, а отсюда вошло въ 6-е изданіе, съ пропускомъ 6-го стиха.

Въ рукописи, принадлежащей П. И. Бартеневу, это стихотвореніе читается такъ:

Для насъ ее судьба на землю привела,
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
Какъ геній радости она предъ нами стала
И все прекрасное въ себѣ намъ отдала.
И намъ она мила, какъ счастья513 упованье!
Къ великому въ ней духъ растетъ и возрастетъ!
Она свою стезю съ достоинствомъ пройдетъ;
Въ ней не обманется Россіи ожиданье.

Въ рукописныхъ тетрадяхъ Жуковскаго это же стихотвореніе записано съ измѣненіемъ двухъ начальныхъ стиховъ:

Для насъ рука судьбы въ сей міръ ее ввела;
Для насъ она душой цвѣла и созрѣвала.

Вслѣдъ за этимъ помѣщена тамъ и надпись къ портре-

ту императрицы Елизаветы Алексѣевны [стр. 41], впервые нами напечатанная.

Въ альбомъ кн. Щербатовой [стр. 41] напечатано въ «Москвитянинѣ» 1852, № 24, и перепечатано въ посмертномъ изданіи подъ 1817 годомъ.

Къ этому же году относится «Протоколъ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія», напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» 1868, № 4—5:

Мѣсяцъ Травень, нахмурясь, престолъ свой отдалъ Изоку;*
Пылкій Изокъ появился, но пасмуренъ, хладенъ, насупленъ;
Былъ онъ отцомъ посаженымъ у мрачнаго Грудня. Груденъ, извѣстно,
Очень давно за зимой волочился; теперь ужъ они обвѣнчались.
Съ свадьбы Изокъ принесъ два дождя, пять лужъ, три тумана
[Радъ ли, не радъ ли, а надобно было принять ихъ въ подарокъ].
Онъ разложилъ предъ собою подарки и фыркалъ. Межъ тѣмъ собирался
Тихо на берегѣ Карповки [славной рѣки, гдѣ не водятся карпы,
Гдѣ по преданію Карпъ-Богатырь кавардакъ по субботамъ
Ѣлъ, отдыхая отъ славы], на берегѣ Карповки славной [1]
Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ двадесятый, подъ сводомъ
Новосозданнаго храма, на коемъ начертано имя
Вѣщаго Штейна, породой германца, душой арзамасца.
Сѣлъ Арзамасъ за столъ съ величавостью скромной и мудрой насѣдки,
Сѣлъ Арзамасъ—и явилось въ тотъ мигъ небывалое чудо:
Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы [2] стало бурчанье.
Члены смутились. Реинъ [3] дернулъ за кофту Старушку, [4]
Съ страшной перхотой Старушка бросилась въ руки Варвику, [5]
Журка [6] клюнулъ Пустынника, [7] тотъ за хвостъ Асмодея. [8]
Началъ бодать Асмодей Громобоя, [9] а этотъ облапилъ,
Сморщась, какъ дряхлый сморчекъ, Свѣтлану. [10] Одна лишь Кассандра [11]

---

* Древне-славянскія названія мѣсяцевъ: Травень—май, Изокъ—іюнь, и ниже Груденъ—ноябрь.

1. На дачѣ С. С. Уварова, подъ Петербургомъ; тамъ была выстроена бесѣдка, посвященная Штейну.—2. Эоловой Арфы, арзамасское прозвище А. И. Тургенева.—3. М. Ѳ. Орловъ.—4. С. С. Уваровъ.—5. Н. И. Тургеневъ.—6. Сокращенное прозвище Ф. Ф. Вигеля — Ивиковъ Журавль.—7. Д. А. Кавелинъ.—8. Кн. П. А. Вяземскій.—9. С. П. Жихаревъ.—10. В. А. Жуковскій.—11. Д. Н. Блудовъ.

Тихо и ясно, какъ пень благородный съ своимъ протоколомъ,
Ушки сжавши и рыльце поднявъ къ милосердому небу,
Въ креслахъ сидѣла. «Уймись, Арзамасъ! возгласила Кассандра,
Или гармонія пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно въ часы пресыщенья, когда имъ
Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, какъ вѣчностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что нынѣ пузо бурчитъ и хлебещетъ не даромъ;
Мнѣ Дельфійскій треножникъ оно. Прорицаю, внимайте!»
Взлѣзла Кассандра на пузо, сѣла Кассандра на пузѣ;
Стала съ пуза Кассандра, какъ древле съ вершины Синая
Вождь Моисей ко евреямъ, громко вѣщать къ арзамасцамъ:
«Братья-друзья, арзамасцы! Въ пузѣ Эоловой Арфы
Много добра. Но одни ль немъ кишки и желудокъ?
Близко пуза, я чувствую, бьется, копышется сердце;
Это сердце, какъ Весты лампада, горитъ не сгарая.
Бродитъ, я чувствую, въ темномъ Дедалѣ по близости пуза
Честный отшельникъ—душа; она въ своемъ заточеньи
Всѣ отразила прельщенья бѣсовъ и душиста добротой
[Такъ говоритъ объ ней Николай Карамзинъ, нашъ историкъ].
Слушайте жъ, вотъ что душа изъ пуза инкогнито шепчетъ:
Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльникомъ! Полно
Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на каткѣ и шить на халдеевъ,
Сгорбясь, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ;
Время проснуться! Я вамъ примѣръ. Я бурчу, забурчите жъ,
Братцы, и вы, и съ такой же гармоніей сладкою. Время,
Время летитъ. Насъ доселѣ сбирала безпечная шутка;
Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у безплодной
Жизни. Но что же? Она ужъ устала, иль скоро устанетъ.
Смѣхъ безъ веселости только кривлянье. Старыя шутки—
Старыя дѣвки! время прошло, когда по слѣдамъ ихъ
Рой обожателей мчался; теперь позабыты; въ морщинахъ,
Зубы считаютъ, въ разладѣ съ собою, мертвы не живши.
Бойся жъ и ты, Арзамасъ, чтобъ не сдѣлаться старою дѣвкой.
Слава—твой обожатель; скорѣе бракомъ законнымъ
Съ ней сочетайся; иль будешь бездѣтенъ, иль что еще хуже
Будешь имѣть дѣтей незаконныхъ, не признанныхъ ею,
Свѣтомъ отверженныхъ, жалкихъ, тебѣ самому въ посрамленье.
О Арзамасцы, всѣ мы судьбу испытали; у всѣхъ насъ
Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго тайна; но каждый,
Жизнью своей охлажденный, къ сей тайнѣ ужъ вѣру теряетъ;
Въ каждомъ душа, какъ свѣтильникъ горящій въ пустынѣ,

*

Свѣтъ одинокій окрестныя мглы не освѣтитъ. Напрасно
Намъ онъ горитъ, онъ лишь мрачность для нашихъ очей озаряетъ.
Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то въ такой же пустынѣ
Также тускло и тщетно братскій пылаетъ свѣтильникъ?
Намъ отъ того не свѣтлѣе! Ближе, друзья, чтобъ другъ друга
Видѣть въ лицо и сливши пламень души [неприступной
Хладу убійственной жизни], достоинства первое благо
[Если ужъ счастья нельзя] сохранить посреди измѣненья!
Вмѣстѣ, великое слово! Вмѣстѣ, твердитъ унывая
Сердце, жадное жизни, томяся безплоднымъ стремленьемъ.
Вмѣстѣ! Оно воскреситъ намъ наши младыя надежды.
Что мы розно? Одинъ, увлекаемъ шумнымъ потокомъ
Скучной толпы, въ мелочныхъ затерялся заботахъ. Напрасно
Ищетъ себя, онъ чуждъ и себѣ и другимъ; каменѣетъ,
Къ мертвому рабству привыкнувъ; и цѣпи свои презирая,
Ихъ разорвать не стремится. Другой, потерявъ невозвратно
Въ мигъ единый все, что было душою полжизни,
Вдругъ межъ развалинъ одинъ очутился и новаго зданья
Строить не смѣетъ; и если бы смѣлъ, то гдѣ жъ ободритель,
Дерзкій создатель-младость, сестра вдохновенья? Надъ грудой развалинъ
Молча стоитъ онъ и съ трепетомъ смотритъ, какъ геній унывшій
Свой погашаетъ свѣтильникъ. Иной самому себѣ незнакомецъ,
Полный жизни мертвецъ, себя и свой даръ загвоздившій
Въ гробъ, имъ самимъ сотворенный, бьется въ своемъ заточеньи:
Силенъ свой гробъ разломить, но силѣ не вѣритъ—и гибнетъ.
Тотъ, великимъ желаньемъ волнуемый, силой богатый,
Радъ бы разлить по вселенной, въ сіяньи ль, въ пожарѣ ль, свой пламень;
Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но... голосъ въ пустынѣ.
Отзыва нѣтъ! О братья, предъ нами во дни упованья
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали разстилалась.
Близкимъ стало далекое! Что же? Предъ темной завѣсой,
Вдругъ упавшей межъ нами и жизнію, каждый стоитъ безнадеженъ;
Часто трепещетъ завѣса, есть что-то живое за нею,
Но рука и поднять ужъ ее не стремится. Нѣтъ вѣры!
Будемъ ли жъ, братья, стоять передъ нею съ ничтожнымъ покорствомъ?
Вмѣстѣ, друзья, и она разорвется, и путь намъ свободенъ.
Вмѣстѣ—нашъ геній-хранитель; при немъ благодатная бодрость;
Намъ она безопасный пріютъ отъ судьбы вѣроломной;
Пусть налетятъ ея бури, оно для насъ уцѣлѣетъ!

Съ нимъ и слава не рабскій криковъ толпы повторитель,
Но свободный судья современныхъ, потомства наставникъ;
Съ нимъ и награда—не шумная почесть, гремушка младенцевъ,
Но священное чувство достоинства, внятный немногимъ
Голосъ души и съ голосомъ избранныхъ, лучшихъ согласный.
Съ нимъ жизнодательный трудъ съ безкорыстною цѣлью — для пользы;
Съ нимъ и великій геній: отечество. Такъ, арзамасцы!
Тамъ, гдѣ во имя отечества по двѣ руки во едину
Слиты, тамъ и оно соприсутственно. Братья, дайте же руки!
Все минувшее, все что въ честь ему нѣкогда жило,
Съ славнаго царскаго трона, и съ тихой обители сельской,
Съ поля, гдѣ жатва на пепелѣ падшихъ бойцовъ разцвѣтаетъ,
Съ гроба пѣвцовъ, съ великанскихъ кургановъ, свидѣтелей чести,
Все къ намъ голосъ знакомый возноситъ: мы нѣкогда жили;
Всѣ мы готовили славу; и вы приготовьте потомкамъ!—
Вмѣстѣ, друзья, чтобъ потомству нашъ голосъ былъ слышенъ!»
  Такъ говорила Кассандра, холя десницею пузо.
Вдругъ наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, подошли приложиться съ почтеньемъ
Къ пузу въ томъ мѣстѣ, гдѣ пупъ цвѣтетъ лѣсной сыроѣжкой.
  Тутъ осанистый Реинъ разгладилъ чело, отъ власовъ обнаженно,
Важно жезломъ волшебнымъ махнулъ—и явилося нѣчто
Пышнымъ вратамъ подобное, къ свѣтлому зданью ведущимъ.
Звѣздная надпись сіяла на нихъ: Журналъ Арзамасскій.*
Мощной рукою врата растворилъ онъ; за ними кипѣли
Въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ; какъ гиганты смотрѣли
Лики славныхъ изъ сей оживленныя тучи; надъ нею
Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ неслося
Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ божество—просвѣщенье
Къ грозной и мирной богинѣ свободѣ. И всѣ арзамасцы,
Пламень почуя въ душѣ къ вратамъ побѣжали... Все скрылось.
Реинъ сказалъ: «потерпите, голубчики! я не достроилъ;
Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ вамъ довольно.»
  Члены, зная, что Реинъ искусный строитель, утихли,
Сѣли опять по мѣстамъ, и явился, клюкой подпираясь,
Самъ Асмодей. Погонялъ онъ бичемъ мериносовъ Бесѣды.
Важенъ предъ стадомъ тащился старый баранъ, волочившій
Тяжкій курдюкъ на скрыпящихъ колесахъ—Шишковъ сѣдорунный;

* М. Ѳ. *Орловъ* предлагалъ арзамасцамъ издавать журналъ и притомъ съ политическимъ оттѣнкомъ.

Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брюхатая, охалъ.
Важно везъ назади оселъ Голенищевъ-Кутузовъ
Тяжкій съ притчами возъ, а на козлахъ мартышка
Въ буркѣ, графъ Дмитрій Хвостовъ, тряслась; и, качаясь, на дышлѣ,
Скромно висѣлъ въ чемоданѣ домашній тушканчикъ Вздыхаловъ.
Стадо загнавши, воткнулъ Асмодей на вилы Шишкова,
Отдалъ честь Арзамасу и началъ китайскія тѣни
Членамъ показывать. Въ первомъ явленьи предстала
Съ кипой журналовъ политика, ротъ зажимая цензурѣ,
Старой кокеткѣ, которую тощій гофмейстеръ Яценко*
Вѣжливо подъ руку велъ, нестерпимый Духъ издавая.
Вслѣдъ за политикой вышла словесность; платье богини
Радужнымъ цвѣтомъ сіяло, и слѣдомъ за ней ея дѣти:
Съ лирой, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и розъ, поэзія-дѣва
Шла впереди; вкругъ нея какъ крылатыя звѣзды летали
Свѣтлыя пчелы, медъ свой съ цвѣтовъ чужихъ и домашнихъ
Въ даръ ей собравшія. Объ руку съ нею и поступью важной
Шла благодарная проза въ длинной одеждѣ. Смиренно
Хвостъ ей несла грамматика, старая нянька (которой,
Сѣвъ въ углу на словарь, Академія дѣлала рожи).
Свита ея была многочисленна; въ ней отличался
Важный маляръ Демидъ-арзамасецъ. Онъ кистью, какъ древле
Тростью Цирцея, махалъ и предъ нимъ, какъ изъ дыма, творились
Лица, изъ видовъ заемныхъ въ свои обращенныя виды.
Все покорялось его всемогуществу: даже Бесѣда
Вѣжливой чушкою лѣзла пыхтя изъ подъ докторской ризы.
Третья дочь словесности: критика съ плетью, съ метелкой
Шла, опираясь на вкусъ и смѣлую шутку; за нею
Князь Тюфякинъ несъ на закоркахъ театръ, и нещадно
Кошками сѣкли его Піериды, твердя: не дурачься.
Смѣсь послѣдняя вышла. Предъ нею музы тащили
Чашу большую съ ботвиньей; тамъ все переболтано было:
Пушкина мысли, вести о курахъ съ лицомъ человѣчьимъ,**
Письма о бѣдныхъ къ богатымъ, старое за-ново съ новымъ.
Быстро тѣни мелькали предъ взорами членовъ одна за другою.
Вдругъ все исчезло. Члены захлопали. Вилы предъ ними
Важно склонилъ Асмодей, и стряхнувъ съ нихъ Шишкова,
Въ уголъ толкнулъ сего мериноса; онъ комомъ свернулся,

* Тогдашній цензоръ, издававшій Духъ Журналовъ.

** Описаніе курицы, имѣющей въ профилѣ фигуру человѣка, книга Г. Фишера, изд. въ Москвѣ 1815.

Къ стѣнкѣ прижался, и молча глазами вертѣлъ.—Совѣщанье
Начали члены. Пріятно было послушать, какъ вмѣстѣ
Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину. Бѣгло
Быстрымъ своимъ язычкомъ работàла Кассандра, и Реинъ
Громко шумѣлъ; Асмодей воевалъ на Свѣтлану; Свѣтлана
Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ; впившись въ Старушку,
Крикомъ кричалъ Громобой, упрямясь родить анекдотецъ.
Арфа курныкала пѣсни. Пустынникъ возился съ Варвикомъ.
Чѣмъ же сумятица кончилась? Дѣломъ: «журналъ» состоялся.

Кстати, приводимъ изъ «Р. Архива» 1876, № 1, рѣчь сказанную Жуковскимъ при пріемѣ В. Л. Пушкина въ «Арзамасское общество»:

Рѣчь «Свѣтланы» члену «Вотъ», лежащему подъ шубами.

Какое зрѣлище передъ очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снисшелъ съ своею музою, чистою дѣвою Парнасса, въ обитель нечистыхъ барышень покушенія, и вывелъ ее изъ сего вертепа неосрамленною, хотя и близокъ былъ сундукъ;[1] тотъ В. Л., который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки,[2] но г. Фонтаня и г. Делиля; тотъ В. Л., который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку. Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорятъ мнѣ мои очи? Увы! я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное хладнымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его, какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей В. Л. есть Энцеладъ; онъ славно вооружился противъ Зевеса-Шутовскаго, и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшешествующаго къ Арзамасу, метель «Расхищенныхъ шубъ». И не спасла его дѣвственная муза, матерь Буянова,[1] и лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ.[3] Очи его постигла курячья слѣпота «Бесѣды»; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакость «Академическихъ Извѣстій», издаваемыхъ г. Шишковымъ. О другъ нашъ, скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: терпѣніе, любезный!

---

[1] См. «Опасный сосѣдъ».—[2] Намекъ Шишкова на праздное путешествіе В. Пушкина.—[3] Намекъ на остроту кн. Вяземскаго: «ты въ шубахъ Шутовской холодный; въ водахъ ты Шутовской сухой». Расхищенныя шубы—поэма, а Липецкія воды—пьеса кн. Шаховскаго.

Сіе испытаніе конечно есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту Арзамасскаго Гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилищѣ Арзамаса; но ты еще скверенъ, еще короста «Бесѣды», покрывающая тебя, не совсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, В. Л.! Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ ветхій В. Л. Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный Вотъ! Разсыпьтесь, шубы! Возстань, другъ нашъ! Гряди къ Арзамасу! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока—и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ Арзамасскаго Гуся, и онъ войдетъ въ святилищѣ желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ натуги.

Въ альбомъ жены С. Н. Глинки [стр. 41] напечатано въ «Славянинѣ» 1828, № 40, подъ заглавіемъ «Къ ***» и оттуда въ посмертномъ изданіи. До того было перепечатано въ запискахъ С. Н. Глинки [Р. Вѣстникъ 1866, № 3, с. 126], съ поясненіемъ: когда и по какому случаю написано.

Всѣ стихотворенія, напечатанныя на стр. 42—70, отнесены къ 1818 г. 5 изданіемъ. Напечатаны они были въ первый разъ почти всѣ въ изданіи «Для немногихъ» 1818 г., именно: въ № 1: Рыцарь Тогенбургъ; въ № 2: Листокъ; въ № 3: Утренняя звѣзда, Вѣрность до гроба; въ № 4: Горная дорога, Лѣсной царь, Лѣтній вечеръ; въ № 5: Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Графъ Габсбургскій. Послѣднее стих. перепечатано было въ «Вѣстн. Европы» 1819, № 13, а предыдущее издано отдѣльно въ Москвѣ въ 1818 г. Кромѣ того перепечатаны были: Рыцарь Тогенбургъ въ «Сынѣ Отеч.» 1818, № 9; Вѣрность до гроба — тамъ же 1821, № 17, и Лѣтній вечеръ — тамъ же № 44. За тѣмъ остальныя изъ стихотвореній, помѣщенныхъ на 42 — 70 стр., были напечатаны: Невыразимое—въ «Памятникѣ Отеч. Музъ» 1827 г., Къ мимопролетѣвшему генію—въ «Сынѣ От.» 1820, № 42; Жизнь—тамъ же № 18.

Слѣдующія за тѣмъ въ нашемъ изданіи стихотворенія, на стр. 70—72, отнесены нами къ 1818 г. по времени ихъ первоначальнаго напечатанія въ изданіи «Для немногихъ»: Рыбакъ, Мина и Жалоба пастуха—въ № 1, Новая любовь —въ № 2. Они въ изданія «сочиненій Жуковскаго» при жизни его не были внесены, а напечатаны только въ посмертномъ.

Въ альбомъ Карамзиной [стр. 73] взято нами изъ 6-го изданія «сочиненій», а кантата К. В. Рамлера: Смерть Іисуса [стр. 77]—изъ «Русскаго Архива» 1870, № 7. Оба отнесены къ 1818 г. по находящимся при нихъ помѣтамъ о времени, въ которое были написаны. Прозаическій переводъ кантаты Рамлера, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный, напечатанъ въ Спб. въ 1821 году.

На кончину королевы Виртембергской [стр. 83] неправильно было отнесено Жуковскимъ къ 1818 г., ибо королева Екатерина Павловна скончалась 9 января 1819 г.

Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [стр. 104] — напеч. въ «Сынѣ Отечествѣ» 1821, № 1, и помѣчено тамъ: «въ въ іюнѣ 1819 г.» Стихотвореніе это не было перепечатываемо въ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго и только внесено нами въ предыдущее. Ровно черезъ годъ Жуковскій представилъ другой «Отчетъ о лунѣ», но уже не о Павловской, а объ упоминаемой въ его стихотвореніяхъ. Къ «Отчету» же о Павловской лунѣ онъ возвращался въ томъ же 1819 г. два раза и представлялъ государынѣ добавочные стихи, до настоящаго времени оставшіеся ненапечатанными.

29 іюля.

Я долженъ вашему величеству признаться
Въ неудовольствіи большомъ я на луну.
Возможно ли? Вчера ее на вышину
На фермѣ ждали мы и не могли дождаться!
        Упрямство вижу лишь одно.
        По небесамъ ночной порою
        Съ своею прежней красотою
        Она гуляетъ ужъ давно,
        И я довольно часто въ садѣ

Встрѣчался съ нею по ночамъ;
Мнѣ кажется, она въ досадѣ
За то, что въ донесеньи вамъ
Не помѣстилъ я грубой лести
И ей незаслуженной чести
Не отдалъ, совѣсть позабывъ,
И солнцу лиру посвятивъ
Его прославилъ въ воздаянье
За постоянное сіянье....
Еще догадка есть вѣрнѣй:
Ей показаться было стыдно
Въ одеждѣ скромной и невидной
Послѣдней четверти своей;
Къ тому жъ и свѣтъ ея не ярокъ:
Вчерашній день былъ очень жарокъ,
Сквозь душный дымъ паровъ она
Едва туманисто сіяетъ
И знойнымъ днемъ распалена
Во мглѣ туманной исчезаетъ
Съ своей напрасной красотой.
Но если истинной луной
[Застѣнчивой или упорной]
Мы любоваться не могли,
За то замѣну мы нашли
Въ лунѣ прекрасной стихотворной.
Небесную, въ небесной мглѣ
Оставивъ странствовать съ звѣздами,
Мы стихотворную въ столѣ,
Между летучими листами
Открывши, вызвали на свѣтъ.*
Любезный граціямъ поэтъ
Ей прелесть милыми стихами
Неизмѣняемую далъ
И тайны всѣ ея сказалъ
Душѣ немногими словами;
Какъ вѣрно онъ изобразилъ
Лучей плѣнительныхъ сіянье!

---

* Вѣроятно было прочитано стихотвореніе Нелединскаго-Мелецкаго: «Въ Павловской фермѣ 1810 года. Велѣно было написать стихи на сіявшую тогда луну».

Онъ съ милой кротостью сравнилъ
Ихъ животворное вліянье!
Ка̀къ на лазурной вышинѣ
Къ очаровательной лунѣ
Манимы свѣтлой красотою,
Младой игривою семьею
Бѣгутъ, летятъ издалека
Одушевленны облака,
Такъ все неволею пріятной
Летитъ къ богинѣ благодатной.
Съ веселой нѣжностью въ очахъ,
Съ пріятной лаской на устахъ,
Давъ руку молодой свободѣ,
Она привѣтная стоитъ
И радость вкругъ нея шумитъ
Въ непринужденномъ хороводѣ.
Какъ жаль, что нашъ Анакреонъ,
Парнасскій баловень, счастливецъ,
Нѐ въ пору сдѣлался лѣнивецъ
И къ вѣрной музѣ на поклонъ
Стиховъ плѣнительныхъ не носитъ,
Какъ тò бывало встарину,
И что на Пинда вышину
Его и случай не заброситъ:
Ему бы пѣть намъ про луну,
Мое же бѣдно дарованье.
Когда бъ меня онъ научилъ,
Я то бъ воспѣлъ, что онъ забылъ:
Священное воспоминанье!
«Какъ на душу его привѣтъ
Унылой думою находитъ,
Когда безмолвная наводитъ
Луна свой робкій полусвѣтъ
На ликъ уснувшія природы,
Какъ сладостно средь тишины
Изъ блеска трепетной луны
На насъ глядятъ минувши годы —
Бывалыхъ радостей земныхъ
Умчавшееся поколѣнье!
Какъ узнаетъ воображенье
Тамъ лица милыя родныхъ,
Когда-то міръ нашъ украшавшихъ,

И вмѣстѣ съ нами въ немъ видавшихъ,
Что видимъ мы теперь безъ нихъ».

Записавъ въ своей тетради нѣсколько мадригаловъ и обширширныхъ посланій къ фрейлинамъ и между прочимъ впервые нами напечатанное стихотвореніе Мойеру [стр 114] и къ Эммѣ [стр. 115], имѣющія близкое отношеніе къ самому поэту, Жуковскій опять возвращается къ «Отчету» и пишетъ:

3 августа.

Считаю должностью святой
Вамъ, государыня, признаться,
Что я одинъ не могъ добраться
До смысла рукописи той,
Которую судьба зарыла
Таинственно подъ древній пень,
И гдѣ ее донынѣ тѣнь
Волшебной кошки сторожила;
Но Ливій Сѣвера помогъ
Понять мнѣ непонятный слогъ
И выбрать золото изъ сора;
При свѣтѣ опытнаго взора
Провикнуть сумракъ старины
И силою воображенья
Изъ сей священной глубины
Исторгнуть древнія видѣнья.
И вотъ я сдѣлалъ переводъ
Стариннаго рукописанья.

Далѣе разсказывается въ 60 стихахъ про

.... все, что Кліи вѣрный сынъ
Намъ вдохновенный Карамзинъ
О разореніи Герсики
И о судьбѣ ея владыки

нашелъ въ преданьяхъ для Жуковскаго, а за тѣмъ еще стиховъ 90 посвящено разсказу о томъ, что найдено поэтомъ въ свиткѣ, охранявшемся кошкою. Впрочемъ эти 90 стиховъ скорѣе составляютъ только приступъ къ разсказу, ибо Жуковскій отвлекся сопоставленіемъ «блаженныхъ дней» съ «ученымъ хладнымъ вѣкомъ», когда человѣкъ сталъ недовѣрчивъ и «все разсудкомъ повѣряетъ и прелесть знаньемъ истребляетъ». Запутавшійся

разсказъ такъ и остался недоконченнымъ, завершившись опять цѣлымъ рядомъ мадригаловъ и посланій къ фрейлинамъ, графинямъ и княжнамъ.

Всѣ стихотворенія, помѣщенныя на стр. 101—111, 114—115, 127—147, находятся въ этихъ же тетрадяхъ поэта, за исключеніемъ только «Посланія къ гр. Шуваловой» [стр. 108]. Напечатаны они были: Къ В. П. Ушаковой и др. [стр. 101]—въ 7-мъ изданіи. Замѣтимъ, что въ рукописяхъ этихъ есть еще посланіе въ 84 стиха, увѣдомляющее о полученіи присланнаго въ башмакѣ, носовомъ платкѣ и лайковой перчаткѣ. Оно помѣчено «2 іюля».

Платокъ гр. Самойловой [с. 103] — тоже въ 7-мъ изданіи, но по другой рукописи. Въ указанной же тетради Жуковскаго есть еще два посланія къ гр. Самойловой: «18 Октября» и «5 Октября» того же года. Послѣднее оканчивается стихами:

Мы помѣнялися сердцами,
Взаимностью обручены,
На бракъ мы не равны годами,
За то мы дружествомъ равны.

Поэтому, не по-поводу ли именно этой особы Нелединскій-Мелецкій писалъ дочери 8 октября 1820 г. «При отъѣздѣ моемъ Жуковскій, какъ сказывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. Въ бытности твою здѣсь ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканій его дружбы ея, она не отвѣтствовала, и изъявленіе его къ ней дружбы приписала, какъ видно, другому чувству, которое впрочемъ внушить она всѣхъ болѣе можетъ... На эти слова она, сказываютъ, молчала и будто показались у ней на глазахъ слезы... По мнѣнію К. П., онъ это говоритъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule». Гр. Софья Александровна Самойлова [† 11 ноября 1866] была въ замужествѣ съ 27 апрѣля 1821 г. за гр. Алексѣемъ Алексѣев. Бобринскимъ. Для поясненія помѣтъ посланій Жуковскаго замѣтимъ, что 17 сентября былъ день ея

именинъ, а 4-е октября—день ея рожденья. Стихи писаны на слѣдующіе дни послѣ этихъ чиселъ.

Къ гр. Шуваловой [стр. 108] — напечатано въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» на 1827 г. и оттуда въ посмертномъ изданіи. Нами отнесено къ 1819 г., потому что въ указанной тетради Жуковскаго говорится о «представленіяхъ» въ этомъ году вначалѣ іюля:

Варвара Павловна, Элиза и Лизета,
Плещеевъ здѣсь и будетъ онъ готовъ
Въ одиннадцать часовъ
Исполнить вашу волю,
То есть вамъ прочитать какъ должно вашу ролю.

На смерть чижика [стр. 110], Амуръ и Мудрость [стр. 111]—напечатаны въ «Памятникѣ Отеч. Музъ» на 1827 г. и оттуда въ посмертномъ изданіи. Черновой набросокъ перваго стихотворенія находится въ той же тетради Жуковскаго; онъ былъ нами напечатанъ въ 7-мъ изданіи, подъ загл. Чижикъ и повторенъ въ нынѣшнемъ [стр. 110].

Цвѣтъ завѣта [стр. 111]—отнесено было самимъ Жуковскимъ въ 4-мъ изд. къ 1819 г., а въ 5-мъ къ 1818. Мы возстановили первое обозначеніе по письму самого поэта при посылкѣ этого стихотворенія М. А. Максимовичу для напечатанія въ его «Кіевлянинѣ» [кн. 1, 1840]:

«Посылаю вамъ для вашего «Кіевлянина» мой старый еще неизвѣстный стихотворный грѣхъ. Эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснить для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны по желанію, на заданный предметъ, и получили бы особенный интересъ, если бъ можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарій. Теперь же они безъ интереса для читателя; и посылая ихъ вамъ, доказываю только мою готовность исполнить ваше желаніе—пріютить меня въ вашемъ альманахѣ.—Письмо ваше къ Гоголю доставлю въ Москву: онъ теперь тамъ; но едва ли отъ него что получите; у него нѣтъ ничего цѣлаго.—Простите. Буду ждать съ любопытствомъ вашего литературнаго дѣтища. Преданный вамъ Жуковскій. — 23 Декабря 1839. — Прибавлю, что «Цвѣтъ завѣта» написанъ былъ — въ Павловскѣ, іюля 2, 1819 г.»

Значеніе этого стихотворенія, указанное нами въ подстрочной выноскѣ, Жуковскій объяснилъ только А. П. Елагиной. Да-

же для друга его, Зейдлица, оно осталось тайною, такъ что въ книгѣ своей о Жуковскомъ [1883, стр. 113] онъ замѣтилъ: «Посылая къ роднымъ найденный въ полѣ «Цвѣтъ завѣта», онъ.... такъ увлекся, такъ сроднился съ великокняжескою семьею, что въ новорожденномъ великомъ князѣ видѣлъ «новаго товарища» въ союзѣ родныхъ».

Мойеру [стр. 114] печатается впервые къ рукописи 1819 года.

Къ Эммѣ [стр. 115] помѣщено въ той же рукописи вслѣдъ за предыдущимъ стихотвореніемъ, а напечатано было въ «Славянинѣ» 1828, № 43 и оттуда только въ посмертномъ и 7-мъ изд., но не подъ соотвѣтствующимъ годомъ. Конечно, не случайно этотъ переводъ изъ Шиллера слѣдовалъ непосредственно послѣ стиховъ, посвященныхъ Мойеру.

Праматерь внукѣ [стр. 115]. Стихотвореніе это, отнесенное Жуковскимъ въ 5 изданіи также къ 1818 году, мы перенесли на 1819 г., ибо в. кн. Марія Николаевна, на первое причащеніе коей оно написано, родилась 6 августа 1819 г.

Цеиксъ и Гальціона [стр. 117]. Мы перенесли въ 1819 г. этотъ переводъ изъ 1822-го, указаннаго въ 5 изданіи, потому что онъ былъ читанъ Жуковскимъ въ засѣданіи Россійской Академіи 8 января 1820 г. Напечатанъ онъ былъ также ранѣе года, указаннаго 5-мъ изд., именно въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 9.

Подробный отчетъ о лунѣ [стр. 127]—отнесенъ Жуковскимъ къ 1822 г., но по словамъ Зейдлица былъ читанъ Жуковскимъ въ Павловскѣ, въ іюнѣ 1820 г. Дѣйствительность этого подтверждается и первымъ напечатаніемъ стихотворенія отдѣльною брошюрою въ 1820 г., при чемъ сдѣлана помѣта, возстановленная нами въ текстѣ, что стихотвореніе это было представлено авторомъ государынѣ именно «въ Павловскѣ 18 іюня 1820 г.»

Въ комитетъ по случаю похоронъ бѣлки [стр. 138]—впервые напечатано было нами въ 7 изданіи, по списку. По отпечатаніи мы нашли его и въ сообщенныхъ намъ рукописяхъ

поэта 1819—1820 г. Значеніе стихотворенія разъяснено г. Кеппеномъ въ «Р. Старинѣ» 1883 г.

Письмо къ Нарышкину и объясненіе [стр. 141, 143] находятся въ этихъ же рукописяхъ; впервые же письмо напечатано было въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» на 1827 г., а Объясненіе—въ 7 изданіи.

Письмо А. Г. Хомутовой [стр. 145]—находится въ тѣхъ же рукописяхъ. Впервые напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855, № 1, подъ заглавіемъ: «Къ N. N.». При перепечаткѣ въ посмертномъ изд. Блудовъ исключилъ весь postscriptum. По словамъ А. Г. Хомутовой, въ 1820 г. на вечерѣ у гр. Бобринской Жуковскій увидѣлъ и просилъ прислать какую-то книгу, гдѣ много говорилось о мертвецахъ, привидѣніяхъ и предчувствіяхъ. На другой день А. Г. напомнила графинѣ о просьбѣ Ж—го, и запечатавъ книгу, послала ему съ своими стихами:

Pourquoi toujours par des fantomes
Voulez-vous effrayer les hommes,
Notre tenebreux enchanteur?
Il suffit que votre génie
Les fasse tous mourir d'envie
Sans les faire mourir de peur.

Подчеркнутые слова дали Жуковскому поводъ назвать себя ея «крестникомъ». Къ P. S. говорятъ о траурной матеріи для платья, которую просили Жуковскаго передать Хомутовой.

Къ кн. Оболенской [стр. 147 и 154]. Второе изъ этихъ стихотвореній напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1822 г. № 1, а первое—тамъ-же въ № 10, хотя, судя по содержанію, должно быть написано ранѣе напечатаннаго прежде него. Оно не было внесено Жуковскимъ въ «собраніе его сочиненій» и перепечатано только въ посмертномъ, тогда какъ второе перепечатывалось авторомъ въ 3, 4 и 5 изданіяхъ, и отнесено въ послѣднемъ къ 1818 г. Мы поставили его подъ 1820 г., потому что кн. Оболенская именно лѣтомъ 1820 г. пріѣзжала въ Петербургъ и потому что самъ Жуковскій отнесъ его сюда въ своемъ 3 изданіи, напечатанномъ въ 1824 г., и процензирован-

номъ еще въ 1822 г., когда авторъ могъ вѣрнѣе, нежели въ 1849 г., опредѣлить: когда именно онъ писалъ это стихотворенiе, потому что въ первомъ случаѣ ему приходилось припоминать—за два или за 4 года назадъ оно написано, а во второмъ—разница была уже между 29-ю—31-мъ годами.

Посланiе Перовскому [стр. 156]. Напечатано въ «Моск. Телеграфѣ» 1827, № 7, подъ заглавiемъ: «Къ ***». Съ именемъ Перовскаго явилось по автографу въ Р. Архивѣ 1878, II, съ помѣтою редакцiи, что оно написано «послѣ 1818 г.».

Три путника [стр. 159]—въ Соревнователѣ просвѣщенiя 1820, № 5.

Орлеанская дѣва [стр. 160]. Отрывки изъ этого перевода первоначально были напечатаны въ изданiи «Для немногихъ» еще въ 1818 г. [№ 6] и въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., а полный переводъ появился въ 3-мъ изданiи «сочиненiй» Жуковскаго, вышедшемъ въ 1824 г. Поэтому г. Зейдлицъ не совсѣмъ точно говорилъ, будто Жуковскiй въ первую поѣздку свою заграницу [съ октября 1820], по прiѣздѣ въ Берлинъ, «тотчасъ же принялся переводить «Орлеанскую дѣву», которую и успѣлъ окончить во время путешествiя и на обратномъ пути въ Берлинѣ» [1821 г.]. Какъ видно, Жуковскiй только продолжалъ въ Берлинѣ переводъ, начатый слишкомъ за два года до того въ Петербургѣ. Нѣкоторыя мѣста подлинника остались не переведенными, а можетъ быть исключены тогдашней цензурою. Послѣднее предположенiе, кажется, подтверждается письмомъ Жуковскаго къ Гнѣдичу, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ: «и Iоанна попала въ узники и къ такому тюремщику, что ужъ не видать ей свободы». Эти «исключенныя» или «не переведенныя» мѣста приведены нами въ выноскахъ къ тексту, въ переводѣ Л. А. Мея, и П. Загарина. Имена двухъ сестеръ Iоанны Margot и Marie измѣнены Жуковскимъ въ Алину и Арманъ.

Пери и ангелъ [стр. 315] — напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 20, и тогда-же перепечатано отдѣльною брошюрою. Поясняющiя текстъ подстрочныя выноски, бывшiя въ

этихъ двухъ изданіяхъ, не вошли въ послѣдующія перепечатки. Они пополнены нынѣ поясненіями П. Загарина.

Лалла-Рукъ [стр. 335]. Напечатано въ Моск. Телеграфѣ 1827, № 5. Въ 1821 г. во время пребыванія великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Берлинѣ былъ устроенъ великолѣпный праздникъ, между прочимъ, съ рядомъ живыхъ картинъ на сюжетъ поэмы Томаса Мура: «Лалла-Рукъ», въ которыхъ она сама изображала Лалла-Рукъ, а великій князь Николай Павловичъ — Америса [См. «Отеч. Зап.» 1866, № 12, стр. 746—7]. Прозаическій переводъ самаго путешествія Лалла-Рукъ, связывающій 4 эпизода этой поэмы, изданъ въ Москвѣ въ 1830 г.

Явленіе поэзіи [стр. 338] напечатано въ «Памятникѣ Отеч. Музъ» 1827 г. и отнесено къ 1821 г. 5 изданіемъ.

Къ портрету Гете [стр. 340] напечатано въ «Соревнов. Просв.» 1821, ч. 13. Оно было внесено только въ посмертное изданіе. Пушкинъ упрекалъ Жуковскаго въ непомѣщеніи этого стихотворенія въ 3-мъ собраніи сочиненій: «Надпись къ Гёте», «Ахъ, еслибъ мой милый», «Геній»—все это прелесть; а гдѣ они? [Р. Арх. 1870, № 6].

Обѣты [стр. 340] напечатано въ М. Телеграфѣ 1827, № 13, безъ подписи, какъ и помѣщенное вмѣстѣ съ нимъ стихотвореніе кн. Вяземскаго: «Къ молящейся».

Въ альбомъ Алябьевой [стр. 340]. Напечатано въ Москвитянинѣ 1852 г., № 18, и оттуда въ посмертномъ изданіи.

Шильонскій узникъ [стр. 341]. Переводъ отнесенъ къ 1821 г. 5-мъ изданіемъ, а напечатанъ былъ въ первый разъ отдѣльною брошюрою въ 1822 г. [цензура 14 апрѣля]. Книжечка печаталась Н. И. Гнѣдичемъ и вышла съ приложеніемъ картинки, рисованной И. Ивановымъ по наброску А. Н. Оленина и гравированной А. Ухтомскимъ. Картинка эта раздѣлена на двѣ части: въ верхней она представляетъ видъ Шильонскаго зáмка, а въ нижней—видъ темницы. О печатаніи сохранились у Гнѣдича письма и замѣтки Жуковскаго, между которыми находятся и шуточныя записки къ Гнѣдичу, въ стихахъ,

изъ которыхъ первая послана была въ Одессу, гдѣ Гнѣдичъ познакомился съ А. П—й Зонтагъ, а вторая написана по возвращеніи его въ Петербургъ:

Здравствуй, мой другъ, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ! Не сѣтуй,
Долго такъ отъ меня не имѣя ни строчки отвѣтной;
Вѣдаешь милый Гомеровъ толмачъ, что писать я не падокъ!
Вѣдаешь, также и то, что и молча любить я умѣю;
Можешь объ этомъ узнать отъ одесской новой знакомки;
Радъ я весьма за тебя, что съ нею ты встрѣтился. Вѣрь мнѣ,
Дружба ея цѣлительнѣй воздуха. Крымское небо,
Память древности свѣтлой, величіе понта, бесѣду
Женщины милой, съ душой поэтической, пѣсни Гомера,
Миръ души, беззаботность—все это смѣшай хорошенько
Въ чистой водѣ Иппокрены и пей ежедневно, и будешь
Снова здоровъ. Честь имѣю пребыть съ совершеннымъ почтеньемъ,
Милостивый Государь, покорнымъ слугою: Жуковскій.

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о выспренній Гнѣдичъ!
Буду усердно, пріявши перстами, преддверіямъ жаднаго носа
Прахъ сей носить благовонный и, сладко чихая, сморкаться:
Будетъ платкамъ отъ него помаранье, а носу великая слава!
Гдѣ ты сегодня? Что Алексѣй Николаевичъ? Лучше ль
Стало ему? Постараюся нынѣ съ нимъ видѣться утромъ.
Если бы ты, Николай, взгомозился зайти по дорогѣ за мною;
Вмѣстѣ бъ пошли мы, дорогой вѣщая крылатыя рѣчи другъ другу.

Кстати укажемъ, что въ поздравленіи А. А. Воейковой Гнѣдичу, 2 февраля 1823 г., Жуковскій приписалъ:

Я также, Николай Гомеровичъ почтенный,
Имѣю честь поздравить васъ,
Съ тѣмъ, что когда-то въ этотъ часъ
Вы были Николай новорожденный.

Замокъ Смальгольмъ [стр. 355]. Баллада эта, первоначально озаглавленная согласно подлиннику: «Ивановъ вечеръ», была представлена Жуковскимъ въ цензуру въ августѣ 1822 г., но ею не пропущена, такъ что Ж. долженъ былъ обратиться съ жалобою къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Цензурный комитетъ съ своей стороны представилъ министру обширный докладъ, съ подробнымъ изложеніемъ содержанія баллады, выписками стиховъ, сличеніемъ ихъ съ

подлинникомъ и пр., нашелъ 23 невѣрности въ переводѣ и привелъ 6 пунктовъ, по которымъ стихотвореніе должно быть запрещено, какъ «не заключающее въ себѣ ничего полезнаго для ума и сердца и совершенно чуждое всякой нравственной цѣли». Благодаря, однако, вмѣшательству министра, переводъ явился черезъ два года въ печати: въ «Соревнователѣ Просв.» [1824 г. № 2], подъ заглавіемъ «Замокъ Смальгольмъ» и въ «Новостяхъ Литературы» Воейкова [1824 г., кн. 7], подъ заглавіемъ «Дунвановъ вечеръ», съ замѣною вездѣ «Ивана» Дунканомъ и съ измѣненіемъ слѣд. стиховъ:

И она помолясь, и крестомъ оградясь,
Вопросила: «но что же съ тобой?»
. . . . . .
И ужасное знаменье въ столъ вожжено:
Напечатаны пальцы на немъ;
На рукѣ обожженной чернѣетъ пятно:
И закрыта съ тѣхъ поръ полотномъ.

Подробности этого цензурнаго процесса изложены у М. И. Сухомлинова въ «Матеріалахъ для исторіи просвѣщ. въ Россіи», приложенныхъ къ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1866 г. [стр. 37—48 и 94—95]. Въ 1824 г. баллада, подъ нынѣшнимъ заглавіемъ, была перепечатана въ 3-мъ изданіи «стихотвореній Ж.» съ обширными примѣчаніями, сохранившимися и въ 4-мъ изданіи, но не вошедшими въ 5-е и 6-е.

Вотъ эти примѣчанія, составляющія отчасти отвѣтъ на обвиненія цензуры, особенно настаивавшей на неумѣстности «панихиды», «чернецовъ» и пр. въ безнравственномъ стихотвореніи:

«Замокъ Смальгольмъ [Smaylho'm или Smallholm-Tower], гдѣ полагается сцена происшествія, описаннаго въ сей балладѣ, извѣстенъ любителямъ шотландскихъ древностей и живописныхъ видовъ. Онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, не подалеку отъ сѣверныхъ предѣловъ графства Роксбургскаго и въ самой срединѣ пустынныхъ утесистыхъ горъ, называемыхъ песчаными скалами [Sandiknow-crags]. Доселѣ цѣло главное зданіе, огромная четвероугольная башня; окружающій ее широкій дворъ былъ обнесенъ стѣною, нынѣ упадшею, и сверхъ того защищаемъ почти отовсюду глубокимъ оврагомъ и болотомъ; приближеніе къ оному возможно только съ западной сто-

роны, и то по крутой, каменистой тропинкѣ. Комнаты за̀мка, какъ во всѣхъ пограничныхъ шотландскихъ крѣпостцахъ, расположены по одной въ каждомъ ярусѣ и соединяются узенькими лѣстницами; стѣны въ девять футовъ толщины; кромѣ внутреннихъ деревянныхъ дверей, входъ загражденъ извнѣ желѣзною рѣшоткою; на кровлѣ два бартизана, или платформа, кои могли служить и для обороны въ случаѣ осады, и для прогулки и обозрѣнія окрестностей. Одна изъ ближайшихъ къ замку горъ господствуетъ надъ прочими; она называется: Watchfold [сторожевая]; тутъ въ смутныя времена безпрестанной войны съ Англіей, зажигался маякъ и стоялъ караулъ. У стѣны, внѣ двора, и теперь еще видны развалины часовни.

Вальтеръ Скоттъ, авторъ сей баллады, въ младенчествѣ своемъ жилъ въ сосѣдствѣ Смальгольма, иногда и въ самомъ замкѣ, который принадлежитъ одному изъ его родственниковъ, и по чувству благодарности поэтической, захотѣлъ прославить его стихотворною сказкою: формы оной [между прочимъ частыя риѳмы на полустишія] заимствованы имъ изъ народныхъ былевыхъ пѣсень южной Шотландіи [Border tale]; содержаніе имѣетъ сходство съ однимъ стариннымъ преданіемъ, донынѣ сохранившимся у суевѣрныхъ ирандцевъ.

Торопясь въ Бротерстонъ.

Бротерстонъ—уединенная лощина въ горахъ за нѣсколько миль отъ Смальгольма.

Анкрамморскія битвы баронъ не видалъ.

Со временъ Эдуарда I до начала семнадцатаго вѣка, эпохи соединенія Шотландіи съ Англіей, военныя дѣйствія въ сопредѣльныхъ областяхъ сихъ государствъ почти не прекращались. Часто между монархами существовали мирные договоры, даже родственныя связи, но ихъ подданные не покидали оружія: они попеременно раздражали своихъ сосѣдовъ, или мстили имъ незапными нападеніями, грабежами, убійствами. Такъ въ 1544 году лордъ Эверсъ и баронетъ Бріанъ Лятонъ ворвались съ вооруженными толпами въ окрестности Лиддеселя и, опустошая ихъ, принуждали жителей присягать королю англійскому. Ими, какъ повѣствуютъ очевидцы, выжжено около двухъ сотъ за̀мковъ, домовъ, церквей; убито болѣе четырехъ сотъ человѣкъ; множество отведено въ плѣнъ и съ ними [замѣчаніе, достойное шотландской экономіи] цѣлыя стада лошадей, рогатаго и мелкаго скота. Сказываютъ, что Генрихъ VIII обѣщалъ отдать симъ хищникамъ разоренный ими край въ феодальное помѣстье; услышавъ о томъ, Арчибальдъ Дугласъ графъ Ангусскій поклялся, что напишетъ жалованную грамату на нихъ самихъ острымъ перомъ и кровавыми чернилами. «Узнаютъ, прибавилъ онъ, каково ругаться надъ гробами моихъ предковъ»; ибо лордъ Эверсъ и Бріанъ Лятонъ истребили мо-

гильные камни Дугласова рода въ аббатствѣ Мельрозскомъ. Въ 1545 году они опять вступили въ Шотландію; съ ними было 3000 наемныхъ иностранныхъ воиновъ, 1500 англичанъ изъ ближнихъ графствъ и 700 присягнувшихъ Англіи шотландцевъ. Сей второй набѣгъ еще болѣе перваго ознаменованъ дѣлами безчеловѣчія: лордъ Эверсъ, взявъ Брумгаузъ, сжегъ не только зáмокъ, но, какъ утверждаетъ Леслей, и владѣтельницу онаго, престарѣлую почтенную женщину со всѣмъ ея семействомъ. Дошедши до Мельрозскаго аббатства и снова разграбивъ оное, англичане отступили къ Джедборгу; въ семъ мѣстѣ ихъ догналъ графъ Ангусскій съ тысячью человѣкъ конницы; къ нему вскорѣ присоединился и славный Норманъ Леслей: онъ начальствовалъ войсками графства Файвскаго; лордъ Эверсъ, вѣроятно опасаясь переправляться черезъ рѣчку Тевіотъ въ виду шотландцевъ, остановился среди полей, принадлежащихъ деревнѣ Анкрамъ-Муръ; полководцы шотландскіе съ своей стороны не знали, идти ли имъ впередъ. Пока они разсуждали о томъ, прискакалъ съ небольшимъ числомъ своихъ отборныхъ ратныхъ людей [retainers] баронетъ Вальтеръ-Скоттъ-Боклю: ему, какъ опытнѣйшему воину того времени, историки Бухананъ и Питтскотти приписываютъ успѣхъ послѣдовавшаго за симъ сраженія. По его совѣту, графъ Ангусскій отступилъ съ занятой имъ горы и, расположивъ свои войска у подошвы оной, на равнинѣ, называемой Паніергъ, или Пеніель-Гейгъ, отправилъ часть легкой конницы еще далѣе назадъ. Увидѣвъ ее на одномъ изъ крайнихъ къ горизонту холмовъ, англичане сочли сіе знакомъ общаго бѣгства шотландцевъ и устремились за ними въ погоню; но едва достигли оставленной Дугласомъ высоты, какъ имъ представилась главная сила шотландскихъ копейщиковъ (spearmen], готовая къ бою. Тогда шотланцы двинулись впередъ и съ яростію ударили на англійскія войска, усталыя, изумленныя, и сверхъ того ослѣпляемыя лучами заходящаго солнца и облаками пыли, которыя навѣвалъ на нихъ сильный встрѣчный вѣтеръ. Говорятъ, что въ минуту нападенія, цапля, испуганная шумомъ, поднялась изъ ближняго болота: «жаль, сказалъ графъ Ангусскій, что здѣсь нѣтъ моего сокола; у насъ бы разомъ было двѣ потѣхи.» Какъ скоро смѣшались ряды англичанъ, то невольные присяжники ихъ шотландцы, ждавшіе лишь сего случая, сорвали съ себя красные англійскіе кресты, присоединились къ единоземцамъ и, убивая бѣгущихъ непріятелей, восклицали: помни Брумгаузъ! Въ сей битвѣ погибли лордъ Эверсъ, баронетъ Бріанъ Лятонъ, сынъ его, множество другихъ знатныхъ людей и 800 рядовыхъ воиновъ; 1000 человѣкъ взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ лондонскій альдерманнъ Ридъ, котораго Генрихъ VIII, въ наказаніе за изъявленное имъ несогласіе на добровольную подать, отправилъ

сражаться съ шотландцами; впослѣдствіи, торгуясь о выкупѣ, Ридъ нашелъ, что его побѣдители еще неуступчивѣе короля въ дѣлахъ денежныхъ. Генрихъ VIII, узнавъ о смерти Эверса, грозился отомстить графу Ангусскому. Дугласъ отвѣчалъ съ чувствомъ достойнымъ своего рода: «неужли мой шуринъ* сердится за то, что я, какъ добрый шотландецъ, отплатилъ Ральфу Эверсу за разореніе отеческой земли и отеческихъ гробовъ: кажется предки мои того стоили; они были лучше насъ и короля Генриха; а онъ за это хочетъ отнять у меня жизнь; пусть отвѣдаетъ: ему худо знакомы горы Кирнетебльскія; въ нихъ я подержусь противъ всей его англійской арміи.»

Мѣсто, на коемъ была сія славная въ шотландскихъ лѣтописяхъ битва Анкраммορская, называется Лиліардинымъ косогоромъ [Lyliards-edge], по имени одной воинственной женщины, тутъ погребенной; иные старики еще видали ея надгробный камень съ слѣдующею надписью:

Fair maiden Lyliard lies under this stane;
Little was her stature, but great was her fame;
Upon english louns, she laids many thumps,
And, when he rlegs was cutted off, she fought upon her stumps.**

Въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить.

Нужно ли объяснять нашимъ читателямъ, что здѣсь греческое слово панихида [всенощная] употреблено въ смыслѣ не особеннаго рода службы, а вообще моленія объ усопшихъ, и что церковные обряды, о коихъ упоминается въ слѣдующихъ стихахъ, принадлежатъ къ богослуженію римско-католической вѣры. Въ 1545 году она была еще господствующею въ Шотландіи, хотя уже и прежде сего времени являлись въ ней многіе проповѣдники начатой Лютеромъ реформаціи; первые, Патрикъ Гамильтонъ аббатъ Фернскій и Генрихъ Форестъ бенедиктинскій монахъ, съ нѣкоторыми изъ ихъ послѣдователей, сожжены по приговору духовнаго судилища, и даже учреждена почти инквизиторская комиссія на новыхъ еретиковъ; въ оной предсѣдательствовалъ Джемсъ Гамильтонъ-Феннеръ, незаконнорожденный братъ графа Аррана, бывшаго регентомъ королевства. Только въ 1561 г. объявлена въ Шотландіи общею вѣрою—реформатская по уче-

* Графъ Ангусскій былъ женатъ на одной изъ сестеръ Генриха, Маргаритѣ, вдовѣ шотландскаго короля Іакова IV.

** Подъ симъ камнемъ лежитъ прекрасная дѣва Лиліардъ; она была роста малаго, но велика славою; ею нанесены англичанамъ многія язвы, и, потерявъ ноги въ бою, она, держась на колѣняхъ, еще сражалась.

нію Кальвинову, и симъ торжествомъ протестанты были обязаны вспоможенію, явному и тайному, англійской королевы Елизаветы.

Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ.

Эльдонъ, высокій холмъ съ тремя коническими вершинами, надъ самымъ городомъ Мельрозомъ, въ который любопытные пріѣзжаютъ смотрѣть развалины великолѣпнаго монастыря. На Эльдонѣ, какъ повѣствуютъ, подъ деревомъ давно уже истлѣвшимъ, произносилъ свои предсказанія, славный поэтъ и прорицатель XIII столѣтія, Томасъ Лирмонтъ, владѣлецъ замка Эрсильдона, прозванный: The Rhymer, то есть риѳмо или стихо-творецъ.

Дай одинъ мнѣ отвѣтъ! Ты спасенъ или нѣтъ?

Сей порывъ безкорыстной нѣжности въ преступной, изумленной страшнымъ видѣніемъ женщинѣ, достоинъ замѣчанія. Она забываетъ все: горесть потери, мщеніе супруга, ужасъ разговора съ пришельцемъ изъ другаго свѣта, и только спрашиваетъ: ея несчастный любовникъ не погибъ ли душою за нее, за беззаконную страсть, коей она была предметомъ. Читатель чувствуетъ, что такое сердце еще способно возвратиться къ добродѣтели, и что вѣра будетъ его путеводителемъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный.... кто онъ?
Та монахиня.... кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

Здѣсь опять должно замѣтить необыкновенное искусство автора. Вмѣсто того, чтобы съ школьнымъ риторствомъ описывать первыя дѣйствія раскаянія, почти всегда одинаковыя, онъ вдругъ переноситъ воображеніе читателя къ другой эпохѣ. Прошло много лѣтъ; въ самомъ сосѣдствѣ Смальгольма позабыты и могущественный феодальный владѣлецъ, и славная красотою жена его; даже память ужаснаго, сверхъестественнаго происшествія изглажена иными новѣйшими; но для виновныхъ ничто не миновалось; чувство преступленія живетъ и возраждается въ грызущей себя совѣсти; оно, какъ въ первые часы, наполняетъ всю душу сихъ отшельниковъ, безмолвныхъ, безутѣшныхъ навѣки.... но не безнадежныхъ, ибо предъ ними алтарь любви всепрощающей.»

Стихотворенія, напечатанныя на стр. 362—399, отнесены къ 1822 году 5 изданіемъ. Изъ этихъ стихотвореній были напечатаны: Воспоминаніе [стр. 362]—въ Моск. Телеграфѣ 1827 г. № 9; Побѣдитель [стр. 362] въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.; Разрушеніе Трои [стр. 370], переводъ 2-й пѣсни Виргиліевой Энеиды, въ томъ-же альманахѣ на 1823

[Смерть Пріама] и на 1824 г. [Приступъ къ замку Пріама]; Привидѣніе и Таинственный посѣтитель [стр. 394—395]—въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г.; Море [стр. 397] и Мотылекъ и цвѣты [стр. 398] въ томъ же альманахѣ на 1829 г., откуда взято нами и подстрочное примѣчаніе къ послѣднему стихотворенію, не вошедшее въ послѣдующія перепечатки. Наконецъ, Пѣсня «Отымаетъ наши радости» [стр. 399] была напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1822, № 15. Стихотворенія же: Близость весны [стр. 362] и Путешественникъ и поселянка [стр. 363] явились въ первый разъ въ 3 изданіи «Стихотвореній Жуковскаго».

«Я музу юную бывало» [стр. 401] было напечатано въ концѣ послѣднихъ томовъ 3-го, а потомъ 4-го изданія «Стихотвореній Жуковскаго» [Спб. 1824 и 1836 г.], но не вошло въ 5-е изданіе. Въ посмертномъ изданіи оно было отнесено къ 1836 г., согласно указанію Лонгинова [въ Р. Арх. 1864, № 5—6, с. 633], который означилъ 1836 годъ, вѣроятно, потому что просмотрѣлъ эти стихи въ изданіи 1824 г. Мы отнесли ихъ къ 1822 г., на томъ основаніи, что 3-е изданіе «Стихотвореній» было процензуровано, въ полномъ своемъ составѣ, еще 6 декабря 1822 г., почему въ немъ и не встрѣчается ни одного стихотворенія, написаннаго Жуковскимъ послѣ 1822 г.

19 Марта 1823 [стр. 402]—впервые напечатано въ нашемъ 7-мъ изданіи.

Отвѣтъ кн. Вяземскому [стр. 403] взятъ нами изъ 6 изданія «сочиненій».

Ангелъ и пѣвецъ [стр. 403] напечатано въ «Сынѣ Отеч.» 1823 г., № 41, и не вошло въ собранія сочиненій Жуковскаго, кромѣ только посмертнаго и 7-го изданій. Оно написано по слѣдующему поводу. Въ числѣ празднествъ, бывшихъ въ Гатчинѣ, въ 1823 г., по случаю пріѣзда невѣсты великаго князя Михаила Павловича, виртембергской принцессы Шарлотты, былъ данъ 6 октября музыкальный вечеръ. Въ концѣ его были пропѣты эти стихи, положенные на музыку Мауреромъ. Слова ангела пѣла княжна Хилкова, а пѣвца—г. Всеволожскій. Пе-

редъ вторымъ куплетомъ, на театрѣ, въ облакахъ, была представлена группа, изображавшая судьбу, которую окружали духи жизни. Подробное описаніе праздника помѣщено въ Отеч. Запискахъ 1823 г., ч. XVI, кн. 43 [314—316].

Къ Ушаковой и Гендриковой [стр. 406]. Въ первый разъ напечатано въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861, № 2, а къ 1823 г. отнесено посмертнымъ изданіемъ. Второе посланіе [стр. 407] печатается по подлинной рукописи въ первый разъ.

Прощальная пѣснь [стр. 409] напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1824, № 1, и отсюда вошла только въ посмертное изданіе. Ср. письмо къ А. П. Зонтагъ 5 марта 1824.

Хоръ дѣвицъ [стр. 411] напечатанъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1826, № 5, и въ «Отеч. Запискахъ» 1826, Мартъ, а отсюда въ посмертномъ изданіи. На этомъ экзаменѣ присутствовали кн. Вреде и герцогъ Веллингтонъ. Музыка къ стихамъ была написана Кавосомъ.

Прощальная пѣснь [стр. 412] напечатана въ «Отечест. Зап.» 1827, Мартъ, и въ «Славянинѣ» 1827, № 9, а отсюда тоже только въ посмертномъ изданіи. Стихи были присланы изъ Дрездена; музыку написалъ тоже Кавосъ.

Къ Гёте [стр. 414] напечатано въ первый разъ въ изданныхъ Н. И. Тургеневымъ, въ 1872 г., «Письмахъ А. И. Тургенева» [стр. 115]. Изъ письма, въ которомъ приведены эти стихи, видно, что Жуковскій 8 сентября 1827 г. пріѣхалъ въ Лейпцигъ, проведя три дня въ Веймарѣ, «въ бесѣдѣ съ Гёте», которому и оставилъ эти стихи. Кстати замѣтимъ, что когда А. И. Кошелевъ въ 1832 г. передавалъ Гёте поклонъ отъ Жуковскаго, то великій старецъ сказалъ: «А, Жуковскій! Онъ далеко пойдетъ! Онъ, кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ!» [Р. Арх. 1884, I, 248].

На миръ съ Персіею [стр. 415] напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1828, № 5, и въ «Славянинѣ» 1828, № 17, а оттуда перепечатаны въ посмертномъ изданіи.

Государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳео-

доровнѣ [стр. 416] напечатано нами въ первый разъ въ 7-мъ изданіи, по рукописи. Оно относится къ апрѣлю 1828 г. и написано по случаю открытія на Васильевскомъ Островѣ понынѣ существующаго «Дома призрѣнія бѣдныхъ императрицы Александры Θеодоровны».

Торжество побѣдителей [стр. 417] отнесено 5 изданіемъ къ 1829 г., а нами перенесено въ 1828 г., потому что помѣщено было въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ, процензурованныхъ 27 декабря 1828 г., и вышедшихъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года.

Отрывки изъ Иліады [стр. 422] отнесены Жуковскимъ къ 1832 г., между тѣмъ, какъ они были напечатаны въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., процензурованныхъ, еще въ 1828 г. Мы возстановили при переводѣ и подстрочное примѣчаніе, бывшее въ альманахѣ.

Слѣдующій же за симъ отрывокъ [стр. 442] былъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ «Собирателя» 1829 г., сборника вродѣ хрестоматіи, напечатаннаго для уроковъ государя наслѣдника. Оттуда же взяты: Мысли и Памятники [стр. 443], а изъ 2-й книжки «Собирателя»: Смертный и боги [стр. 442].

У гроба государыни Маріи Θеодоровны [стр. 444] отнесено Жуковскимъ къ 1829 г., а нами помѣщено въ 1828 г., потому что государыня скончалась 24 октября этого года, а погребеніе совершено 13 ноября. Стихотвореніе Жуковскаго было тогда же напечатано отдѣльной брошюрою, процензурованной 14 ноября, т. е. на другой день послѣ погребенія тѣла усопшей государыни.

Видѣніе [стр. 447] помѣщено въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1829 г. Въ нашемъ изданіи мы перенесли его въ 1828 г. изъ 1829 г., указаннаго 5-мъ изданіемъ, ибо оно относится къ первому посѣщенію императрицей Александрой Θеодоровной принятыхъ 6 декабря 1828 г. подъ ея покровительство учебныхъ заведеній, бывшихъ прежде подъ управленіемъ скончавшейся императрицы Маріи Θеодоровны.

Остальныя стихотворенія этого тома отнесены къ 1829 г. 5-мъ изданіемъ сочиненій Жуковскаго. Изъ нихъ Перчатка [стр. 478] напечатана въ «Муравейникѣ» 1831 г., № 3, а прочія всѣ появились въ первый разъ въ отдѣльномъ изданіи произведеній Жуковскаго, вышедшемъ въ 1831 г., въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ: «Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго».

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 05670 6750